

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ
ПОЛИТИКА**

ТОМ 13 • № 3 • 2021 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокочиш А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, заместитель директора Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова по исследованиям и разработкам, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабьшина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартнев В.И. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Белокрешицкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, лектор, Университет Калифорнии, Ирвайн, США

Звягельская И.Д. — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Сергушин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор

Малеванная Е.А.

Moscow University Bulletin of World Politics

ISSN 2076-7404

Vol. 13 • No. 3 • SUMMER • 2021

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, Deputy Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes; Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Center for Middle East Studies, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Lecturer at the University of California, Irvine, United States

Irina D. Zvyagelskaya — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Middle East Research Center, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Head of the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Dean of the School of World Politics, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404

Периодичность — четыре выпуска в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки); 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки)) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двойную цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономия международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 30.09.2021. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,0

Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 160 экз. Цена свободная. Изд. № 11816. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит» 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2021

MOSCOW UNIVERSITY BULLETIN OF WORLD POLITICS

ISSN 2076-7404

QUARTERLY

A peer-reviewed scholarly journal on international relations and world politics

Aims and Scope

Moscow University Bulletin of World Politics was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Moscow University Bulletin of World Politics pursues a two-folded aim. On the one hand it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original researches, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

School of World Politics, 1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run 160 copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

11 Akademika Khokhlova str., Moscow, Russia, 119991

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com/>

Printed at

OOO 'Amirit'

88 Chernyshevskogo str., Saratov, Russia, 410004

ОТ КОЛИЧЕСТВА К КАЧЕСТВУ: СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЯ КАК ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редакции	7
Ли Инань. Советский фактор в военно-техническом сотрудничестве США и КНР в годы холодной войны	12
Хань Шин. Взгляд китайских исследователей на ход и результаты военных реформ в России (с 1990-х годов по настоящее время)	48
Королёв А.Н. Балансы сил, угроз и интересов: логика стратегического сближения Китая и России в постбиполярный период	75
Песцов С.К. Дебаты о переменах во внешней политике современного Китая (по материалам англоязычных исследований)	112
Сафронова Е.И. Китайская экономическая дипломатия до и во время пандемии COVID-19	151
Потапов Д.А. Международные аспекты либерализации инвестицион- ного законодательства КНР на примере отношений с Европейским союзом	190

FROM QUANTITY TO QUALITY: CHINA BECOMING A GLOBAL POWER

CONTENTS

Editorial Note	7
Li Yinan. The Soviet Factor in the US-China Military-Technical Cooperation during the Cold War	12
Han Shiyiing. Chinese Scholars on the Progress and Outcomes of the Military Reforms in Russia (from the 1990s till Present)	48
Korolev A.N. Balances of Power, Threat, and Interests: The Logic behind China-Russia Strategic Alignment in the Post-Cold War Period	75
Pestsov S.K. Debates on Changes in the Foreign Policy of Contemporary China (A Case Study of the English Language Academic Publications)	112
Safronova E.I. Chinese Economic Diplomacy before and during the COVID-19 Pandemic	151
Potapov D.A. International Aspects of Investment Liberalization in the PRC: A Case of EU-China Cooperation	190

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие друзья!

Рады представить вам новый тематический выпуск нашего журнала! В фокусе внимания на этот раз окажется широкий круг вопросов, связанных с процессом становления Китайской Народной Республики в качестве по-настоящему глобальной державы. Особый акцент при этом будет сделан на истории, современном состоянии и перспективах развития российско-китайских отношений. Тенденция к сближению Российской Федерации и Китайской Народной Республики является одним из наиболее устойчивых международно-политических трендов последних десятилетий, с одной стороны, выступая отражением объективной динамики развития современной мировой политики, а с другой — наполняя ее конкретным специфическим содержанием. 2021 год предоставил целый ряд поводов присмотреться ко всем этим вопросам внимательнее, взглянуть на них под новым углом зрения.

Так, в 2021 г. отпраздновала свое 100-летие Коммунистическая партия Китая, 20-летие отметил Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Такого рода юбилеи всегда становятся хорошим поводом для того, чтобы подвести некоторые итоги, задуматься о будущем. Если говорить о двусторонних российско-китайских отношениях, то указанные события застали их в достаточно специфический момент.

С одной стороны, продолжается их устойчивое поступательное развитие, заставляющее многих политиков и экспертов поставить вопрос о перерастании двустороннего сотрудничества в полноценный союз. С другой стороны, оставаясь взаимодействием двух суверенных государств, каждое из которых преследует на международной арене собственные национальные интересы, это сотрудничество неизбежно сталкивается с целым комплексом объективных и субъективных препятствий. Подобное сочетание разнонаправленных тенденций создает уникальные возможности для научного поиска, поскольку имеется явная взаимная экономическая, политическая и военно-стратегическая заинтересованность, которая, однако, не трансформировалась в формальные обязательства, требующие соответствующей идеологической «накачки». Наличие интереса и

отсутствие жестких политических установок позволяют развивать взвешенный, серьезный и продуктивный научный диалог ученых двух стран. Примером такого, пусть и «заочного» диалога может служить данный выпуск нашего журнала.

Открывает его статья молодого китайского исследователя Ли Ина-ня, в которой автор рассматривает один из самых сложных этапов в истории советско-китайских отношений в годы холодной войны. В центре внимания оказываются перипетии китайско-американского военно-технического сотрудничества, развернувшегося в период с конца 1970-х до конца 1980-х годов. Автор показывает, что с самого начала это сотрудничество было обусловлено логикой развития отношений в стратегическом треугольнике СССР–США–КНР и в итоге оказалось заложником американско-советского противостояния. С нарастанием кризисных тенденций в Советском Союзе заинтересованность американских администраций в военно-политическом взаимодействии с Пекином падала. Окончательно точку в нем поставили события на площади Тяньаньмэнь.

В то же время распад СССР открыл совершенно новые возможности для развития уже российско-китайских отношений, в том числе в военно-политической сфере. В статье аспирантки факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова Хань Шиин проанализированы взгляды китайских экспертов на ход и итоги военных реформ в России с начала 1990-х годов по настоящее время. Показано, что китайские исследователи, как военные, так и гражданские, в целом достаточно взвешенно оценивают процесс военных преобразований в РФ, отмечая как его достоинства, так и недостатки. Автор заключает, что такой подход представляется наиболее конструктивным, поскольку позволяет лучше понять общие интересы, нащупать точки соприкосновения и укрепить двустороннее военное сотрудничество в будущем.

Оценке перспектив развития такого сотрудничества и, шире, российско-китайского сближения посвящена статья доцента Университета Нового Южного Уэльса (Сидней, Австралия) А.Н. Королёва. Для того чтобы выявить детерминанты и оценить устойчивость данного тренда, автор предлагает опереться на эпистемологический потенциал трех основных подходов к объяснению причин формирования межгосударственных союзов, представленных концепциями «баланса сил», «баланса угроз» и «баланса интересов». При этом российско-китайское взаимодействие анализируется не только с

точки зрения изменений внутри каждого из этих балансов по отдельности, но и с позиции их взаимного переплетения и взаимного влияния. Автор заключает, что тенденция к развитию всё более тесного стратегического сотрудничества Китая и России обусловливается динамикой изменений в рамках всех трех балансов и может в обозримой перспективе привести к формированию полноценного союза двух держав.

Такой союз, если он всё же состоится, будет иметь самые далеко идущие последствия с точки зрения формирования нового мирового порядка, прежде всего по причине качественно возросших экономических возможностей и политических амбиций КНР. Этот рост, который в свою очередь является еще одной важнейшей тенденцией развития международных отношений в последние годы, уже долгое время представляет собой объект пристального интереса академического сообщества в самом Китае и за его пределами. В статье главного научного сотрудника Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО С.К. Песцова предпринимается попытка систематизации взглядов, оценок и аргументов англоязычных исследователей, изучавших проблемы трансформации внешней политики современного Китая. Для этого автор предлагает использовать матрицу, сформированную на основании двух критериев: наличие перемен (признание/отрицание данного факта); оценка соответствующих возможных эффектов и последствий (позитивная/негативная). Подобный подход, неизбежно влекущий за собой определенное упрощение и схематизацию взглядов участников дискуссии, тем не менее выгодно отличается от традиционных, более нарративных попыток ее описания и концептуализации благодаря четкости и прозрачности методологических установок, позволяющих более рельефно обозначить содержательное ядро рассматриваемых позиций. Проведенное исследование показало, что большинство экспертов сходятся в признании наличия качественных перемен в восприятии Китаем своего места на международной арене, его растущей напористости. Другое дело, что встает вопрос об оценке последствий этой трансформации для региональной расстановки сил и системы международных отношений в целом.

Яркой иллюстрацией новой напористости внешней политики КНР может служить пример китайской экономической дипломатии до и во время пандемии SARS-CoV-2, подробно рассмотренный в статье

ведущего научного сотрудника Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН Е.И. Сафроновой. В частности, автор отмечает, что если традиционно Китай на протяжении десятилетий делал упор на механизмы поощрительной экономической дипломатии, то в последние годы обозначилась тенденция к увеличению удельного веса и значения рестриктивных, жестко силовых инструментов, прежде всего различных санкций. Эта тенденция получила дальнейшее развитие во время пандемии. В условиях массовой информационной кампании, направленной на дискредитацию китайских властей, обвинение их в создании нового вируса и замалчивании фактов начала эпидемии, «антиковидная дипломатия» КНР быстро приобрела достаточно агрессивный характер. И всё же автор заключает, что хотя в настоящий момент китайская экономическая дипломатия склонна генерировать скорее негативные настроения как в развитых, так и в развивающихся странах, именно она при грамотном использовании может стать главным средством утверждения КНР в качестве ведущего субъекта в рамках нового биполярного порядка.

В пользу подобного вывода говорит и статья старшего лаборанта-исследователя сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН Д.А. Потапова, в которой предпринимается попытка проанализировать международно-политические аспекты либерализации инвестиционного законодательства КНР. Автор отмечает, что хотя тенденция к формированию полицентричного мирового порядка ведет к обострению межгосударственных противоречий, наблюдаемому в последние годы, она же диктует необходимость поиска компромиссов, укрепления сотрудничества, в том числе через стимулирование привлечения иностранных инвестиций для повышения национальной конкурентоспособности. Для КНР в этом контексте особое значение приобретает взаимодействие с Европейским союзом, который обладает рядом технологий и компетенций, необходимых для модернизации китайской экономики. В статье рассмотрены объемы, динамика и ключевые направления инвестиционных потоков, связывающих Китай со странами ЕС, проанализированы содержание и значение нового механизма регулирования двусторонних отношений в данной сфере — Всеобъемлющего инвестиционного соглашения. Хотя ратификация последнего была приостановлена по инициативе ЕС, автор считает, что оно всё

же вступит в силу — именно к этому подталкивает сама логика формирования полицентричного мира, в котором ЕС и КНР будут важнейшими контрагентами.

Таким образом, статьи, собранные в данном выпуске, позволяют уловить и передать как динамику эволюции внешней политики КНР в процессе превращения ее в новую глобальную державу, так и особенности научного осмысления этого процесса отечественными и зарубежными экспертами. И если они не содержат готовых ответов на все поставленные вопросы, то по крайней мере могут служить ориентиром для дальнейшего поиска.

Желаем вам приятного чтения!

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-12-47

Научная статья / Research paper

Ли Инань*

СОВЕТСКИЙ ФАКТОР В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ США И КНР В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В истории развития вооруженных сил КНР можно выделить три крупных этапа, когда модернизация Народно-освободительной армии Китая осуществлялась посредством активного внедрения зарубежных вооружений и технологий. И если первый (с 1949 по 1961 г.) и современный этапы (с 1992 г. по настоящее время) получили достаточно широкое освещение в китайской и западной научной литературе, то второй, с 1978 по 1989 г., когда КНР активно закупала вооружения и технологии в западных странах, находится несколько в тени. Данная статья призвана отчасти заполнить эту лауну. Автор ставит перед собой задачу проанализировать логику развития военно-технического сотрудничества КНР и США, рассмотрев его в контексте сложного взаимодействия в стратегическом треугольнике США–КНР–СССР в последние годы холодной войны. В первом разделе статьи описаны ранние контакты КНР и США по вопросу сотрудничества в области безопасности — с момента визита Р. Никсона в Китай до вступления в должность президента Р. Рейгана. Показано, что в данный период Вашингтон прямо ставил американо-китайские отношения в зависимости от развития американо-советских, опасаясь повредить процессу разрядки. Во втором разделе рассмотрена эволюция политической линии администрации Р. Рейгана в его первый президентский срок по вопросам продажи вооружений Китаю на фоне нового витка холодной войны. Влияние советского фактора на развитие американо-китайского военно-технического сотрудничества в тот период проявилось особенно ярко. Автор показывает, что и для КНР, и для США это сотрудничество имело не только чисто прикладное, но в первую очередь политическое значение. В частности,

* Ли Инань — аспирант кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: liyinan92@qq.com).

взаимная заинтересованность в ослаблении глобальных позиций СССР позволила двум странам без особых потерь справиться с трениями, возникшими по проблеме продажи американского вооружения Тайваню. Впрочем, как показывает анализ динамики поставок вооружений Пекину, выполненный в третьем разделе, зависимость американо-китайских контактов от советского фактора имела и обратную сторону: как только СССР перестал восприниматься как серьезная угроза, исчез и главный стимул к развитию военно-технического сотрудничества КНР и США. В итоге после событий на площади Тяньаньмэнь оно было полностью свернуто. Таким образом, автор приходит к выводу, что состояние советско-американских отношений и поддержка политики Пекина по сдерживанию Москвы являются основными факторами, определявшими поставки Вашингтоном оружия Китаю. При этом сам факт продаж американских вооружений был важнее, чем военный эффект от них, т.е. политические мотивы превалировали непосредственно над военными вопросами.

Ключевые слова: США, КНР, СССР, холодная война, китайско-американские отношения, советско-американские отношения, разрядка, администрация Р. Рейгана, НОАК, Совет национальной безопасности США, военно-техническое сотрудничество, продажа оружия.

Для цитирования: Ли Инань. Советский фактор в военно-техническом сотрудничестве США и КНР в годы холодной войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 3. С. 12–47. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-12-47.

Li Yinan

THE SOVIET FACTOR IN THE US-CHINA MILITARY-TECHNICAL COOPERATION DURING THE COLD WAR

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The development of the PRC's armed forces included three phases when their modernization was carried out through an active introduction of foreign weapons and technologies. The first and the last of these phases (from 1949 to 1961, and from 1992 till present) received wide attention in both Chinese and Western academic literature, whereas the second one — from 1978 to 1989 —

when the PRC actively purchased weapons and technologies from the Western countries remains somewhat understudied.

This paper is intended to partially fill this gap. The author examines the logic of the military-technical cooperation between the PRC and the United States in the context of complex interactions within the United States — the USSR — China strategic triangle in the last years of the Cold War. The first section covers early contacts between the PRC and the United States in the security field — from the visit of R. Nixon to China till the inauguration of R. Reagan. The author shows that during this period Washington clearly subordinated the US-Chinese cooperation to the development of the US-Soviet relations out of fear to damage the fragile process of detente.

The second section focuses on the evolution of the R. Reagan administration's approaches regarding arms sales to China in the context of a new round of the Cold War. The Soviet factor significantly influenced the development of the US-Chinese military-technical cooperation during that period, which for both parties acquired not only practical, but, most importantly, political importance. It was their mutual desire to undermine strategic positions of the USSR that allowed these two countries to overcome successfully tensions over the US arms sales to Taiwan.

However, this dependence of the US-China military-technical cooperation on the Soviet factor had its downside. As the third section shows, with the Soviet threat fading away, the main incentives for the military-technical cooperation between the PRC and the United States also disappeared.

As a result, after the Tiananmen Square protests, this cooperation completely ceased. Thus, the author concludes that the US arms sales to China from the very beginning were conditioned by the dynamics of the Soviet-American relations and Beijing's willingness to play an active role in the policy of containment. In that regard, the very fact of the US arms sales to China was more important than its practical effect, i.e. this cooperation was of political nature, rather than military one.

Keywords: the USA, China, the USSR, the Cold War, China-US relations, Soviet-American relations, detention, R. Reagan administration, the PLA, United States National Security Council, military-technical cooperation, arms sales.

About the author: *Li Yanan* — PhD Candidate at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: liyanan92@qq.com).

For citation: Li Yanan. 2021. The Soviet factor in the US-China military-technical cooperation during the Cold War. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 12–47. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-12-47. (In Russ.)

За более чем 70 лет истории Китайской Народной Республики можно было наблюдать три крупных периода, когда происходило активное внедрение оружия и военной техники из зарубежных стран в целях укрепления собственных вооруженных сил и развития национальной оборонной промышленности. В самом начале (1949–1961) главным партнером по закупкам был Советский Союз¹, в период с 1992 г. и до настоящего времени — Российская Федерация. Однако был и еще один эпизод в истории закупок Китаем вооружений за рубежом — период с 1978 по 1989 г., когда военное оборудование и технологии импортировались КНР из западных капиталистических стран, в основном из США. Сейчас этот факт малоизвестен и редко обсуждается. Это связано с рядом факторов. Во-первых, китайско-американские отношения претерпели на протяжении последующих 40 лет существенную эволюцию — от сотрудничества в самом начале к соперничеству в настоящий момент, так что продажи оружия США в Китай, которые составляют главную особенность «китайско-американского медового месяца» в 1980-х годах («китайско-советским медовым месяцем» в Китае обычно обозначают двусторонние отношения в 1950-х годах), естественно, редко упоминаются обеими сторонами в силу современных политических реалий. Во-вторых, следует отметить, что во время первой волны закупок оружия советская помощь заложила основу национальной обороны новообразованного китайского государства, а в рамках третьей волны Россия стала единственным источником передовых военных технологий после полного эмбарго на поставки оружия в Китай со стороны Запада. Как следствие, обе волны оказали по-настоящему глубокое влияние на формирование национальной обороны КНР. Напротив, по разным причинам вторая волна закупок мало повлияла на военную мощь страны. В итоге продажи оружия США Китаю во время холодной войны остаются сравнительно плохо изученным вопросом в истории международных отношений того периода.

При этом первые англоязычные исследования, в которых рассматривался вопрос продажи американских вооружений Китаю, были опубликованы уже в 1980-х годах. Эти статьи, естественно,

¹ Несмотря на то что политический альянс между КНР и СССР распался из-за идеологических разногласий задолго до 1961 г., а Советский Союз в одностороннем порядке отозвал всех экспертов из Китая по прямому указанию Н.С. Хрущёва, необходимые материалы и технологии для производства истребителя МиГ-21 в том же году были переданы Китаю.

могли опираться на очень ограниченный круг источников, и их выводы носили гипотетический характер [Chu, 1986; Chyba, 1981; Dumbaugh, Grimmett, 1986; Woon, 1989]. То же можно сказать и о монографических исследованиях, вышедших в свет в 1990-х годах [Gill, Kim, 1995; Harding, 1992; Ross, 1995].

Большую ценность представляют работы, изданные в последние 5 лет с использованием целого ряда рассекреченных американских архивов. Так, Хьюго Мейджер в своей монографии «Торговля с врагом: разработка политики экспортного контроля США в отношении Китайской Народной Республики» подробно реконструирует процессы принятия решений американским правительством по вопросам продажи вооружений Китаю в 1980-х годах. Автор считает, что США всегда беспокоились о возможном негативном влиянии на американо-советские отношения поставок вооружений и военных технологий КНР [Meijer, 2016]. В свою очередь китайские исследователи Лю Лэй и Ма Сяюнь фокусируются на подходах администрации Дж. Картера к вопросу продажи нелетального вооружения Пекину до и после ввода советских войск в Афганистан и указывают, что Китай придавал большее значение самому факту «китайско-американского военного сотрудничества, а не конкретным вооружениям или технологиям как таковым» [Liu, Ma, 2015: 71]. Синь И в двух статьях исследует политику администраций Дж. Картера и Р. Рейгана в отношении передачи технологий и продажи вооружений Китаю, включая разногласия в американском правительстве по данному вопросу. Автор считает, что США «хотели помогать и в то же время контролировать Китай». Противоречие между такими установками Вашингтона и стремлением Пекина проводить независимую внешнюю политику ярко проявилось во время кризиса, связанного с событиями на площади Тяньаньмэнь, и в итоге привело к прекращению продаж американских вооружений КНР [Xin, 2016, 2018].

Интересный факт: все исследователи, независимо от страны, считают, что Китай сохранил самостоятельность в ходе военно-технического сотрудничества с США в 1980-х годах. Вместе с тем следует отметить, что до настоящего времени ученые при рассмотрении данного вопроса концентрировались на изучении двустороннего взаимодействия КНР и США, часто игнорируя роль и значение в этом контексте советского фактора. Именно эту лауну хотелось бы постараться заполнить в рамках данного исследования.

В статье предпринимается попытка изучить эволюцию подходов американских администраций к вопросу продажи оружия Китаю на основе недавно рассекреченных архивных и других официальных документов Соединенных Штатов, вписав ее в контекст развития отношений внутри стратегического треугольника КНР–США–СССР в последние годы холодной войны.

Первый раздел данной статьи посвящен рассмотрению предварительных контактов КНР и США по вопросу сотрудничества в области безопасности — с момента визита Р. Никсона в Китай до вступления в должность президента Р. Рейгана. В данном разделе предстоит выявить основную причину срыва поставок американских вооружений в период разрядки.

Во втором разделе исследуются процессы принятия решений и выработки политической линии по вопросам продажи вооружений Китаю администрацией Р. Рейгана в его первый президентский срок на фоне нового витка холодной войны. При этом ставится задача оценить стимулирующее влияние советского фактора на развитие американо-китайского военно-технического сотрудничества, а также обозначить ту роль, которая отводилась Пекину в стратегии США по сдерживанию СССР.

В третьем разделе описываются структура и динамика поставок вооружений Китаю. Задача автора — выявить причины того, почему в итоге эти поставки прекратились.

Прежде чем приступать непосредственно к исследованию указанных проблем, нужно уточнить терминологию. Согласно определению современных российских справочно-энциклопедических источников понятия «вооружения» (*arms*) и «оружие» (*weapons*) можно считать синонимами. При этом термин «военная техника» (*military equipment*) является более широким по отношению к понятию «вооружение» и включает также небоевые машины, инструменты, аппаратуру, устройства и другие технические средства, которыми оснащаются вооруженные силы для обеспечения их боевой и повседневной деятельности [Христошин, 2014]. В официальных документах правительства США «продажа вооружения» или «продажа оружия» обычно относится к продаже летального оружия, имеющего чисто военное предназначение. В период президентства Дж. Картера США говорили лишь о продаже или передаче Китаю «оборудования, связанного с обороной» (*defense related equipment*), «военного вспомогательного оборудования» (*military support equipment*) и «технологий и

снаряжения двойного назначения» (*dual use technology and munitions*), т.е. военной техники, но решительно отрицали возможность продажи собственно оружия. Этот вопрос не упоминался в американских документах до президентства Р. Рейгана. Де-юре США продавали вооружение КНР только с 1984 по 1989 г., однако в рамках данной статьи затрагивается более широкий контекст военно-технического сотрудничества двух стран.

Китайско-американские отношения в тени разрядки

После распада советско-китайского союза в начале 1960-х годов Китай полностью утратил возможность получать передовые военные технологии и технику извне [Галенович, 2011: 304–353]. Пекин продолжал разрабатывать ядерное оружие и средства его доставки на основе технологий, которые были предоставлены Советским Союзом ранее, однако обновление конвенциональных вооружений в 1960-е годы почти полностью прекратилось: помимо потери иностранной помощи хаос культурной революции также обострил трудности модернизации национальной оборонной промышленности Китая. Таким образом, возникло острое структурное противоречие между отсталым уровнем технического оснащения Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и стратегическим тезисом Мао Цзэдуна о том, что новый мировой конфликт может разразиться в любое время, поэтому нужно заранее подготовиться к масштабной ядерной войне, которая начнется очень скоро [Jun, 1997: 572].

Приграничный вооруженный конфликт между КНР и СССР в 1969 г. обнажил слабость китайской армии, но в то же время открыл новые возможности для разрядки между Китаем и США. В феврале 1972 г. параллельно с визитом Р. Никсона в Китай правительство США впервые за более чем 20 лет ослабило суровое эмбарго на поставку технологий и товаров в Поднебесную [Dai, 2010: 99]. Оно исключило КНР из группы стран «Z», самой строгой категории в «Списке контролируемых товаров» (Commodity Control List) Министерства торговли, утвержденном на основе «Закона об экспортном контроле» (Export Control Act), и снова включило в группу «Y», к которой уже принадлежал СССР².

² Memorandum from the Chairman of the Under Secretaries Committee (Irwin) to President Nixon. 13.01.1972 // Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1976.

Наметившаяся нормализация китайско-американских отношений немедленно вызвала у руководства Советского Союза опасения относительно возможности дальнейшего развития военного сотрудничества Пекина и Вашингтона. Во время своего первого и единственного визита в США в июне 1973 г. Л. Брежнев попытался провести разговор с Р. Никсоном, «о котором знали бы только он и президент и никто другой». Речь шла о проблеме Китая. Советский лидер попытался убедить своего визави в ненадежности китайцев и советовал, чтобы СССР и США обменялись сведениями о ходе разработок ядерного оружия в Китае. Л. Брежнев также стремился выяснить позицию Р. Никсона относительно возможности военного сотрудничества между США и КНР. В частности, генсек заявил: «Мы не намереваемся атаковать Китай, но всё будет по-другому, если у Китая будет военное соглашение с США»³. Позже в тот же день А.А. Громыко встретился с Г. Киссинджером и подчеркнул, что СССР «может рассматривать установление не только военных, но и политических отношений [США. — *Л.И.*] с Китаем как провокацию»⁴.

Несмотря на эти заявления со стороны СССР, Г. Киссинджер в ходе визита в Китай в ноябре 1973 г. сообщил Чжоу Эньлаю, что американцы готовы поделиться с китайскими партнерами информацией о раннем предупреждении о запусках советских ракет на основе спутниковой системы США или предоставить Пекину «технологию для определенных видов радаров», чтобы тот смог создать такую систему самостоятельно. Чжоу Эньлай заинтересовался этим предложением⁵, однако в то время между Китаем и США по-прежнему существовали острые противоречия из-за войны во Вьетнаме. Более того, Мао Цзэдун, который был крайне чувствителен к проблеме суверенитета на протяжении всей своей жизни, хотел использовать

Vol. XVII. China, 1969–1972. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d185> (accessed: 11.04.2021).

³ Memorandum by the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) for the President's File. 23.06.1973 // FRUS. 1969–1976. Vol. XV. Soviet Union, June 1972 — August 1974. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v15/d131> (accessed: 11.04.2021).

⁴ Memorandum of Conversation. 10.11.1973 // FRUS. 1969–1976. Vol. XVIII. China, 1973–1976. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v18/d55> (accessed: 11.04.2021).

⁵ Meeting between Henry Kissinger and Zhou Enlai, Great Hall of the People, Peking; Pages Missing. 13.11.1973. P. 3–4 // Digital National Security Archive (DNSA). Available at: <https://www.proquest.com/legacyredirect/dnsa/index> (accessed: 11.04.2020).

этот шанс, чтобы подорвать позиции Чжоу Эньлая во внутривнутриполитической борьбе, поэтому он категорически отверг данную инициативу американцев, заявив: «...кто-то предлагает одолжить нам зонтик, но мы его не берем, это ядерный зонтик» [Gao, 2003: 258].

Таким образом, окно возможностей для китайско-американского военного сотрудничества, обозначенное администрацией Р. Никсона, было закрыто Мао Цзэдуном.

После его ухода из жизни в советско-китайских отношениях не наблюдалось никакой разрядки. Напротив, в отличие от эпохи Мао, когда Советский Союз и Соединенные Штаты одинаково рассматривались как носители угрозы новой мировой войны, в политическом докладе на XI съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в 1977 г. подчеркивалось: «...особенно советский социал-империализм имеет большую опасность»⁶. В то же время помимо продолжения реализации стратегии «единого фронта» против Советского Союза Мао Цзэдуна новое руководство Китая было вынуждено признать, что «так же, как и остальные аспекты экономики, наши технологии сильно отстали <...> без содействия других стран мы ничего не можем делать»⁷. Как следствие, было принято решение отказаться от нереализуемого проекта четырех модернизаций Мао Цзэдуна, основанного на собственных силах Китая, и взять курс на активное внедрение всех передовых достижений западной науки и техники, в том числе военных технологий⁸. Всё это открывало возможности для развития китайско-американских отношений в области обороны, основанных на общих целях сдерживания роста влияния СССР.

Однако в конце 1970-х годов этому курсу на совместное противодействие Советскому Союзу не хватало субстантивного содержания, в частности, в наиболее важной области — военного сотрудничества.

⁶ Hua Guofeng Zhong guo gong chan dang di shi yi ci quan guo dai biao da hui zheng zhi bao gao (san) [Политический доклад XI съезда КПК] // Ren min ri bao. 23.08.1977. P. 3. (In Chinese).

⁷ Memorandum of Conversation. 21.05.1978 // FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. China. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v13/d110> (accessed: 11.04.2021).

⁸ Наследник Мао Цзэдуна Хуа Гофун во внутренней политике продолжал придерживаться догматической линии Мао, однако при этом он активно закупал передовые технологии в капиталистических странах. А после прихода к власти Дэн Сяопина в конце 1978 г. сотрудничество в данной сфере с западным миром приобрело всеобъемлющий характер.

Поскольку Государственный департамент во главе с С. Вэнсом был одержим желанием добиться успеха на переговорах по ОСВ-2⁹, с самого вступления в должность президент Дж. Картер и его администрация поставили китайский вектор своей политики в подчиненную позицию относительно советского направления и стремились не допускать охлаждения отношений с СССР из-за развития военного сотрудничества с Китаем [Fardella, 2009: 547; Xin, 2016: 131].

В конце 1978 г., накануне официального установления дипломатических отношений между КНР и США, Л. Брежнев отправил письмо Дж. Картеру. Единственной темой данного письма была проблема продажи оружия НАТО Китаю. Советский лидер, в частности, писал: «Конечно, мы принимаем к сведению заявление американской стороны о том, что США не будут продавать оружие Китаю», — однако тут же добавлял, что просит Дж. Картера не допустить развития подобных контактов и его союзниками по НАТО¹⁰.

Во время советско-американского саммита в Вене в июне следующего года, отвечая на обеспокоенность руководства СССР, которая была явно выражена в этом письме, Дж. Картер неоднократно заявлял, что США «ожидают увеличения торговли и расширения научно-технических и культурных обменов [с КНР. — *Л.И.*], но это не будет в ущерб отношениям между США и Советским Союзом, которые мы считаем очень важными»¹¹. «Мы никогда не допустим, чтобы отношения между нами и Китаем были установлены за счет Советского Союза, и мы никогда не позволим заключить союз между нами против Советского Союза»¹². Иными словами, Дж. Картер фактически гарантировал, что США не будут продавать оружие Китаю, и дал понять СССР, что советско-американские отношения имеют приоритет перед китайско-американскими. Действительно, в 1979 г., после официального установления дипломатических от-

⁹ Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (1979).

¹⁰ Letter from Soviet General Secretary Brezhnev to President Carter. 27.12.1978 // FRUS. 1977–1980. Vol. VI. Soviet Union. P. 504–507. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v06/d168> (accessed: 11.04.2021).

¹¹ Memorandum of Conversation. Vienna 5:30-7:20 p.m. 17.06.1979 // FRUS. 1977–1980. Vol. VI. Soviet Union. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v06/d204> (accessed: 11.04.2021).

¹² Memorandum of Conversation. Vienna. 10-11:30 a.m. 18.06.1979 // FRUS. 1977–1980. Vol. VI. Soviet Union. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v06/d206> (accessed: 11.04.2021).

ношений между КНР и США, правительство Дж. Картера дважды отклонило просьбу Пекина о приобретении военной авиатехники и оборудования для авионики (в том числе истребителей F-15 или F-16)¹³.

На самом деле, отказ от продажи оружия Китаю был вызван не только прямым предупреждением Советского Союза, но и намеченной политикой администрации по укреплению разрядки. Дж. Картер решил ограничить передачу конвенциональных вооружений всем странам, не являющимся союзниками, вскоре после того, как он стал главой государства. В директиве президента PD-13, которая была выпущена в мае 1977 г., он заявил, что продажа оружия и передача военных технологий могут быть только «исключительным средством внешней политики», и «наша цель — в каждом последующем году продолжать сокращать общий объем долларовых обязательств» в рамках программ «Зарубежные военные продажи» (Foreign Military Sales) и «Программы военной помощи» (Military Assistance Programs) в отношении оружия и предметов, связанных с оружием¹⁴. Таким образом, администрация Дж. Картера, которая пыталась развивать отношения США и СССР, в целом была весьма консервативной в вопросах военного сотрудничества с Китаем и продажи ему оружия.

Ситуация начала быстро меняться после ввода советских войск в Афганистан в конце 1979 г. В январе 1980 г. правительство Дж. Картера направило министра обороны Г. Брауна в Китай для обсуждения военного сотрудничества, что ознаменовало начало нового этапа в развитии отношений между КНР и США. В течение этого года страны активно расширяли взаимодействие в области разведки: 1) ЦРУ создало две контрольные станции в провинции Синьцзян недалеко от советско-китайской границы для наблюдения за советскими ракетными испытательными полигонами в Центральной Азии и сбора информации о советской военной связи; 2) США

¹³ Memorandum from the President's Deputy Assistant for National Security Affairs (Aaron) and Michel Oksenberg of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski). Washington. 04.09.1979 // FRUS. 1977–1980. Vol. XIII. China. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v13/d267> (accessed: 11.04.2021).

¹⁴ Presidential Directive 13: Conventional Arms Transfer Policy. 13.05.1977 // Jimmy Carter Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.jimmycarterlibrary.gov/assets/documents/directives/pd13.pdf> (accessed: 11.04.2020).

предоставили Китаю спутниковые разведывательные фотографии для картирования территории Советского Союза; 3) ЦРУ совместно с Отделом международных связей ЦК КПК начало тайно доставлять оружие и сообщать разведанные афганским моджахедам и камбоджийским антивьетнамским силам [Richelson, 1995: 291]. Однако при этом администрация Дж. Картера по-прежнему настаивала на том, что не будет продавать оружие Китаю, согласившись лишь рассмотреть возможность поставок нелетального вооружения и технологий двойного назначения.

Во время ответного визита в США китайская делегация во главе с генеральным секретарем Военного совета ЦК КПК Гэн Бяо и заместителем начальника Генерального штаба НОАК Лю Хуацином представила список закупок, включавший более 50 типов современных вооружений, в том числе ракеты противовоздушной обороны (ПВО) Hawk и противотанковые ракеты TOW. Но список был опять отклонен правительством США [Liu, Ma, 2015: 69]. Когда в сентябре 1980 г. министр обороны Японии Дж. Омура спросил У. Перри, заместителя министра обороны США по исследованиям и разработкам, который только что завершил свой официальный визит в Китай и возвращался в Вашингтон, обсуждались ли «вопросы продажи оружия с китайцами», тот ответил, что «никаких обсуждений о продаже оружия не было». У. Перри подчеркнул, что «политика США не допускает передачи технологий [КНР. — Л.И.], которые могут быть использованы непосредственно при разработке оружия»¹⁵. В целом, несмотря на выдвижение «доктрины Картера» и начало разведывательного сотрудничества с Китаем сразу после провала разрядки, США не форсировали совместные действия с КНР, которые были бы направлены на противостояние Советскому Союзу, во многом, как представляется, из-за инерции мышления американских элит. В этих условиях казалось, что на скорый прорыв в вопросе продажи оружия Китаю рассчитывать не приходится.

Перелом стал возможен только после прихода в Белый дом новой администрации Р. Рейгана, который активно выступал за ужесточение политики в отношении СССР. Еще во время президентских

¹⁵ Visit of Under Secretary of Defense for Research and Engineering W.J. Perry with DEFMIN Joji Omura (JDA). 21.09.1980. P. 3 // DNSA. Available at: <https://www.proquest.com/legacyredirect/dnsa/index> (accessed: 11.04.2020).

выборов Р. Рейган неоднократно критиковал внешнюю политику администрации Дж. Картера, обвиняя ее в том, что она отталкивает союзников и дает Москве возможность получить преимущество в гонке вооружений. Напротив, он собирался проводить в отношении СССР политику с позиции силы. В частности, он не раз заявлял, что Вашингтон должен взять на себя ответственность за поддержание мира, а «для поддержания мира нужна сила»; «только если мы сильны, мир будет прочным»¹⁶. Уже в ходе своей первой пресс-конференции после вступления в должность Р. Рейган отметил, что «до сих пор разрядка была улицей с односторонним движением, которую Советский Союз использовал для достижения собственных целей», и главная из них — «содействие мировой революции и созданию единого мирового социалистического или коммунистического государства»¹⁷.

До того как стать президентом, Р. Рейган занимал пост губернатора Калифорнии, где царили сильные антикитайские настроения. Он хорошо относился к Тайваню и всегда был враждебен коммунизму, но скоро пришел к выводу о необходимости объединения позиций с КНР, которой руководила Коммунистическая партия, для сдерживания СССР. В частности, Р. Рейган неоднократно публично заявлял, что в случае избрания он «будет способствовать быстрому укреплению отношений между США и Китаем»¹⁸.

Можно заключить, что не слишком активное китайско-американское военно-техническое сотрудничество до президентства Р. Рейгана в целом объяснялось недостатком политической воли сначала

¹⁶ Ronald Reagan / Jimmy Carter presidential debate 1980. 28.10.1980 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/1980-ronald-reagan-and-jimmy-carter-presidential-debate> (accessed: 11.04.2020); Televised address by governor Ronald Reagan. A Strategy for Peace in the 80s. 19.10.1980 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/televised-address-governor-ronald-reagan-strategy-for-peace-the-80s> (accessed: 11.04.2020).

¹⁷ The President's news conference. 29.01.1981 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-992> (accessed: 11.04.2020).

¹⁸ Televised address by governor Ronald Reagan. A Strategy for Peace in the 80s. 19.10.1980 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/televised-address-governor-ronald-reagan-strategy-for-peace-the-80s> (accessed: 11.04.2020).

со стороны Пекина, а потом — Вашингтона. Когда администрация Р. Никсона пыталась наладить взаимодействие с КНР в области безопасности, Мао Цзэдун всё еще проявлял настороженность в отношении Вашингтона, полагая, что агрессивный характер американской внешней политики принципиально не может измениться. Позже, когда Дэн Сяопин определил Советский Союз как единственный очаг новой мировой войны и обозначил США как «косвенного союзника»¹⁹, Китай активно просил военно-технической помощи у заокеанского партнера. Тогда лидером страны был Дж. Картер, который придерживался идеалистических взглядов относительно потенциала дипломатии. Причина, по которой правительство Дж. Картера смогло начать сотрудничество в области разведки с Китаем против СССР после ввода советских войск в Афганистан, заключалась в том, что такая деятельность могла вестись тайно. В отличие от этого, экспорт любого типа *летального* оружия в Китай должен был быть одобрен Конгрессом и даже Координационным комитетом по экспортному контролю и обеспечен частными предприятиями, т.е. его невозможно было бы скрыть. Политика Р. Рейгана, возобновившего борьбу за мировую гегемонию с Советским Союзом, позволяла устранить основные препятствия для снятия ограничений на продажу оружия Китаю. Таким образом, разница в подходах во многом была обусловлена взглядами первых лиц государства и их политической волей.

Политика США по продаже вооружений Китаю в первый президентский срок Р. Рейгана

Новая администрация действительно незамедлительно начала пересмотр политики по вопросу передачи военной техники и технологий Китаю, в частности снятия запрета на продажу КНР летального оружия.

Государственный департамент действовал очень быстро. 6 февраля 1981 г. новый советник Госдепартамента Р. Макфарлейн (впоследствии он стал советником Р. Рейгана по национальной безопасности) начал собирать команду специалистов, которым предстояло оценить, какие преимущества США могут получить в китайско-

¹⁹ Zhu liang Dui wai gong zuo hui yi yu si kao [Воспоминания и размышления о дипломатической работе] // Beijing: Dang dai shi jie chu ban she, 2012. P. 90.

советско-американских отношениях, «как китайско-американское сотрудничество может ограничить советскую экспансию» на основе «военных консультаций, обмена разведанными» и «как вопрос поставки оружия вписывается в эту картину»²⁰.

Вслед за Госдепартаментом 24 февраля У. Лаберже, новый заместитель министра обороны, отвечавший за исследования и разработки в администрации Р. Рейгана, который к тому моменту находился в должности всего один месяц, представил в канцелярию министра меморандум под названием «Отчет о состоянии экспорта вооружений в КНР», где давалась краткая характеристика контактов с Пекином в этой области. В отчете, в частности, значилось, что с 1 января 1980 г. по 20 января 1981 г. в Министерство обороны через Госдепартамент было передано в общей сложности 102 запроса о продаже вооружений Китаю. Более того, представители КНР проявили большой интерес к определенным военным технологиям, таким как противотанковое оружие, загоризонтный радиолокатор, а также запрашивали техническое сопровождение для улучшения истребителей-перехватчиков J-8²¹.

Получив одобрение министра обороны, 10 апреля 1981 г. Пентагон передал упомянутый отчет ЦРУ с просьбой представить комментарии по следующим вопросам: 1) какова потребность КНР в материалах, описанных в данном документе; 2) какова способность Пекина оплачивать и использовать эти материалы; 3) какой может быть реакция Советского Союза, если США предоставят какой-либо один или все запрашиваемые товары²².

После тщательного анализа 15 мая Национальный центр оценки международной обстановки (National Foreign Assessment Center) ЦРУ направил Министерству обороны свое заключение. В дополнение к оценке запросов Китая по закупкам в ответном меморандуме раз-

²⁰ Memorandum from the Counselor-Designate of the Department of State (McFarlane) to the Director-Designate of Policy Planning (Wolfowitz). Washington. 06.02.1981 // FRUS. 1981–1988. Vol. III. Soviet Union. January 1981 — January 1983. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v03/d13> (accessed: 11.04.2021).

²¹ Status Report on PRC Munitions and Commodity Export Cases. 24.02.1981. P. 1–2 // DNSA. Available at: <https://www.proquest.com/legacyredirect/dnsa/index> (accessed: 11.04.2020).

²² Potential Munitions and Commodity Export Cases with China. 10.04.1981. P. 1 // DNSA. Available at: <https://www.proquest.com/legacyredirect/dnsa/index> (accessed: 11.04.2020).

ведомства был сделан особый акцент на вероятной реакции СССР на передачу технологий КНР. ЦРУ считало, что продажа любого оборудования, которое может быть использовано для модернизации стратегических сил Китая, вызовет серьезное беспокойство в Москве²³. Речь шла в первую очередь о технологиях, которые могут быть использованы в системе наведения межконтинентальных баллистических ракет (МБР), и оборудовании, способном укрепить силы противолодочной обороны Китая. Указывалось, что для срыва подобной сделки Советский Союз, скорее всего, не ограничится устными протестами, а примет жесткие меры вплоть до одностороннего выхода из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). Отмечалось, что гораздо меньшую обеспокоенность в СССР вызвала бы продажа КНР общепромышленных предметов или оборудования, которое имеет косвенную военную направленность и не может оказать непосредственное влияние на китайско-советский военный баланс²⁴.

Впоследствии ЦРУ сгруппировало все пункты из китайских запросов в восемь общих категорий и детально проанализировало вероятность закупки этой техники Пекином, а также возможную реакцию Советского Союза²⁵. Примечательно, что директива Совета национальной безопасности (СНБ) NSDD-11 «Передача технологий/вооружений Китайской Народной Республике», выпущенная Р. Рейганом спустя 5 месяцев, в определенной степени отразила конкретные предложения из меморандума ЦРУ²⁶.

²³ С конца 1979 г. и до начала 1980 г. Китай разместил несколько баллистических ракет средней дальности DF-4 в своем западном регионе, и это позволило ему впервые получить возможность нанесения ядерного удара по Москве. В мае 1980 г. Китай успешно испытал МБР DF-5, которая давала возможность нанесения ядерного удара по США и всей территории Советского Союза. В апреле 1981 г. Китай спустил на воду свою первую атомную подводную лодку с баллистическими ракетами. Усиление стратегических сил КНР в тот период вызывало острую озабоченность советского руководства.

²⁴ Prospects for US sales of Defense Related Equipment to China. 15.05.1981 // CIA FOIA Electronic Reading Room. Available at: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0005411886.pdf (accessed: 11.04.2020).

²⁵ Ibid. P. 24.

²⁶ National Security Decision Directive 11: Munition/Technology Transfer to the People's Republic of China. 22.09.1981 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/sites/default/files/archives/reference/scanned-nsdds/nsdd11.pdf> (accessed: 11.04.2020).

4 июня 1981 г. на заседании СНБ Р. Рейган решил ослабить контроль над экспортом технологий двойного назначения в КНР, предложив рассматривать ее как дружественную, но не союзническую страну (*friendly, non-allied country*). 10 дней спустя госсекретарь А. Хейг в первый день своего официального визита в Китай проинформировал правительство КНР о решении президента. Более того, А. Хейг добавил: нынешнее американское руководство осознало, что политика предыдущих администраций «ограничивала право Китая закупать военное оборудование, технологии и оружие у США». Учитывая «деятельность Советского Союза и его непрерывное стремление к гегемонии», президент Р. Рейган, по его словам, принял решение изменить эту политику. США рассматривали возможность приостановить запрет на продажу оружия, и это позволило бы Китаю проводить такие закупки «в каждом конкретном случае в соответствии с собственными пожеланиями и потребностями». А. Хейг также сообщил о готовности министра обороны К. Уайнбергера обсудить с КНР вопросы военного сотрудничества, отметив, что заместитель начальника Генерального штаба НОАК Лю Хуацин мог бы во время запланированного визита в США в августе представить перечень запросов Китая в этой области для обсуждения с главой Пентагона²⁷.

Интересно, что в соответствии с меморандумом об основной линии переговоров с лидерами КНР, подготовленным Белым домом перед визитом, где отмечалась специфичность проблемы продажи оружия, А. Хейг должен был всячески подчеркивать необходимость того, чтобы «дискуссии на эту тему оставались секретными на данный момент»²⁸. При этом накануне поездки А. Хейга Госдепартамент уже сообщил советской стороне о том, что США собираются включить Китай в категорию дружественных, но не союзнических стран и будут относиться к нему практически так же, как к Югославии²⁹. Еще более удивительно, что на пресс-конференции перед отъездом из Китая 16 июня А. Хейг объявил: Соединенные Штаты

²⁷ The Secretary's Bilateral with Geng Biao. 16.06.1981 // DNSA. Available at: <https://www.proquest.com/legacyredirect/dnsa/index> (accessed: 11.04.2020).

²⁸ Secretary's Talking Points: US-China Relations. 04.06.1981 // DNSA. Available at: <https://www.proquest.com/legacyredirect/dnsa/index> (accessed: 11.04.2020).

²⁹ Memorandum of Conversation. Washington. 02.07.1981 // FRUS. 1981–1988. Vol. III. Soviet Union. January 1981 — January 1983. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v03/d66> (accessed: 11.04.2021).

отменяют запрет на продажу летального оружия КНР³⁰. Между тем Р. Рейган, находившийся в Вашингтоне, отвечая на вопросы корреспондентов, сказал, что для улучшения отношений с китайцами США «лишь предоставят им определенные технологии и оборонительное оружие»³¹, а когда его спросили, существует ли связь между продажей оружия Китаю и событиями в Польше, прямо опроверг данное предположение.

Последний вопрос возник неслучайно. Дело в том, что ровно за два дня до визита А. Хейга в Китай газета «Правда» опубликовала письмо ЦК КПСС в ЦК ПОРП, которое было доставлено за неделю до описываемых событий. В конце письма было написано, что «наступление враждебных антисоциалистических сил в ПНР угрожает интересам всего нашего содружества, его сплоченности, целостности, безопасности границ. Да, нашей общей безопасности. <...> Наша позиция четко выражена в заявлении товарища Л.И. Брежнева на XXVI съезде КПСС: “Социалистическую Польшу, братскую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим!”»³². Нельзя забывать, что предлогом, которым воспользовался Советский Союз для отправки войск в Чехословакию в 1968 г., также была «угроза безопасности социалистического содружества». Публикация этого письма призвана была показать Западу решимость руководства СССР осуществить вооруженное вмешательство в Польшу, если ситуация там ухудшится.

После визита А. Хейг ответил от имени Госдепартамента США на два последовательных запроса СССР, заявив: «...мы будем развивать отношения с КНР <...>, и Советский Союз не может рассчитывать на то, чтобы наложить вето на наши отношения с нацией в один миллиард человек»³³. Очевидно, что в вопросе продажи оружия Китаю на позицию правительства США, особенно «ястребов» в лице того же А. Хейга, существенно влиял советский фактор.

³⁰ The President's news conference. 16.06.1981 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/research/speeches/61681b> (accessed: 11.04.2020).

³¹ Ibid. P. 30.

³² Центральному комитету Польской объединенной рабочей партии // Правда. 12.06.1981. С. 2.

³³ Memorandum from Secretary of State Haig to President Reagan. 07.07.1981 // FRUS. 1981–1988. Vol. III. Soviet Union, January 1981 — January 1983. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v03/d67> (accessed: 11.04.2020).

Вместе с тем 8 июля 1981 г. администрация Р. Рейгана выпустила директиву NSDD-5 под названием «Политика передачи конвенциональных вооружений». Название этого документа было точно таким же, как PD-13 администрации Дж. Картера 4 года назад, но дух был полностью противоположен последнему. В директиве указывалось, что «Соединенные Штаты сохраняют подлинный интерес к ограничению передачи оружия и по-прежнему готовы рассмотреть конкретные предложения, направленные на достижение этой цели. Однако Советский Союз со своей стороны проявляет незначительный интерес, если вообще проявляет, к ограничениям на передачу оружия». Таким образом, «Соединенные Штаты не будут жертвовать своими потребностями в области безопасности посредством односторонних ограничений». В современном мире «США не могут защитить интересы свободного мира в одиночку». Они должны «не только укрепить свой военный потенциал, но и быть готовыми помочь своим друзьям и союзникам посредством передачи конвенциональных вооружений и других форм помощи в области безопасности». В этой связи Вашингтон рассматривает передачу конвенциональных вооружений как «важнейший элемент своей глобальной системы обороны и неотъемлемый компонент своей внешней политики»³⁴.

Директива NSDD-5 отражала текущие международные процессы и показывала, что администрация Р. Рейгана будет проводить активную политику по передаче оружия, направленную на восстановление стратегических позиций США. Она порывала с подходом, зафиксированным в PD-13, где указывалось, что «уникальные передовые системы вооружений, разработанные или значительно модифицированные исключительно для экспорта, могут быть переданы только в страны НАТО, Японию, Австралию и Новую Зеландию»³⁵. NSDD-5 фактически приравнивала дружественные, но не союзнические страны, такие как Китай и Югославия, к членам НАТО и другим союзникам США, для передачи оружия которым не было

³⁴ National Security Decision Directive 5: Conventional Arms Transfer Policy. 08.07.1981 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/public/archives/reference/scanned-nsdds/nsdd5.pdf> (accessed: 11.04.2020).

³⁵ Presidential Directive 13: Conventional Arms Transfer Policy. 13.05.1977 // Jimmy Carter Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.jimmycarterlibrary.gov/assets/documents/directives/pd13.pdf> (accessed: 11.04.2020).

никаких принципиальных ограничений. Отмена PD-13 означала, что Китай, который не был американским союзником, мог закупать у Вашингтона передовое оружие и осуществлять с ним техническое взаимодействие. Без NSDD-5 много крупных военных сделок и проектов технического сотрудничества, подписанных между Китаем и США во второй половине 1980-х годов, были бы заблокированы из-за указанных ограничений предыдущей администрации.

В условиях обострения польского кризиса с 4 по 12 сентября 1981 г. ВС СССР провели крупнейшие после Второй мировой войны военно-стратегические маневры «Запад-81» в военных округах, прилегающих к Польше и району Балтийского моря, с целью оказать сдерживающее воздействие на движение «Солидарность» и дать Западу сигнал о том, что СССР готов пойти на применение военной силы [Хасанов, Лобов, 2016].

Одновременно с этим администрация Р. Рейгана выпустила NSDD-11 — единственный документ СНБ в истории США, где основное внимание уделялось продаже оружия Китаю, и единственная директива администрации Р. Рейгана, конкретно касавшаяся передачи вооружений определенному государству. Общие принципы NSDD-11 заключались в том, что каждый отдельный запрос должен был рассматриваться в трех основных аспектах. Во-первых, продолжали действовать ограничения в отношении ядерного оружия и систем его доставки, технологий с потенциалом применения для ведения противолодочной и электронной войны, а также сбора разведывательной информации. Во-вторых, сохранялся запрет на поставки, которые могли бы внести существенный вклад в увеличение китайского наступательного потенциала и возможностей Пекина по проецированию силы. В-третьих, основной акцент предполагалось сделать на укреплении китайских конвенциональных оборонительных средств³⁶.

Можно заключить, что некоторые ограничения на продажу оружия Китаю были в основном продиктованы необходимостью защиты стратегических преимуществ США, их собственной национальной безопасности и безопасности их союзников, а вовсе не опасениями каким-либо образом спровоцировать негативную реакцию Совет-

³⁶ National Security Decision Directive 11: Munition/Technology Transfer to the People's Republic of China. 22.09.1981 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/public/archives/reference/scanned-nsdds/nsdd11.pdf> (accessed: 11.04.2020).

ского Союза. Именно опираясь на принципы NSDD-11, 3 года спустя Вашингтон одобрил присоединение Китая к программе «Зарубежные военные продажи».

В декабре 1981 г. польский кризис завершился, когда правительство В. Ярузельского ввело военное положение по всей стране. Вместе с тем в конце 1981 г. между США и СССР активизировались переговоры по вопросу ракет средней дальности, что открывало перспективы для дипломатического урегулирования проблемы. Одновременно военное сотрудничество КНР и США оказалось в состоянии кризиса в связи с продажей американского оружия Тайваню. Обе стороны заняли жесткую позицию, и был даже риск перевода дипломатических отношений на более низкий уровень — подобно тому, как это произошло между КНР и Нидерландами. Дэн Сяопин публично заявил: некоторые люди в США «говорят, что Китай теперь чего-то хочет от Соединенных Штатов, а Соединенным Штатам ничего не нужно от Китая <...>. Так что если американское правительство начнет вести жесткую политику по отношению к Советскому Союзу, Китай будет проглатывать такие проблемы, как тайваньский вопрос. Не можем проглатывать и не будем проглатывать»³⁷. В начале сентября 1981 г. Пекин в одностороннем порядке объявил об отмене согласованного визита в США Лю Хуацина, заместителя начальника Генерального штаба. Затем 5 апреля 1982 г. Пекин сообщил американскому послу, что Китай решил отложить визит министра обороны США К. Уайнбергера на неопределенное время. Если бы запланированные взаимные визиты военных начальников обеих сторон были успешными, то Китай и США, вероятно, добились бы существенного прогресса и даже прорыва в вопросе продажи оружия. Однако на протяжении всего 1982 г. этот процесс не получил никакого развития.

Одновременно Л. Брежнев, заметив проблемы в стратегическом сотрудничестве между КНР и США из-за тайваньского вопроса, в своей речи в Ташкенте 24 марта 1982 г. дал сигнал о готовности улучшить отношения с Китаем. В своем выступлении советский лидер особо подчеркнул, что Москва «никогда не поддерживала и не поддерживает ни в какой форме так называемую концепцию двух Китаев, полностью признавала и признает суверенитет КНР

³⁷ Deng Xiaoping. *Deng Xiaoping wen xuan: di er juan* [Избранные сочинения Дэн Сяопина. Т. 2]. Beijing: Ren min chu ban she, 1994. P. 376–377.

над островом Тайвань»³⁸. Дэн Сяопин сразу же воспользовался этой возможностью. Осенью того же года он выступил с инициативой возобновить советско-китайские переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел, которые были прерваны из-за ввода советских войск в Афганистан [Zubok, 2017: 127–128]. В ноябре 1982 г. министр иностранных дел Китая Хуан Хуа встретился с Ю.В. Андроповым и поговорил с А.А. Громыко на похоронах Л.И. Брежнева. Всё это вызвало беспокойство у руководства США. Исходя из этого, в комплексном стратегическом руководящем документе администрации Р. Рейгана по отношениям с Советским Союзом NSDD-75, утвержденном в январе 1983 г., была зафиксирована следующая цель: чтобы противостоять «советской угрозе», необходимо «минимизировать возможности китайско-советского сближения»³⁹. «Китай продолжает поддерживать усилия США по укреплению обороны мирового сообщества от советского экспансионизма. США в долгосрочной перспективе должны стремиться к расширению стратегического сотрудничества и координации политики в отношении с Китаем <...>. США будут продолжать проводить политику существенного упрощения передачи технологий и продажи военной техники Китаю на индивидуальной основе в рамках политики, утвержденной президентом в 1981 году»⁴⁰, — говорилось в том документе.

В данном контексте, после провозглашения Стратегической оборонной инициативы (СОИ) и речи Р. Рейгана об «империи зла», а также на фоне жесткой позиции, занятой советским руководством на переговорах по ракетам средней дальности, недоверие между СССР и США вновь возросло. В пятом раунде переговоров, начавшемся в мае 1983 г., советская сторона, отвергнув новые предложения США, пригрозила ответить контрмерами, если НАТО приступит к запланированному размещению ракет, в самом ближайшем будущем⁴¹. Быстрое потепление советско-китайских отношений и сохранявшаяся напряженность между Москвой и Вашингтоном подтолкнули

³⁸ Речь товарища Л.И. Брежнева // Правда. 25.03.1982. С. 2.

³⁹ National Security Decision Directive 75: U.S. Relations with the USSR. 17.01.1983 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/public/archives/reference/scanned-nsdds/nsdd75.pdf> (accessed: 11.04.2020).

⁴⁰ Ibid. P. 5.

⁴¹ Nuclear arms control: Background and issues. National Academy of Sciences. Washington, D.C.: The National Academies Press, 1985. P. 129.

администрацию Р. Рейгана сделать еще ряд шагов навстречу КНР. В июне 1983 г. М. Болдридж, министр торговли США, который только что завершил свой визит в Китай, объявил, что Белый дом решил перевести КНР в категорию «V» экспортного контроля, к которой принадлежали западноевропейские союзники Вашингтона. Это подразумевало, что США собирались сделать новый шаг в вопросе продажи оружия Китаю, в том числе летального.

Инцидент с самолетом KAL007 1 сентября 1983 г. вызвал резкое обострение международной обстановки на критической стадии переговоров по ракетам средней дальности. Всё это произошло накануне запланированного первого визита К. Уайнбергера в Китай. 19 сентября, осудив Советский Союз за катастрофу с южнокорейским пассажирским самолетом, К. Уайнбергер в ответ на вопрос корреспондента о том, в какой степени правительство США было готово продвигать продажу оружия и экспорт высокотехнологичных товаров в Китай, ответил: «...единственным ограничением, которое надо учитывать, является то, что не нужно передавать такие технологии, <...> которые могут быть использованы для ядерного оружия и систем его доставки»⁴².

Это заявление вышло далеко за рамки основных принципов продажи оружия КНР, предусмотренных в NSDD-11. Общественность в США даже посчитала, что К. Уайнбергер «продемонстрировал почти чрезмерный энтузиазм по поводу того, как помочь Китаю построить собственную оборону». И действительно, спустя всего несколько дней, когда К. Уайнбергер на пути в Китай сделал остановку в Токио, он отрицал связь между своим заявлением о военном сотрудничестве с Пекином и инцидентом с KAL007. Он также отступил от предыдущей позиции по вопросу продажи оружия Китаю⁴³. Эти колебания еще раз отразили тонкую связь между американскими военными поставками в КНР и степенью конфронтации между США и СССР.

Тем не менее в ходе своего визита в Поднебесную, проходившего с 25 по 29 сентября, К. Уайнбергер провел доверительные переговоры с военным руководством Китая по вопросам продажи оружия и передачи технологий. Спустя два года после фактически

⁴² Liu Liandi bian zhu: Zhong mei guan xi zhong yao wen xian zi liao xuan bian [Избранные важные документы по китайско-американским отношениям]. Beijing: Shi shi chu ban she, 1996. P. 239.

⁴³ Weinberger C. Fighting for peace: Seven critical years in the Pentagon. New York: Warner Books, 1990. P. 295.

полной заморозки такого рода контактов этот визит открыл новую возможность для углубления китайско-американского военно-технического сотрудничества, восстановив взаимное доверие между Китаем и США в этой области. К. Уайнбергер заверил китайских лидеров, что предстоящая продажа оружия КНР согласована и не будет обставляться новыми политическими условиями. Всё это стало возможным прежде всего благодаря резкому охлаждению американо-советских отношений⁴⁴.

9 января 1984 г., накануне первого в истории визита премьера Госсовета КНР в США, СНБ выпустил директиву NSDD-120, где указал, что решение о либерализации контроля над передачей технологий в некоторой степени изменило взгляд Китая на двусторонние отношения, поэтому Вашингтон не только номинально, но и фактически рассматривает его как «дружественную, но не союзническую страну». В директиве было добавлено, что из-за «нашей заинтересованности в развитии стратегического сотрудничества с Китаем в борьбе с общей советской угрозой <...> мы решили работать вместе с ним для повышения его оборонительного военного потенциала. А передача технологий подходящего уровня, гражданских и военных <...> необходима и желательна для достижения этой цели»⁴⁵. Три месяца спустя в директиве NSDD-140, которая была выпущена накануне визита Р. Рейгана в Китай, вновь подтверждались руководящие принципы военного и стратегического сотрудничества с КНР, заявленные в NSDD-120⁴⁶.

В ходе переговоров с китайским руководством Р. Рейган заявил: «Моя основная цель состоит в том, чтобы восстановить уверенность Америки в себе и ее активную лидерскую позицию. Важно перестроить нашу оборону и препятствовать советскому военному превосходству, а также противостоять агрессии со стороны Советов и их прокси. <...> Хотя Китай проводит независимую внешнюю

⁴⁴ Ibid. P. 298–307.

⁴⁵ National Security Decision Directive 120: Visit to the United States of Premier Zhao Ziyang. 09.01.1984 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/public/archives/reference/scanned-nsdds/nsdd120.pdf> (accessed: 11.04.2020).

⁴⁶ National Security Decision Directive 140: The President's Visit to the People's Republic of China. 21.04.1984 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/public/archives/reference/scanned-nsdds/nsdd140.pdf> (accessed: 11.04.2020).

политику, я думаю, что у нас общее восприятие <...> советских амбиций»⁴⁷. «Несмотря на то что мы не делимся нашими технологиями полностью ни с какой страной, мы намерены помочь Китаю противостоять угрозе со стороны Советского Союза»⁴⁸. Эта решимость администрации Р. Рейгана включить продажу оружия Китаю в свою глобальную стратегию против СССР снова была обусловлена прежде всего логикой развития американско-советских отношений. В тот период Москва в одностороннем порядке вышла из переговоров по ракетам средней дальности, объявила о развертывании новых ракет в Чехословакии и ГДР и приостановила ОСВ.

12 июня 1984 г. в ходе визита министра обороны Китая Чжана Айпина в США администрация Р. Рейгана официально утвердила КНР в качестве реципиента программы «Зарубежные военные продажи». С тех пор экспорт военной техники и передача технологий Пекину больше не нуждались в утверждении Конгрессом⁴⁹. Кроме того, в результате визита стороны подписали «Соглашение об обмене военными технологиями между КНР и США» и договорились о четырех проектах: совместном производстве противотанковых ракет TOW, продаже ракет ПВО Hawk и радаров, передаче технологии производства артиллерийских снарядов большого калибра и помощи Китаю в модернизации перехватчиков J-8 [Jia, 1984].

При этом США решили не предоставлять КНР кредиты, как другим реципиентам, и ни одна из согласованных сделок не предполагала продажу наступательного вооружения. В частности, программа «Жемчужина мира» (Peace Pearl) (о ней будет написано подробнее далее), нацеленная на модернизацию самого совершенного на тот момент китайского истребителя J-8, была принята, поскольку США рассматривали его как оборонительный самолет-перехватчик, который Китай мог использовать только для того, чтобы «защитить свое воздушное пространство от угрозы со стороны Советского Союза», и данная «модернизация не обеспечит наступательный потенциал, который может угрожать союзникам и друзьям» в Тихоокеанском регионе⁵⁰.

⁴⁷ The Trip of President Reagan to the People's Republic of China. April 26 — May 1, 1984 // DNSA. Available at: <https://www.proquest.com/legacyredirect/dnsa/index> (accessed: 11.04.2020).

⁴⁸ Ibid. P. 6.

⁴⁹ Weinberger C. Op. cit. P. 300.

⁵⁰ Opening Statement by Deputy Assistance Secretary James R. Lilley, Senate Foreign Relations Committee [Proposed Sale of Aircraft Avionics Components to the People's

Визит Чжан Айпина в Соединенные Штаты стал важным переломным моментом в продаже американского оружия Китаю. Впервые в истории КНР и США заключили межправительственное соглашение в этой области. Официальное включение Китая в американскую программу «Зарубежные военные продажи» наконец позволило Белому дому на законных основаниях продавать Пекину летальное оружие.

На первый взгляд, каждый шаг ослабления администрацией Р. Рейгана ограничений на продажу оружия Китаю был вызван поведением Советского Союза, и это, казалось, просто отражало теорию баланса сил. Однако СССР фактически не извлек преимуществ из событий, спровоцировавших США на продажу вооружений Китаю. Например, польский кризис произошел внутри социалистического содружества. Соединенные Штаты не вмешивались, так как рассматривали его как внутреннее дело в сфере влияния Москвы. Что касается советских ракет средней дальности, то они всегда были в Восточной Европе в прошлом, а СССР просто модернизировал их. Приняв непосредственные меры против Советов, администрация Р. Рейгана разыграла «китайскую карту». Это больше походило на сочетание и использование двух вариантов стратегии сдерживания, предложенных Дж. Гэддисом, — симметричный и асимметричный ответ: относительно пассивно реагируя на провокацию в том месте, где она непосредственно возникает, в то же время активно действовать на другом направлении, которое позволяет лучше реализовать свои сильные стороны [Gaddis, 1981: 80; Gaddis, 1982: 352–355].

Конечной целью Р. Рейгана было подорвать влияние Советского Союза, и это совпадало с позицией Дэн Сяопина. Несмотря на то что тайваньский вопрос в свое время привел к кризису военно-технического взаимодействия США и КНР и даже к проблемам во всех областях китайско-американских отношений, стратегическое сотрудничество Пекина и Вашингтона, основанное на сдерживании Москвы, смогло быстро восстановиться, после того как стороны пошли на компромисс. Это было связано с тем, что для лидеров обеих стран тайваньский вопрос был скорее вопросом престижа (Р. Рейган не мог жертвовать интересами «старого друга», а Дэн Сяопин — интересами «священной территории»), а угроза СССР

носила экзистенциальный характер. Это и стало основной причиной прогресса в вопросе продажи оружия Китаю в течение уже первого президентского срока Р. Рейгана.

Анализ структуры и объемов продаж вооружений США Китаю с 1984 по 1989 г.

В июле 1984 г. Китай подписал контракт с Sikorsky Aircraft на закупку 24 вертолетов S-70 «Черный ястреб» (Black Hawk) по цене 7 млн долл. за штуку. В ноябре того же года США доставили первые 4 вертолета, а последний прибыл в Китай в декабре 1985 г. Эти «Черные ястребы» позволили НОАК впервые в истории организовать регулярное патрулирование вдоль границы между Китаем и Индией на Тибетском плато [Yang, 2004: 22]. В августе 1985 г. Пекин подписал контракт с General Motors на приобретение 5 судовых газотурбинных двигателей LM2500 и установил их на ракетный эсминец класса 052 (обозначение НАТО — Luhu)⁵¹. В сентябре 1985 г. США предложили продать Китаю взрыватели, капсюли, детонаторы, а также оборудование для завода по производству 155-мм артиллерийских снарядов M107 [Bitzinger, 1991: 30]. В следующем месяце Конгресс одобрил эту сделку на сумму 98 млн долл., ставшую первой, достигнутой в рамках программы «Зарубежные военные продажи» [Ross, 1986]. В мае 1986 г. в соответствии с «Соглашением об обмене военными технологиями между КНР и США» Конгресс одобрил проект «Жемчужина мира» (Peace Pearl), целью которого была модернизация 55 китайских перехватчиков J-8. Общая стоимость проекта составила 550 млн долл. [Ross, 1986]. Он реализовывался компанией Northrop Grumman. Эта сделка до сих пор остается самой дорогой за всю историю продаж оружия США Китаю. В ноябре 1986 г. во время своего визита в Циндао командующий Тихоокеанским флотом США обсудил с китайской стороной продажу торпед МК46 II [Chand, 1989: 57]. В следующем году Вашингтон согласился продать Пекину 4 торпеды и соответствующие технологии за 8 млн долл. В январе 1987 г. американская сторона объявила, что продаст Китаю 4 радары AN/TPQ-37 Firefinder, 8 радиостанций AN/VRC-66 и соответствующее вспомогательное оборудование за 62,5 млн долл.

⁵¹ United States-China military relations. 1979–1985: Analysis and chronology. 02.07.1986 // DNSA. Available at: <https://www.proquest.com/legacyredirect/dnsa/index> (accessed: 11.04.2020).

[Gill, Kim, 1995: 42]. В марте 1989 г. Китай договорился с Boeing о приобретении 6 военно-транспортных вертолетов CH-47D Chinook на 100 млн долл.⁵²

Кроме того, КНР и США осуществили три совместных проекта военно-технического сотрудничества в области исследований и разработок систем вооружения. Так, в июне 1986 г. Norinco и Food Machinery and Chemical Corporation совместно разработали боевую машину пехоты NFV-1 на основе Type 86 (китайская копия БМП-1) [Yuan, Wang, 2016]. В июне 1988 г. аэрокосмическая корпорация Chengdu и Grumman совместно спроектировали истребитель Super-7 на базе J-7М (китайская копия МиГ-21)⁵³. В конце 1988 г. Китайская национальная корпорация по импорту и экспорту машин и оборудования и Cadillac Gage разработали основной боевой танк Jaguar на базе танка Type 59 (китайская копия Т-54А) [Gill, Kim, 1995: 43].

Конец этому взаимодействию положили события на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 г. Уже на следующий день президент США Дж. Буш-ст. объявил о введении санкций в отношении КНР, которые включали «приостановку всех межправительственных продаж и коммерческого экспорта оружия, приостановку визитов военных руководителей США и Китая»⁵⁴. 29 июня Палата представителей США приняла поправку о санкциях против КНР (418 голосов за, против — 0). В результате двусторонние отношения оказались на самой низкой точке с момента их официального установления [Тао, 2004: 190–193].

В целом с 1984 по май 1989 г. в рамках программы «Зарубежные военные продажи» США и КНР подписали серию контрактов на сумму 602 млн долл. Однако из-за длительного срока реализации (например, проект «Жемчужина мира» планировалось завершить в 1995–1996 гг.) и односторонней приостановки военного сотрудничества Вашингтоном в итоге фактически были переданы вооружения и технологии лишь на 79 млн долл. Кроме того, США поставили

⁵² China-U.S. Cooperation: Military Sales, Government Programs, Multilateral Aid, and Private-Sector Activities. 09.06.1989 // DNSA. Available at: <https://www.proquest.com/legacyredirect/dnsa/index> (accessed: 11.04.2020).

⁵³ Tu Jida Dan mo ji — fei ji she ji shi tu ji da zi shu [Автобиография авиационного конструктора Ту Джиды]. Beijing: Hang kong gong ye chu ban she, 2010. P. 266.

⁵⁴ The President's News Conference. 05.06.1989 // George H.W. Bush Presidential Library & Museum. Available at: <https://bush41library.tamu.edu/archives/public-papers/494> (accessed: 11.04.2020).

в Китай военную технику и технологии на сумму 195 млн долл. в форме коммерческой продажи (commercial sale) (табл. 1, 2) [см. также: Ali, 2007: 147]⁵⁵.

Таблица 1. Статистика продаж оружия США в Китай, млн долл.

Table 1. U.S. military sales to China, USD millions

Форма продажи		1984	1985	1986	1987	1988	1989
Зарубежные военные продажи	Договоры	0,6	0,4	36,1	550,7	14,2	0,41
	Факт	<0,05	0,4	0,5	3,9	39,3	35,4*
Коммерческие продажи	Договоры	–	–	–	–	–	–
	Факт	22,7	46,3	55,2	24,4	43,0	81,2*

* *Примечание:* до 31 мая 1989 г.

Источник/Source: China-U.S. Cooperation: Military Sales, Government Programs, Multilateral Aid, and Private-Sector Activities. 09.06.1989 // DNSA. Available at: <https://www.proquest.com/legacyredirect/dnsa/index> (accessed: 11.04.2020).

Из-за одностороннего нарушения договора Соединенными Штатами все крупные проекты по продаже оружия Китаю, начатые во второй половине 1980-х годов, не были доведены до конца. Таким образом, в отличие от остальных трех из «четырёх модернизаций», которые сильно зависели от ресурсов США, в модернизации национальной обороны КНР вряд ли можно было обнаружить какие-либо следы американской помощи. Тем не менее и Пекин, и Вашингтон ценили в большей степени политический эффект от военно-технического сотрудничества, нежели сами поставки оружия. Подобно секретным военным операциям, продажа вооружений составляла один из двух столпов китайско-американского партнерства в области безопасности и еще больше укрепила антисоветский альянс двух стран⁵⁶.

Непосредственным поводом для США приостановить продажи оружия КНР были события на площади Тяньаньмэнь. Однако нельзя забывать, что продажи уже замораживались во второй половине 1981 — 1982 г. из-за влияния других аспектов китайско-американ-

⁵⁵ China-U.S. Cooperation: Military Sales, Government Programs, Multilateral Aid, and Private-Sector Activities. 09.06.1989 // DNSA. Available at: <https://www.proquest.com/legacyredirect/dnsa/index> (accessed: 11.04.2020).

⁵⁶ Медведев В.А. Распад: как он назревал в «мировой системе социализма»: Мемуары. М.: Международные отношения, 1994. С. 355.

Таблица 2. Общая характеристика продаж вооружений и военных технологий США в Китай в 1980-х годах

Table 2. General overview of the U.S. weapons and military equipment sales to China in the 1980s

Форма продажи	Программа	Характер проекта	Начальный год	Итог
Зарубежные военные продажи	155-мм артиллерийский снаряд	Передача технологии	1985	—
	«Жемчужина мира»	Техническое обновление	1986	Прекращено
	Торпеда МК46 II	Продажа готовых изделий	1987	—
	РЛС AN/TPQ-37	Продажа готовых изделий	1987	Доставлено частично
Коммерческие продажи	Вертолет Black Hawk	Продажа готовых изделий	1984	Завершено
	Двигатель LM2500	Продажа готовых изделий	1985	Завершено
	БМП NFV-1	Техническое сотрудничество	1986	Прекращено
	Истребитель Super-7	Техническое сотрудничество	1988	Прекращено
	Основной танк Jaguar	Техническое сотрудничество	1988	Прекращено
	Вертолет Chinook	Продажа готовых изделий	1989	Ничего не доставлено

Источник/Source: Gill B., Kim T. China's arms acquisitions from abroad: A quest for 'superb and secret weapons'. Oxford: Oxford University Press, 1995.

ских отношений. В сравнении с периодом начала 1980-х годов на этот раз, несмотря на взрывной рост китайско-американских экономических и торговых отношений в 1990-х годах и очень скорое возобновление визитов американских военных руководителей в Китай, «приостановка» продажи оружия обернулась ее полным прекращением. Это было связано с тем, что в тот момент исчезли объективные условия и предпосылки для экспорта вооружений, а именно «советская угроза». Таким образом, можно сделать вывод, что на военно-техническое сотрудничество Китая и США преимущественно влиял советский фактор.

* * *

На макроуровне техническое сотрудничество и торговля оружием предстают как закономерный выбор КНР и США в условиях обострения советско-китайских и советско-американских отношений. Опора на Китай для сдерживания Советского Союза превратилась в устойчивый тренд во внешней политике американских администраций с момента визита Р. Никсона в Пекин вплоть до окончания холодной войны, хотя приверженность этой стратегии у каждого президента была разной. В качестве важнейшего аспекта китайско-американского сотрудничества в военной сфере продажа вооружений США Китаю была наиболее важной особенностью де-факто китайско-американского альянса в 1980-х годах и составляла основу «китайско-американского медового месяца».

На микроуровне отношение представителей каждой американской администрации к вопросу продажи вооружений Китаю было конъюнктурным и непостоянным. На каждом этапе переговоров этот процесс напрямую зависел от перипетий советско-американских отношений. В данных рамках вопрос поставок оружия Китаю носил непостоянный или вовсе случайный характер. Так, хотя США по собственной инициативе предложили КНР техническую помощь и сотрудничество в области национальной обороны в эпоху Р. Никсона, для правительства Р. Рейгана, которое, собственно, и начало продажи оружия Китаю, этот шаг был скорее не добровольной, а вынужденной мерой. Соединенные Штаты использовали продажу вооружений Пекину как ответную меру на обострение глобального соперничества с СССР, как средство восстановления стратегического баланса и укрепления собственных позиций. С этой точки зрения если Дж. Картер поставил китайско-американские контакты в под-

чиненное положение по отношению к советско-американскому сотрудничеству, потому что боялся нанести ущерб разрядке, то Р. Рейган сделал это уже с другими целями, превратив двусторонние отношения в инструмент борьбы с Советским Союзом.

Тем не менее, добившись этого, администрация Р. Рейгана сама ограничила себе пространство для маневра, оказавшись очень сильно вовлеченной в сложное взаимодействие внутри стратегического треугольника СССР–КНР–США. Более того, если раньше главной заботой в переговорах с Пекином по продаже вооружений был анализ характера и типа продаваемого оружия с точки зрения предсказания возможной реакции СССР, то теперь на первый план стало выходить беспокойство о возможном негативном влиянии этих контактов на сохранение военного превосходства и национальной безопасности самих Соединенных Штатов, поскольку Китай всё же оставался коммунистическим государством с ядерным оружием. Кроме того, США также необходимо было обеспечить военный баланс между КНР и Тайванем.

В конце 1980-х годов вместе со снижением напряженности в отношениях СССР с США и с КНР в геополитическом треугольнике Москва–Вашингтон–Пекин произошли значительные изменения. Исчезновение «советской угрозы» привело к быстрому прекращению продаж американского оружия Китаю. Таким образом, можно заключить, что именно советский фактор сыграл решающую роль в определении динамики и содержания военно-технического сотрудничества США и КНР на всех его этапах, он же обусловил его последующее сворачивание. В свою очередь это сотрудничество прямо влияло на советскую стратегию в рамках биполярного противостояния в рассматриваемый период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галенович Ю.М. История взаимоотношений России и Китая: В 4 кн. Кн. 3. Один строй — два государства (1949–1991 гг.). М.: Русская панорама, 2011.
2. Хасанов Р.Ш., Лобов В.Н. «Запад-81» — уроки и выводы: Интервью с доктором военных наук, профессором, генералом армии Владимиром Николаевичем Лобовым // Военный академический журнал. 2016. № 3. С. 64–71.
3. Хритошин И.А. Терминологическая идентификация вооружения и военной техники // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 126–128.

4. Ali S.M. US-China Cold War collaboration: 1971–1989. London: Routledge, 2007.
5. Bitzinger R. Chinese arms production and sales to the Third World. Santa Monica: RAND, 1991.
6. Chand A. Defence modernization, secret deals, and strategy of nations (A global study of army, navy, air force, and para-military forces). Part 1. New Delhi: Mittal Publications, 1989.
7. Chu W. Increased military sales to China: Problems and prospects // Journal of International Affairs. 1986. Vol. 39. No. 2. P. 133–147.
8. Chyba C.F. U.S. military-support equipment sales to the People's Republic of China // Asian Survey. 1981. Vol. 21. No. 4. P. 469–484.
9. Dai C. Mei guo 'mao yi zi you hua' zheng ce yu zhong guo 'gai ge kai fang' (1969–1975) [Политика «свободной торговли» США и «реформ и открытости» Китая (1969–1975)] // Shi xue yue kan. 2010. No. 2. P. 83–104. (In Chinese).
10. Dumbaugh K.B., Grimmett R.F. Arms sales to China: The limits to U.S.-Chinese military cooperation // The Washington Quarterly. 1986. Vol. 9. No. 3. P. 89–99.
11. Fardella E. The Sino-American normalization: A reassessment // Diplomatic History. 2009. Vol. 33. No. 4. P. 545–578.
12. Gaddis J.L. Containment: Its past and future // International Security. 1981. Vol. 5. No. 4. P. 74–102.
13. Gaddis J.L. Strategies of containment: A critical appraisal of postwar American national security policy. Oxford: Oxford University Press, 1982.
14. Gao W. Wan nian Zhou Enlai [Чжоу Энлай в старости]. Hong Kong: Ming jing chu ban she, 2003. (In Chinese.)
15. Gill B., Kim T. China's arms acquisitions from abroad: A quest for 'superb and secret weapons'. Oxford: Oxford University Press, 1995.
16. Harding H. A fragile relationship: The United States and China since 1972. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1992.
17. Jia H. Mei guan yuan he bao jie tan xiang wo chu shou jun shi zhuang bei wen ti [Официальные лица и пресса США говорят о продаже нам военной техники] // Guo ji wen ti zi liao. 1984. No. 4. P. 16–18. (In Chinese.)
18. Jun S. Zhong guo ren min jie fang jun de qi shi nian [70 лет Народно-освободительной армии Китая]. Beijing: Jun shi ke xue chu ban she, 1997. (In Chinese).
19. Liu L., Ma X. Zhong mei jian jiao chu qi liang guo jun shi yu an quan he zuo de chu bu fa zhan [Начальные этапы развития военного и оборонительного сотрудничества между КНР и США в первые годы после установления дипломатических отношений] // Zhong gong dang shi yan jiu. 2015. No. 4. P. 63–72. (In Chinese).

20. Meijer H. Trading with the enemy: The making of US export control policy toward the People's Republic of China. Oxford: Oxford University Press, 2016.
21. Richelson J. The U.S. intelligence community. Boulder: Westview Press, 1995.
22. Ross M.C. China and the United States' export controls system // *Columbia Journal of World Business*. 1986. Vol. 21. No. 1. P. 27–33.
23. Ross R.S. Negotiating cooperation: The United States and China, 1969–1989. Redwood City: Stanford University Press, 1995.
24. Tao W. Zhong mei guan xi shi [История китайско-американских отношений]. Shanghai: Shang hai ren min chu ban she, 2004. (In Chinese).
25. Woon E.Y. Chinese arms sales and U.S.-China military relations // *Asian Survey*. 1989. Vol. 29. No. 6. P. 601–618.
26. Xin Y. Ka te zheng fu de dui hua ji shu zhuan rang yu jun shou zheng ce [Политика передачи технологий и продаж вооружений Китаю администрации Картера] // *Mei guo yan jiu*. 2016. No. 5. P. 126–146. (In Chinese).
27. Xin Y. Lun li gen zheng fu shi qi mei guo dui hua ji shu zhuan rang yu jun shou [О передаче технологий и продаже вооружений США Китаю в период администрации Рейгана] // *Dang dai zhong guo shi yan jiu*. 2018. No. 1. P. 91–98. (In Chinese).
28. Yang Z. Hei ying de man chang zheng tu [Долгий путь «Black Hawk»] // *Guo ji zhan wang*. 2004. No. 16. P. 22–25. (In Chinese).
29. Yuan F., Wang X. Kai chu guo men — 86 bu bing che yan sheng de wai mao xing hao [Поедет за границу — экспортная модель боевой машины пехоты типа 86] // *Bing qi*. 2016. No. 12. P. 71–74. (In Chinese).
30. Zubok V. The Soviet Union and China in the 1980s: Reconciliation and divorce // *Cold War History*. 2017. Vol. 17. No. 2. P. 121–141. (In Chinese).

REFERENCES

1. Galenovich Yu.M. 2011. *Istoriya vzaimootnoshenii Rossii i Kitaya: V 4 kn. Kn. 3. Odin stroi — dva gosudarstva (1949–1991 gg.)* [History of relations between Russia and China: In 4 books. Book 3. One regime — two states (1949–1991)]. Moscow, Russkaya panorama Publ. (In Russ.)
2. Khasanov R.Sh., Lobov V.N. 2016. 'Zapad-81' — uroki i vyvody: Interv'yu s doktorom voennykh nauk, professorom, generalom armii Vladimirom Nikolaevichem Lobovym ['Zapad-81' — Lessons and conclusions: Interview with Army General Vladimir Nikolaevich Lobov]. *Voennyi akademicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 64–71. (In Russ.)
3. Khritoshin I.A. 2014. Terminologicheskaya identifikatsiya vooruzheniya i voennoi tekhniki [Terminological identification of arms and military equipment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 3, pp. 126–128. (In Russ.)

4. Ali S.M. 2007. *US-China Cold War collaboration: 1971–1989*. London, Routledge.
5. Bitzinger R. 1991. *Chinese arms production and sales to the Third World*. Santa Monica, RAND.
6. Chand A. 1989. *Defence modernization, secret deals, and strategy of nations (A global study of army, navy, air force, and para-military forces). Part 1*. New Delhi, Mittal Publications.
7. Chu W. 1986. Increased military sales to China: Problems and prospects. *Journal of International Affairs*, vol. 39, no. 2, pp. 133–147.
8. Chyba C.F. 1981. U.S. military-support equipment sales to the People's Republic of China. *Asian Survey*, vol. 21, no. 4, pp. 469–484.
9. Dai C. 2010. Mei guo 'mao yi zi you hua' zheng ce yu zhong guo 'gai ge kai fang' (1969–1975) [US 'trade liberalization' and China's 'reform and opening' policies (1969–1975)]. *Shi xue yue kan*, no. 2, pp. 83–104. (In Chinese).
10. Dumbaugh K.B., Grimmert R.F. 1986. Arms sales to China: The limits to U.S.-Chinese military cooperation. *The Washington Quarterly*, vol. 9, no. 3, pp. 89–99.
11. Fardella E. 2009. The Sino-American normalization: A reassessment. *Diplomatic History*, vol. 33, no. 4, pp. 545–578.
12. Gaddis J.L. 1981. Containment: Its past and future. *International Security*, vol. 5, no. 4, pp. 74–102.
13. Gaddis J.L. 1982. *Strategies of containment: A critical appraisal of postwar American national security policy*. Oxford, Oxford University Press.
14. Gao W. 2003. *Wan nian Zhou Enlai* [Zhou Enlai in his old age]. Hong Kong, Ming jing chu ban she. (In Chinese).
15. Gill B., Kim T. 1995. *China's arms acquisitions from abroad: A quest for 'superb and secret weapons'*. Oxford, Oxford University Press.
16. Harding H. 1992. *A fragile relationship: The United States and China since 1972*. Washington, D.C., Brookings Institution Press.
17. Jia H. 1984. Mei guan yuan he bao jie tan xiang wo chu shou jun shi zhuang bei wen ti [US officials and press talk about the sale of military equipment to us]. *Guo ji wen ti zi liao*, no. 4, pp. 16–18. (In Chinese).
18. Jun S. 1997. *Zhong guo ren min jie fang jun de qi shi nian* [70 years of the People's Liberation Army of China]. Beijing, Jun shi ke xue chu ban she. (In Chinese).
19. Liu L., Ma X. 2015. Zhong mei jian jiao chu qi liang guo jun shi yu an quan he zuo de chu bu fa zhan [The preliminary development of U.S.-China military and security cooperation in the late 1970s]. *Zhong gong dang shi yan jiu*, no. 4, pp. 63–72. (In Chinese).
20. Meijer H. 2016. *Trading with the enemy: The making of US export control policy toward the People's Republic of China*. Oxford, Oxford University Press.

21. Richelson J. 1995. *The U.S. intelligence community*. Boulder, Westview Press.

22. Ross M.C. 1986. China and the United States' export controls system. *Columbia Journal of World Business*, vol. 21, no. 1, pp. 27–33.

23. Ross R.S. 1995. *Negotiating cooperation: The United States and China, 1969–1989*. Redwood City, Stanford University Press.

24. Tao W. 2004. *Zhong mei guan xi shi* [History of the U.S.-China relations]. Shanghai, Shanghai People's Publishing House. (In Chinese).

25. Woon E.Y. 1989. Chinese arms sales and U.S.-China military relations. *Asian Survey*, vol. 29, no. 6, pp. 601–618.

26. Xin Y. 2016. Ka te zheng fu de dui hua ji shu zhuan rang yu jun shou zheng ce [The transfer of civil high tech equipment and military equipment to the PRC under the Carter administration]. *Mei guo yan jiu*, no. 5, pp. 126–146. (In Chinese).

27. Xin Y. 2018. Lun li gen zheng fu shi qi mei guo dui hua ji shu zhuan rang yu jun shou [On America's technology transfer and arms sale to China during the Reagan administration period]. *Dang dai zhong guo shi yan jiu*, no. 1, pp. 91–98. (In Chinese).

28. Yang Z. 2004. Hei ying de man chang zheng tu [The long march of 'Black Hawk']. *Guo ji zhan wang*, no. 16, pp. 22–25. (In Chinese).

29. Yuan F., Wang X. 2016. Kai chu guo men — 86 bu bing che yan sheng de wai mao xing hao [For foreign market — the export model of INV Type 86]. *Bing qi*, no. 12, pp. 71–74. (In Chinese).

30. Zubok V. 2017. The Soviet Union and China in the 1980s: Reconciliation and divorce. *Cold War History*, vol. 17, no. 2, pp. 121–141.

Статья поступила в редакцию 05.07.2020; одобрена после рецензирования 01.12.2020; принята к публикации 21.09.2021.

The paper was submitted 05.07.2020; approved after reviewing 01.12.2020; accepted for publication 21.09.2021.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-48-74

Научная статья / Research paper

Хань Шинь*

ВЗГЛЯД КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЕННЫХ РЕФОРМ В РОССИИ (С 1990-Х ГОДОВ ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Россия и Китай с начала 1990-х годов прошли большой путь развития взаимодействия в военной сфере. Сотрудничество началось с обмена делегациями, сокращения войск вдоль границы и принятия мер по укреплению доверия. К настоящему времени оно дошло до уровня тесного партнерства. Ежегодно военные двух стран проводят несколько крупных учений, сотрудничают в подготовке военных кадров. В связи с этим представляют интерес оценки китайской стороной российской военной политики после распада СССР.

Анализ динамики публикационной активности показывает, что китайские ученые обратили пристальное внимание на российские военные реформы в середине 1990-х годов. Пик интереса китайских военных и гражданских экспертов к данной проблематике пришелся на 2009 год, когда начался период наиболее радикальных преобразований в России в военной сфере.

Китайские исследователи делят российские военные реформы на четыре волны, границы которых определялись сложным сочетанием внутри- и внешнеполитических, а также экономических факторов. Каждый из этих этапов военных преобразований в России рассматривался с точки зрения как возможного воздействия на глобальный баланс сил в военно-политической сфере, так и изучения российского опыта для проведения такого рода реформ в самом Китае.

Первые этапы российских военных реформ (1992–1997 и 1997–1999 гг.) оцениваются скорее негативно, при этом в качестве основных причин их неудачи китайские исследователи называют резкое сокращение эконо-

* Хань Шинь — аспирантка кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: hanshiying@bfsu.edu.cn).

мических возможностей страны, слабость политического руководства, отсутствие военно-теоретической базы для преобразований.

Последующие реформы (2001–2004 гг. и особенно после 2008 г.) оцениваются как более успешные именно в силу произошедших в России процессов консолидации власти, сопровождавшихся восстановлением экономики, а также уроков, которые российское военное руководство извлекло из локальных войн и вооруженных конфликтов в этот период. Вместе с тем и эти реформы не были, по китайским оценкам, свободны от недостатков. К таковому китайские эксперты относят поспешные и слишком радикальные преобразования по западному образцу на рубеже 2000–2010-х годов.

В целом китайские исследователи, как гражданские, так и военные, склонны заключать, что в итоге длительного и сложного процесса военных преобразований России удалось добиться существенного прогресса в переоснащении и повышении боевого потенциала своих вооруженных сил, а сами реформы могут послужить источником ценного опыта для развития и модернизации Народно-освободительной армии Китая.

Ключевые слова: военные реформы, Россия, Китай, Вооруженные Силы Российской Федерации, российско-китайское сотрудничество, Академия военных наук НОАК, Академия общественных наук КНР, Нанкинский институт международных отношений, Институт российских исследований Университета Цинхуа.

Для цитирования: Хань Шиин. Взгляд китайских исследователей на ход и результаты военных реформ в России (с 1990-х годов по настоящее время) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 3. С. 48–74. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-48-74.

Han Shiyong

**CHINESE SCHOLARS
ON THE PROGRESS AND OUTCOMES
OF THE MILITARY REFORMS IN RUSSIA
(FROM THE 1990S TILL PRESENT)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

Since the early 1990s, Russia and China have come a long way in developing military cooperation. It began with an exchange of delegations, the reduction of

troops along the border, the adoption of confidence-building measures, and, by now, has transformed into a strong partnership. Two countries annually conduct several joint military exercises and develop military training cooperation. In this regard, the Chinese assessments of the Russian military policy after the collapse of the USSR are of particular interest.

The survey of specialized publications shows that Chinese scholars commenced studies on the Russian military reforms in the mid-1990s. The author notes that there was a spike of research activity on that matter in 2009 soon after the start of radical reforms of the Russian Armed Forces.

Chinese scholars usually identify four waves in the Russian military reforms, each determined by a combination of domestic and external political and economic factors. Chinese military and academic experts assessed these reforms both in terms of their impact on the global balance of power in the military-political sphere and their potential relevance to similar reforms in China.

The first two phases of the Russian military reforms (from 1992 to 1997 and from 1997 to 1999) are usually assessed negatively. The general failure of military reforms is attributed to the economic challenges, the lack of political will, and the absence of an adequate theoretical and methodological basis for such transformations.

Subsequent reforms (from 2001 to 2004, and, particularly, after 2008) are generally assessed positively. In that regard, Chinese experts emphasize the importance of the processes of political power consolidation and economic recovery that took place in Russia in that period, as well as the role of lessons learned by the Russian military from local wars and armed conflicts. Nevertheless, according to Chinese assessments these reforms still have certain drawbacks, particularly, associated with hasty and misguided attempts to copy the Western military models at the turn of the 2000s — 2010s.

In general, Chinese civilian and military experts conclude that throughout a long and difficult process of military reforms Russia has made a significant progress in rearmament and increasing the combat potential of its armed forces. Moreover, such reforms could serve as a valuable source of experience and an example for further development and modernization of the People's Liberation Army of China (PLA).

Keywords: military reforms, Russia, the People's Republic of China, Armed Forces of the Russian Federation, Russia-China cooperation, PLA Academy of Military Science, Chinese Academy of Social Sciences, Nanjing Institute of International Relations, Russia Research Institute at Tsinghua University.

About the author: *Han Shiyin* — PhD Candidate at the Chair of International Security, School of the World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: hanshiying@bfsu.edu.cn).

For citation: Han Shiyong. 2021. Chinese scholars on the progress and outcomes of the military reforms in Russia (from the 1990s till present). *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 48–74. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-48-74. (In Russ.)

Россия как крупная и влиятельная военная держава всегда придавала большое значение вопросам обороны, военного строительства и безопасности. В советское время речь шла прежде всего о подготовке армии, способной к проведению крупномасштабных боевых действий. Военная мощь СССР достигла своего пика в 1980-х годах, когда в советских Вооруженных Силах (ВС) насчитывалось около 6 млн человек.

После распада Советского Союза Россия унаследовала большую часть его военного потенциала. Однако из-за внутренней политической нестабильности, продолжавшегося упадка национальной экономики и ошибок в принятии решений по вопросам безопасности военные возможности России существенно сократились по сравнению с советским периодом.

В то же время западные страны начали проводить военные реформы, направленные на внедрение современных технологий в армейские подразделения. Ряд военных операций, проведенных западными странами в 1990-х и 2000-х годах, заставили Россию полностью осознать тот факт, что в области военных технологий, оборудования и методов ведения войны она сильно отстает, особенно от Соединенных Штатов. Исходя из этого, Москва начала менять направление политики в области обеспечения национальной безопасности и инициировала масштабное реформирование армии. В рамках данной статьи предпринимается попытка проанализировать взгляды китайских экспертов на ход и результаты этих преобразований.

Россия и Китай с начала 1990-х годов прошли большой путь развития взаимодействия в военной сфере, в рамках которого было место и для трений, и для сотрудничества. Как представляется, многие разногласия вызваны недостаточным взаимопониманием между двумя странами, и анализ оценок китайских экспертов в отношении российских военных реформ может помочь лучше понять общие интересы, нащупать точки соприкосновения и укрепить двустороннее военное сотрудничество в будущем.

В статье анализируются китайские научные публикации по тематике российских военных реформ с 1995 по 2019 г. Главным об-

разом они представлены статьями в китайских научных журналах, но имеется и небольшое число монографий.

Среди авторов, наиболее активно работавших в этой области, выделяются Ма Цзяньгуан [Ма Цзяньгуан, Чжанмин, 2009; Ма Цзяньгуан, Сунь Цяньцзе, 2016], Ли Дагуан [Ли Дагуан, 2015], Ли Дапэн [Ли Дапэн, 2015; Ли Дапэн, Ван Чжэнь, 2012], Чэнь Сюэхуэй [Чэнь Сюэхуэй, 2002], Чэнь Цзяньминь, Ли Шуинь [Чэнь Цзяньминь и др., 2007].

С точки зрения китайских авторов, реформирование ВС РФ делилось на следующие основные этапы: 1) военные реформы 1992–1997 гг.; 2) реформы И.Д. Сергеева (1997–1999); 3) реформы С.Б. Иванова (2001–2004); 4) реформы А.Э. Сердюкова и С.К. Шойгу (2008–2020).

В большинстве статей рассматривается ход российских военных преобразований в целом. Лишь ряд работ посвящены тематике реформирования отдельных видов ВС либо конкретным аспектам изменений в российской военной политике.

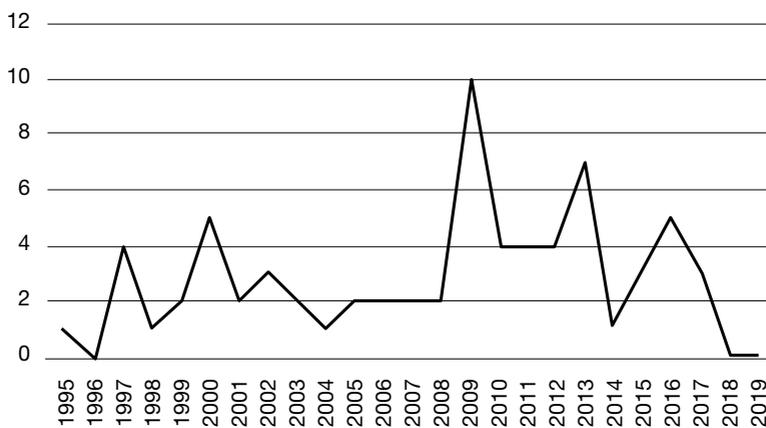
Следует отметить, что интерес китайских авторов к рассматриваемой теме резко вырос после 2000 г. и достиг пика в 2009 г. на фоне старта «сердюковских реформ» и прошедшего конфликта с Грузией. Публикационная активность снизилась практически до нуля с 2018 г. Последнее обстоятельство тем более интересно на фоне начавшегося в 2018–2019 гг. нового этапа расширения российско-китайского военного сотрудничества с участием китайских военных в российских стратегических командно-штабных учениях «Восток» и «Центр». Среднее количество научных публикаций по данной тематике после 2000 г. составляло три в год¹.

Статьи, как правило, публиковались в таких научных журналах, как «Сиболия яньцзю» («Сибирские исследования»), «Гоцзи чжаньван» («Международное обозрение»), «Элосы чжунъя дуноу яньцзю» («Российские, восточноевропейские и центральноазиатские исследования»), «Шицзе цзюньши» («Мировое военное дело»). Эти журналы издаются главным образом академическими учреждениями, например Академией общественных наук КНР, Хэйлунцзянской академией социальных наук, Шанхайской академией международ-

¹ Имеются в виду публикации с ключевыми словами «российские военные реформы», индексируемые в китайских базах научных публикаций.

ных исследований. Российские военные реформы также освещались в специализированных публикациях агентства Синьхуа, а также в армейской газете «Цзефанцзюнь бао» («Ежедневник Народно-освободительной армии»).

Публикационную активность китайских авторов по теме можно представить в виде графика.

**Количество статей, опубликованных в Китае в 1995–2019 гг.
по тематике военных реформ в России**

Number of articles published in China on military reforms in Russia, 1995–2019

Источник/Source: CNKI².

Следует отметить, что помимо академических публикаций большое количество материалов по рассматриваемой тематике выходило на китайских популярных ресурсах. Они не являются предметом настоящей статьи, а их количество сложно определить из-за отсутствия соответствующих баз данных. При этом значительная часть этих публикаций представляют собой простые перепечатки российских новостных статей с иллюстрациями.

² Национальная инфраструктура знаний Китая (China National Knowledge Infrastructure, CNKI) — глобальный информационный проект КНР. CNKI создает комплексную интегрированную систему ресурсов знаний, включая журналы, докторские диссертации, кандидатские диссертации, научные труды, газеты, ежегодники, статистические ежегодники, электронные книги, патенты, стандарты и т.д.

Ранний период военных реформ в России

Источниковая база большей части работ, посвященных началу военных реформ в РФ, представлена главным образом российскими официальными документами (в частности, материалами Государственной комиссии по созданию Министерства обороны, армии и флота России, сформированной решением Б.Н. Ельцина от 4 апреля 1992 г.), на основе которых китайские авторы анализировали новые тенденции в российской военной политике. С развитием интернета китайские эксперты начали использовать большое количество различных зарубежных баз данных, содержащих информацию по рассматриваемой тематике (например, СИПРИ³). На данном этапе было опубликовано относительно немного работ (прежде всего следует отметить исследование Чэнь Цзяньмина, Ли Шуинь, Цзя Боюя под названием «Боль превращения» [Чэнь Цзяньминь и др., 2007]).

Особое внимание уделялось особенностям переоценки российским руководством военных угроз после обретения независимости. В частности, отмечалось: поскольку в то время Россия сделала ставку на быстрое сближение с Западом, в «Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» 1993 г. было зафиксировано, что Россия «не относится ни к одному государству как к своему противнику», а НАТО вообще не упоминалась [Ли Дапэн, Ван Чжэнь, 2012]⁴.

Китайские авторы отмечали, что главными задачами, на решение которых были направлены реформы на данном этапе, стали вывод войск с территории других государств, сокращение численности армии и ее внутренняя реорганизация. При этом обращалось внимание на противоречивость и рассогласованность этой политики: руководство России, раздираемое борьбой группировок, не могло определиться с приоритетами и выделить ресурсы, необходимые для успешного проведения реформ [Линь Сяогуан, 2000].

Призывы к глубокому реформированию, профессионализации армии, обновлению институтов Министерства обороны, повышению боеготовности встречали сопротивление со стороны экономиче-

³ Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (СИПРИ; Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI).

⁴ Ли Жуйцин. Мяньюй сифан вэйчжуйдучзе, дули хоу злосы гоцзя аньцюань чжаньлюэ дэ сыцы бяньцян [Четыре изменения в стратегии национальной безопасности России после обретения независимости перед западной блокадой] // CWZG. 11.05.2017. Доступ: <http://www.cwzg.cn/theory/201705/35905.html> (дата обращения: 05.08.2020). (На кит. яз.)

ских ведомств правительства. Вместе с тем оказались неудачными попытки превращения военного ведомства в гражданский орган с передачей всех функций по управлению войсками Генеральному штабу. В целом военные реформы стали предметом ожесточенной аппаратной борьбы [Чэнь Цзяньминь и др., 2007].

Это привело к тому, что масштабное институциональное реформирование российской армии было отложено. Правительство решило сосредоточить свои усилия на выводе войск и сокращении численности Вооруженных Сил. С точки зрения китайских ученых, Россия смогла в тот период сократить численность войск и передислоцировать свои силы из зарубежных государств на свою территорию, однако реорганизация в соответствии с новыми условиями была провалена. Причину этого китайские эксперты усматривают прежде всего в объективных особенностях внутри- и внешнеполитического положения России в тот период. Распад Советского Союза привел к экономическому упадку, весь бюрократический аппарат находился в состоянии хаоса. В таких условиях удивительным было то, что государство вообще могло поддерживать нормальное функционирование Вооруженных Сил. Несмотря на неудачи реформ, по китайским оценкам, сохранялся значительный боевой потенциал сил общего назначения и стратегических ядерных сил [Чэнь Цзяньминь и др., 2007].

Реформы 1997–1999 гг.

Начало нового этапа реформ связывают с деятельностью министра обороны И.Н. Родионова, занимавшего этот пост в июле 1996 — мае 1997 г. Однако в связи с его быстрой отставкой китайские авторы склонны называть эти реформы именем его преемника на посту министра обороны — И.Д. Сергеева [Линь Сяогуан, 2000].

Военные реформы И.Д. Сергеева (1997–1999) спровоцировали первый значительный всплеск интереса китайских исследователей к данной проблематике.

Говоря об этом периоде, китайские эксперты отмечают прежде всего то, что у правительства и руководства ВС РФ было совершенно разное восприятие внешних угроз безопасности. В кабинете министров продолжала доминировать точка зрения об отсутствии серьезных внешних вызовов, преобладали сторонники сокраще-

ния военных расходов и проведения исключительно структурных реформ. Военное руководство уже в то время считало, что Россия сталкивается с серьезными внешними угрозами, среди которых особое беспокойство вызывали расширение НАТО на восток и рост геополитических амбиций США [Чэнь Сюэжуэй, 2002].

Попытки руководства Вооруженных Сил добиться увеличения финансирования армии и, как следствие, ожесточенная борьба с правительством привели к отставке министра обороны И.Н. Родионова и начальника Генерального штаба В.Н. Самсонова [Линь Сяогуан, 2000].

Их сменили И.Д. Сергеев и А.В. Квашнин, сосредоточившиеся на сокращении численности войск, которая благодаря их усилиям уменьшилась с 1,8 до 1,2 млн человек к концу 1990-х годов. Ориентиром стал уровень в 1% населения страны, количество военных округов сократилось с 8 до 6, было реорганизовано Управление главнокомандующего Сухопутными войсками, объединены Войска противовоздушной обороны (ПВО) и Военно-воздушные силы (ВВС). В результате структура ВС РФ из пятивидовой стала четырехвидовой: Сухопутные войска (СВ), Военно-морской флот (ВМФ), Военно-воздушные силы (ВВС) и Ракетные войска стратегического назначения (РВСН) [Линь Сяогуан, 2000].

В тот период большинство китайских статей по теме военных преобразований в России были опубликованы в журналах по специальности «международные отношения» или «региональные исследования», таких как «Сиболия яньцзю» («Сибирские исследования») и «Гоцзи чжаньван» («Международное обозрение»). Авторами публикаций в основном выступали академические ученые. В этом отношении бросается в глаза крайне незначительное число военных экспертов, которые проводили бы исследования на эту тему (в основном из Академии военных наук Народно-освободительной армии Китая (АВН НОАК) и Нанкинского института международных отношений НОАК). Одним из возможных объяснений этого факта является изначально крайне скептическое отношение китайских экспертов к данным преобразованиям. Китай был более склонен учиться на успешных примерах.

При этом можно заметить разницу во взглядах и оценках военных и гражданских специалистов. Академические исследователи рассматривали российские военные реформы в общем. При оценке их

результатов они часто использовали различные подходы в рамках теории управления. На этом основании они, как, например, профессор Центральной партийной школы Линь Сяогуан, делали вывод о том, что структурные изменения в ВС РФ повысили их оперативную эффективность [Линь Сяогуан, 2000].

Военные же эксперты критиковали реструктуризацию Вооруженных Сил с точки зрения военной логики. Так, Чэнь Сюэхуэй, эксперт АВН НОАК, отметил, что слияние ПВО с ВВС может вызвать новые проблемы, поскольку их системы управления несовместимы, а значит, это чревато большими трудностями в командовании войсками [Чэнь Сюэхуэй, 2002].

В целом можно констатировать, что китайские академические исследователи демонстрировали достаточно ограниченное понимание организации и структуры российских ВС, поэтому не могли проводить углубленный анализ результатов реформ.

Военные эксперты и академические ученые сходились в том, что внутренние трудности с продвижением реформ были в основном связаны с ограниченным потенциалом российской экономики, невозможностью сохранения военных расходов на уровне советского времени. Кроме того, на подходы к реформированию ВС значительное влияние оказал неудачный ход Первой чеченской войны 1994–1996 гг. [Чэнь Сюэхуэй, 2002].

В качестве ключевых внешних факторов, влиявших на реформы, китайские авторы называли первый этап расширения НАТО на восток и военный конфликт в Косово 1999 г. После Косовской войны геополитическая и военно-стратегическая обстановка, с которой столкнулась Россия, существенно изменилась. Проявилось значительное ослабление позиций РФ на международной арене, и это пришлось признать даже тогдашнему российскому руководству. Эти факторы имели отрезвляющий эффект, в результате реформированию армии стало уделяться больше внимания [Чжан Вэньжу, 1999].

В целом реформы И.Д. Сергеева и А.В. Квашнина оцениваются китайскими экспертами как слишком сфокусированные на удовлетворении пожеланий президента Б.Н. Ельцина без учета реального внутреннего и международного положения России.

Кроме того, отмечается, что министр обороны сам проходил службу в РВСН, поэтому выбрал в качестве приоритетного направления реформ развитие этих войск, со структурой и особенностями

которых он был хорошо знаком. Это привело к тому, что потенциал обычных ВС был еще больше ослаблен [Чэнь Цзяньминь и др., 2007]. В итоге проведенные им преобразования оцениваются китайскими авторами скорее негативно. И в целом реформы эпохи Б.Н. Ельцина рассматриваются как запоздалые и не слишком удачные, в основном из-за острых конфликтов и противоречий между президентом и военным руководством страны [Тан Шицян, 2002].

Реформы 2001–2004 гг.

Последующий этап военных преобразований в России вызвал повышенный интерес именно со стороны военных экспертов КНР. Помимо ученых из научно-исследовательских институтов, традиционно занимавшихся данной проблематикой, таких как АВН НОАК и Нанкинский институт международных отношений, в разработку этой темы включились военные эксперты из других военно-учебных заведений Китая, в частности Военно-морского командного училища. В то же время наблюдалось относительное снижение активности академических исследователей. Это можно объяснить общим улучшением отношений двух стран: расширилась область сотрудничества, и гражданские эксперты переключились на те вопросы, которые вышли на первый план повестки двусторонних отношений и по которым проще было найти информацию (политика, экономика, культура).

В 2000 г. В.В. Путин был официально избран на пост президента России. Примерно в это время оформилась новая система взглядов российского руководства на международную ситуацию и угрозы национальной безопасности страны.

В Концепции национальной безопасности РФ 2000 г. среди ключевых внешних угроз безопасности, с которыми сталкивается Россия, были выделены следующие: стремление отдельных субъектов международных отношений к односторонним действиям и гегемонизму; опасность ослабления политического, экономического и военного влияния России в мире; укрепление военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширение НАТО на восток; возможность появления в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и крупных воинских контингентов; распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки; возникновение и эскалация конфликтов вблизи государ-

ственной границы РФ и внешних границ участников Содружества Независимых Государств⁵.

Подобная переоценка российским военно-политическим руководством внешних вызовов и угроз, задавшая направление новому этапу военных реформ в России, по-разному объясняется китайскими исследователями.

Военные эксперты АВН НОАК Чэнь Сюэхуэй и Лю Чжицин в качестве основной причины нового витка российских военных реформ рассматривают расширение НАТО на восток [Чэнь Сюэхуэй, 2002; Лю Чжицин, 2002]. С точки зрения других авторов, рост российской военной активности был вызван сочетанием расширения НАТО и реакции на Косовскую войну [Чжан Вэньжу, 1999].

В свою очередь военный эксперт АВН НОАК Ван Синьцзюнь считал, что между Россией и западными странами нет фундаментальных конфликтов и противоречий, наоборот, после терактов 11 сентября 2001 г. Москва вновь встала на путь сближения с США и Евросоюзом для совместной борьбы с терроризмом [Ван Синьцзюнь, 2004]. Цзян И, специалист по международным отношениям АОН КНР, разделял эту точку зрения. В частности, он указывал, что Россия стала в тот период переключать внимание с проблем подготовки к традиционной войне на миротворчество и противодействие терроризму [Цзян И, 2005].

Что касается внутренних факторов реформ, то военные эксперты [Чэнь Сюэхуэй, 2002; У Цижун, 2001; Лю Чжицин, 2002] полагали, что в их проведении ключевую роль сыграла Вторая чеченская война. Несмотря на успех кампании, по мнению таких военных экспертов, как У Ифу и Фэн Сяобин, она наглядно продемонстрировала неэффективность реформ министра обороны И.Д. Сергеева. Это выразилось, в частности, в неудовлетворительном техническом оснащении войск, слабости ВВС и общей невысокой боеспособности [У Ифу, Фэн Сяобин, 2006].

Кроме того, исследователи из АВН НОАК Чэнь Боцзян и Яо Юньчжу отметили, что гибель подводной лодки К-141 «Курск» и ее экипажа также стала важной причиной реформ. Эта катастрофа, выявившая плачевное состояние спасательного оборудования и

⁵ О Концепции национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. 12.05.2009. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927/page/1> (дата обращения: 09.04.2020).

техники, произвела сильное впечатление как на военных, так и на гражданское население. Пришло понимание того, что хроническая нехватка необходимых средств привела к серьезному падению военной мощи ВС РФ и прежняя модель их развития себя полностью исчерпала. Нужно было менять всю стратегию [Чэнь Боцзян, Чжаочу, 2000].

При рассмотрении реформ в период пребывания С.Б. Иванова в главе военного ведомства (2001–2004) китайские авторы не уделяли значительного внимания собственным взглядам министра, считая его лишь исполнителем установок, исходивших непосредственно от российского президента [Чэнь Сюэжуэй, 2002].

Все его значимые шаги, по мнению китайских экспертов, были инициированы самим В.В. Путиным. В качестве важных новшеств рассматривались сами факты назначений С.Б. Иванова министром и Л.К. Куделиной заместителем министра обороны (оба — гражданские лица без опыта службы в ВС). Это оценивалось как шаг к началу крупных изменений в системе управления министерством [Чэнь Цзяньминь и др., 2007].

В июне 2004 г. Госдума приняла в третьем чтении изменения в Федеральный закон «Об обороне»⁶. Согласно документу министр управляет Вооруженными Силами через Министерство обороны. Таким образом, Генштаб был лишен этих полномочий — теперь все руководящие функции переходили к Минобороны⁷. Статус этого ведомства еще более укрепился, и министр обороны стал ключевой фигурой в системе управления ВС [Цзян И, 2005].

Эти реформы, как и предыдущие, изменили структуру армии. В 2001 г. РВСН были преобразованы из вида ВС в два самостоятельных рода войск: Ракетные войска стратегического назначения и Космические войска (КВ). К этому моменту была сформирована структура ВС РФ из трех видов войск (СВ, ВМФ, ВВС) и трех отдельных родов войск (РВСН, КВ, Воздушно-десантные войска (ВДВ)).

Что касается Сухопутных войск, то было восстановлено Главное командование СВ, ликвидированное во время реформ И.Д. Сергеева.

⁶ Там же; Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (с изм. от 27 декабря 2019 г.) // Консорциум «Кодекс». 27.09.2019. Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/9020348> (дата обращения: 09.04.2020).

⁷ Аксенов П. Генштаб превращается в НИИ обороны // Lenta. 12.06.2004. Доступ: <https://lenta.ru/articles/2004/06/12/genshtab/> (дата обращения: 09.04.2020).

Забайкальский и Уральский военные округа были слиты воедино. Созданы постоянные мобильные группы войск.

Продолжались мероприятия по сокращению численности армии — с 1,2 до 0,85 млн человек. Эти меры в основном были ориентированы на небоевые части.

Новый этап российский военных преобразований получил гораздо более позитивные оценки со стороны китайских исследователей. Прежде всего отмечалось резкое увеличение военных расходов по сравнению с двумя предыдущими периодами, что создавало предпосылки для успешного завершения реформ [Цзян И, 2005; Чжан Гуанлинь, Чжан Хуэй, 2007]. В то же время ряд экспертов [Лю Чжицин, 2002; Сунь Жунчжун, Ван Цян, 2001; Чэнь Боцзян, Чжаочу, 2000] указывали, что выделяемых средств по-прежнему недостаточно для удовлетворения всех потребностей российских ВС.

По мнению военного эксперта Чэнь Сюэхуэя, на этот раз правительство представило более сбалансированную смету военных расходов, избежав чрезмерного перекаса в сторону ядерных сил. Уделялось больше внимания силам постоянной готовности, были значительно увеличены бюджет и расходы на обычные вооружения. Военные расходы России продолжали увеличиваться в течение всего этого периода, и значительная часть средств была использована для закупки нового оружия и техники [Чэнь Сюэхуэй, 2002].

Еще одним направлением преобразований, которое привлекло повышенное внимание китайских исследователей, стало изменение системы военной службы. В 2001 г. В.В. Путин заявил, что постепенно будет осуществлен переход с обязательной службы к службе по контракту⁸. В оценках этих преобразований мнения китайских исследователей разделились. У Ифу и Фэн Сяобин считали, что реформы могут повысить качество подготовки личного состава и мотивированность солдат [У Ифу, Фэн Сяобин, 2006]. Это мнение разделял и Ван Синьцзюнь, более того, он подчеркивал неотложность решения данного вопроса [Ван Синьцзюнь, 2004]. В то же время Лю Чжицин отмечал, что подобное реформирование системы военной службы требует огромных средств, а отмена всеобщей

⁸ На встрече в Кремле обсуждались вопросы военной реформы и ситуация на мировых рынках // Первый канал. 21.11.2001. Доступ: https://yandex.ru/turbo/1tv.ru/s/news/2001-11-21/271961-na_vstreche_v_kremle_obsuzhdalis_voprosy_voennoy_reformy_i_situatsiya_na_mirovyh_rynkah (дата обращения: 02.04.2020).

воинской повинности займет очень много времени [Лю Чжицин, 2002].

Кроме того, отмечалось стремление авторов нового этапа реформ избегать дублирования функций, эффективно использовать бюджетные средства. В частности, китайские исследователи указывали на реформу системы материально-технического обеспечения ВС, призванную создать единую организацию логистического управления [Гу Цзюнь, 2009].

По оценкам Сунь Жунчжуня, Ван Цяня [Сунь Жунчжун, Ван Цян, 2001] и Лю Чжициня [Лю Чжицин, 2002], благодаря массовому сокращению избыточного персонала повысилась эффективность работы и в конце концов была создана единая для всех родов войск система материально-технического обеспечения.

Вместе с тем, с точки зрения китайских специалистов, этот этап реформ остался незавершенным и по-прежнему во многом сводился к сокращению численности, а не к глубоким институциональным изменениям [Тан Шисян, Яо Сяоцзюнь, 2009].

Реформы 2008–2020 гг.

Реформы 2008–2020 гг. вызвали еще больший интерес в Китае. С ними связан пик публикационной активности по данной тематике, достигнутый в 2009 г. (10 публикаций за год). Наибольшую активность по-прежнему проявляли прежде всего военные специалисты, особенно эксперты Академии национальной обороны НОАК и Оборонного научно-технического университета НОАК. Однако после 2010 г. возобновился рост интереса к этой проблематике и со стороны академических исследователей. В частности, выросло количество защищенных по этой теме диссертаций. При этом произошла активная переоценка предыдущих этапов преобразований. И если первые две волны по-прежнему оцениваются скорее негативно (их называют «этапом проб и ошибок», «тяжелым поиском», «лавиной» [Гу Цзюнь, 2009; Ян Юйцай, 2017; Ли Дагуан, 2015]), то в отношении реформ 2001–2004 гг. отмечается, что они действительно «имели определенный эффект» [Гу Цзюнь, 2009].

В 2008 г., после того как Д.А. Медведев официально принял пост президента и назначил В.В. Путина премьер-министром, начался так называемый период тандема. За предыдущие 8 лет российская экономика укрепилась, и, даже несмотря на последствия кризиса

2008–2009 гг., ситуация оставалась в целом благоприятной. Это создавало основы для нового витка военных реформ [Чжань Айчэнь, 2013].

Большинство китайских военных экспертов [Ван Лян, 2008; Ма Цзяньгуан, Чжанмин, 2009; Ма Цзяньгуан, Сунь Цяньцзе, 2016; Тан Шисян, Яо Сяоцзюнь, 2009; Ян Юйцай, 2017; Чэнь Юнган, 2009; Лин Хунъи, 2009] считают, что важнейшим внешним импульсом для новой волны реформ стал пятидневный вооруженный конфликт в Южной Осетии между Россией и Грузией, начавшийся 8 августа 2008 г. Хотя эта война завершилась победой российской армии, тщательный анализ хода боевых действий выявил большое количество проблем.

Во-первых, из-за сокращения численности войск и реорганизации несения службы на предыдущем этапе реформ менее 20% всех частей ВС могли выполнять боевые задачи. Остальные силы относились к соединениям сокращенного состава, не укомплектованным личным составом и техникой [Ма Цзяньгуан, Чжанмин, 2009].

Во-вторых, китайские эксперты отмечали глубокое отставание российских ВС в сфере внедрения современных информационных технологий. На вооружении преобладали устаревшие советские образцы оружия и военной техники, при этом отставание в информационной сфере не позволяло российским военным подавлять грузинские каналы связи, атаковать центры управления грузинскими войсками [Ван Сяоцзюнь, 2011]. Как следствие, эта локальная война заставила российскую армию в полной мере осознать важность высокотехнологичного оружия и боевых систем в современных условиях [Чжань Айчэнь, 2013].

Что касается внутренних факторов, то основное внимание китайские эксперты уделяют экономическим причинам. Так, Тан Шисян, Яо Сяоцзюнь [Тан Шисян, Яо Сяоцзюнь, 2009] и Чэнь Юнган [Чэнь Юнган, 2009] считают, что за 8 лет правления В.В. Путина экономическая и общая национальная мощь России значительно окрепли и это обеспечило прочную экономическую основу для военных реформ.

В то же время В.В. Путин был намерен ускорить техническую модернизацию ВС и был не удовлетворен тем, как Министерство обороны управляло военными расходами. В этой связи для управления и контроля над оборонным бюджетом было решено сделать ставку

на чиновников, хорошо подготовленных по экономическим вопросам. Всё это привело к назначению министром обороны РФ сначала руководителя Федеральной налоговой службы А.Э. Сердюкова, а после его отставки в связи с коррупционным скандалом — бывшего главы Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) С.К. Шойгу [Чэнь Сяньлян, 2007]. Как отмечают китайские эксперты, последний в целом продолжил развивать те же преобразования, которые были инициированы при А.Э. Сердюкове [Ян Юйцай, 2017].

В центре внимания снова оказались вопросы оптимизации системы управления, численности ВС и перевооружения [Пэн Япин, Ван Лян, 2009]. Во-первых, Россия перешла от четырехзвенного принципа управления ВС (военный округ — армия — дивизия — полк), унаследованного с советских времен, к трехзвенной системе (военный округ — армия — бригада). Во-вторых, количество военных округов уменьшилось с 6 до 4 (Центральный, Западный, Восточный и Южный). Управленческая структура российских ВС стала напоминать систему стратегических командований, принятых в НАТО и США [Ли Дапэн, Ван Чжэнь, 2012]. Командования видов ВС были исключены из командной цепочки и сосредоточены на развитии подведомственных войск, обновлении оборудования, боевой подготовке. Функции управления войсками были переданы военным округам. Авиация была сосредоточена в Воздушно-космических силах (ВКС). Сформированы авиабазы и бригады ВКС.

Все части и соединения армии получили статус сил постоянной готовности, при этом демонтировалась инфраструктура старой мобилизационной армии. Численность личного состава сократилась с 1,13 до 1 млн человек, что было достигнуто главным образом за счет офицерского состава, причем прежде всего это коснулось кадрованных частей и соединений. Уменьшилось число генералов и старших офицеров, число младших офицеров выросло на 50 тыс. человек [Ли Дапэн, 2015].

Китайские военные эксперты разделились во мнениях при оценке этой структурной реформы. Некоторые считают, что в этой части преобразований есть серьезные проблемы. Например, Ян Мин [Ян Мин, 2016] и Лин Хунъи [Лин Хунъи, 2009] указывают, что сокра-

щение более половины офицеров в командной организации напрямую повлияло на повседневную работу. Более того, отмена звания прапорщика привела к потере квалифицированных кадров в частях. Пэн Япин и Ван Лян провели анализ реакции российских СМИ на данные преобразования и на этой основе пришли к заключению, что указанная реформа проводилась без надлежащей подготовки и планирования [Пэн Япин, Ван Лян, 2009]. Следует отметить, что подобные критические оценки сопровождали лишь ранний этап реформы. В более поздних публикациях эти меры были оценены китайскими экспертами [Ли Дагуан, 2015; Ма Цзяньгуан, Чжанмин, 2009; Ян Юйцай, 2017] в целом положительно. Исследователи обращают внимание на то, что реформа была направлена на придание российским ВС дополнительных возможностей по проведению межвидовых операций на театрах военных действий и на общее повышение боеспособности. Отмеченные преобразования ведут к глубоким структурным изменениям в российских ВС, включая обновление кадрового состава, изменения в кадровой политике и организационной структуре. Эти оценки повторяются и в исследованиях, опубликованных после 2015 г. и оценивающих действия российской армии во время «украинского кризиса» и военной операции в Сирии [Ян Юйцай, 2017; Ма Цзяньгуан, Сунь Цяньцзе, 2016]. В этих работах, в частности, отмечается, что ВС РФ в основном завершили успешный переход от «массовой» традиционной армии к «эффективной» новой армии. Сирийская кампания считается «первой настоящей высокотехнологичной войной России» [Ма Цзяньгуан, Сунь Цяньцзе, 2016: 45]. В целом китайские авторы положительно оценили быстрые темпы перевооружения ВС и ускоренное поступление в войска высокоточного оружия [Ли Дагуан, 2015].

Конечно, китайские эксперты не обошли вниманием и трудности, с которыми столкнулась новая реформа. В первую очередь отмечаются проблемы экономического характера. В 2008 г. Россия вступила в экономический кризис, который грозил привести к новым осложнениям. К экономическим проблемам добавлялись социальные, связанные с трудоустройством офицеров, уволенных в рамках сокращений. Как отмечают ряд китайских исследователей [Ван Лян, 2008; Чэнь Юнган, 2009; Лин Хунъи, 2009; Ян Юйцай, 2017], недоучет этих факторов мог привести к тому, что реформы натолкнулись бы на растущее сопротивление большинства офицеров и солдат и это

было бы чревато ростом социальной нестабильности и серьезным ослаблением общей боеспособности российской армии.

Вместе с тем Ма Цзяньгуан обратил внимание на сильнейшее сопротивление реформам А.Э. Сердюкова со стороны части российского генералитета, недовольного сокращением численности войск. По мнению ученого, острой проблемой для ВС РФ остаются коррупция и рост уголовной преступности в войсках. Коррупцию, прогрессирующую на фоне увеличения военных расходов, китайские авторы называли главной угрозой для реформ. При этом в качестве подтверждения высокого уровня коррупции рассматривалась отставка самого А.Э. Сердюкова [Ма Цзяньгуан, Чжанмин, 2009].

В целом китайские эксперты склонны оценивать российские военные реформы 2000–2010-х годов скорее в позитивном ключе, особенно в сравнении с реформами 1990-х годов. Отмечается, что в результате преобразований боевой потенциал российских ВС значительно вырос. Основные задачи, ставившиеся в начале «сердюковских реформ», в том числе повышение уровня боеготовности, техническое перевооружение, изменение системы боевой подготовки и кадровой политики, улучшение системы социального обеспечения военнослужащих, в основном были выполнены. В связи с этим опыт российской военной реформы рассматривался как позитивный и полезный для Китая [Ян Юйцай, 2017].

Дальнейшие перспективы российских военных реформ оцениваются главным образом в контексте состояния российской экономики и внутривнутриполитической ситуации. Предполагается, что новые волны кризиса могут привести к обострению межведомственной конкуренции и усилению дискуссий в российских политических кругах о приоритетных направлениях расходования государственных средств [Ма Цзяньгуан, Сунь Цяньцзе, 2016].

Основные выводы из российского опыта военных реформ

За последние годы в КНР выполнено значительное количество научных исследований по проблеме российских военных реформ. Ученые по-разному комментировали военные преобразования в России на разных этапах. В целом реформы 1990-х годов считались относительно неудачными, новая же их волна, начатая в 2008 г., оценивается, напротив, скорее положительно.

Основные выводы, к которым приходят китайские исследователи, исходя из изучения российского опыта проведения военных реформ, можно суммировать следующим образом.

1. Российский опыт свидетельствует прежде всего о важности четкого понимания руководством страны нового характера внешних и внутренних угроз и международной ситуации. Отсутствие такого понимания на раннем этапе российских военных реформ в 1990-е годы привело к тому, что они застопорились в решающий момент. В этот период российское военно-политическое руководство так и не смогло сформировать единую систему взглядов относительно приоритетов реформ, в частности найти баланс между развитием стратегических ядерных сил и сил общего назначения [Гу Цзюнь, 2009]. Осознание этих ошибок пришло уже в начале XXI в., что привело к существенному изменению подходов к проведению военных реформ. Важным внешним стимулом стало быстрое ухудшение отношений со странами Запада, прежде всего с США. Как отмечает проректор Института российских исследований Университета Цинхуа У Дахуэй в статье, опубликованной китайской газетой «Хуаньцю шибао», «Россия уже готова к военным конфликтам с США и Европой и к полному разрыву отношений». Эта жесткая реакция, которая стала ответом на давление, оказываемое Вашингтоном и Брюсселем на Москву, резко контрастирует с ситуацией, наблюдавшейся в 90-е годы прошлого века⁹.

2. На раннем этапе реформ негативную роль сыграли проблемы в развитии российской военно-теоретической мысли. В результате не сложилось достаточно четкого понимания характера и облика современной войны. Китайские авторы отмечают, что многие российские военные руководители того времени лоббировали интересы тех видов ВС и родов войск, с которыми были связаны лично (например, министр обороны П.С. Грачёв — интересы ВДВ, И.Д. Сергеев — РВСН и т.д.). Долгое время не уделялось должного внимания информационным аспектам войны, а также высокоточному оружию. Вместе с тем в последующем министры обороны с гражданским бэкграундом «относились к родам войск как к отделам в компании» [Ма Цзяньгуан, Чжанмин, 2009: 80],

⁹ У Дахуэй. Мэйэ гуаньси куажу ‘Хэйчжаншикэ’ [В российско-американских отношениях начались тяжелые времена] // huanqiu.com. 22.04.2021. Доступ: <https://opinion.huanqiu.com/article/42omkJzbeMn> (дата обращения: 12.05.2021). (На кит. яз.)

что выразилось, в частности, в полном игнорировании вопросов идеологического воспитания в некоторые периоды военного строительства. Последнее обстоятельство, по мнению китайских авторов, подтолкнуло российские власти к тому, чтобы на определенном этапе допустить в армию священнослужителей. При этом многие реформы оцениваются как слишком поспешные, непродуманные и радикальные (например, сокращение военно-учебных заведений А.Э. Сердюковым, которое в последующем пришлось пересматривать) [Ян Мин, 2016].

3. В большинстве российских военных реформ заимствован западный опыт. Жесткое следование этому примеру неизбежно ведет к конфликтам между российской военной традицией и новой военной культурой. В качестве примера неудачных решений, продиктованных этой логикой, которые в дальнейшем пришлось пересматривать, называется ликвидация дивизионного звена в Сухопутных войсках. С 2013 г. Россия начала воссоздавать ранее ликвидированные мотострелковые и танковые дивизии [Чжан Гуйфэнь, 2016].

4. История российских военных реформ, по мнению китайских авторов, наглядно подтверждает важность учета экономических факторов в военном строительстве. Затяжной спад российской экономики рассматривается в качестве основной причины неуспеха преобразований 1990-х годов. Напротив, масштабные и радикальные реформы 2000-х и 2010-х годов, проводившиеся на фоне гораздо более сильной экономики, можно оценивать как успешные [Ян Мин, 2016].

5. Наконец, большое внимание китайские эксперты уделяют вопросам обеспечения единого и сильного политического руководства преобразованиями в военной сфере. Все российские военные реформы затрагивали интересы разнообразных политических сил и групп и приводили к острой аппаратной борьбе. Учитывая такую ситуацию, те, кто принимает окончательное решение о реформах, должны, с одной стороны, иметь точные суждения и четкие цели и быть готовыми продвигать предлагаемые меры, с другой стороны, ясно понимать, чьи интересы могут быть затронуты очередной реформой, заранее предусматривать контрмеры для разрешения потенциальных конфликтов и минимизации различных бюрократических препятствий.

В целом китайские ученые обращают внимание прежде всего на такие аспекты российских военных реформ, как изменения в организационно-штатной структуре и системе управления, а также влияние произошедших преобразований на боеспособность ВС РФ. Изменения в системе комплектования вооруженных сил, а также в системе закупок вооружения и военной техники не вызывают такого интереса. Возможно, это связано с тем, что среди исследователей данной проблематики доминируют профессиональные военные, а также ученые-международники, оценивающие реформы прежде всего с точки зрения их влияния на баланс сил в мире. Российские военные реформы в целом рассматриваются как полезный практический опыт для развития НОАК и оказали определенное влияние на большие военные преобразования в КНР, стартовавшие в 2015–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Лян. Сеэрцзюкэфу цзюньши гайгэ пинси [Оценка реформы Сердюкова] // Вайго цзюньши сюэшу. 2008. № 11. С. 44–47. (На кит. яз.)
2. Ван Синьцзюнь. Элосы цзюньши аньцюань чжаньлюэ юй цзюньдуй цзяньшэ [Стратегия национальной безопасности и строительство Вооруженных Сил России] // Элосы яньцзю. 2004. № 3. С. 19–25. (На кит. яз.)
3. Ван Сяоцзюнь. Лэнчжань хоу элосы цзюньши чжаньлюэ яньцзю [Исследование по военной стратегии России после холодной войны]: Дисс. ... канд. юр. наук. Цзилинь, 2011. (На кит. яз.)
4. Гу Цзюнь. Люэлуньелосы цзюньши гайгэ цзи дуй воцзюнь дэ циши [Краткое обсуждение вопроса о российской военной реформе и опыт для нас] // Цзюньши лиши яньцзю. 2009. № 1. С. 172–203. (На кит. яз.)
5. Ли Дагуан. Элосы цзюньши гайгэ дэ цзофа, цзиньянь юй циши (Шан) [Меры, результаты и уроки российской военной реформы (Часть I)] // Чжунго цзинмао даокань. 2015. № 34. С. 81–83. (На кит. яз.)
6. Ли Дапэн. Синьэцзюнь гуаньча [Изучение новой армии России]. Пекин: Синьхуачубаньшэ, 2015. (На кит. яз.)
7. Ли Дапэн, Ван Чжэнь. Элосы сыдацзюньцюй дэ цзуцзянь цзи чжаньлюэ чжихуэй гайгэ [Формирование четырех военных округов в России и реформа стратегического командования] // Гофан кэцзи. 2012. Т. 33. № 6. С. 79–90. (На кит. яз.)
8. Лин Хунъи. Цзяньнань чжуаньшэнь Элосы эршиньянь цзюньши гайгэ личэн тоуши [Тяжело оглядываться назад: процесс двадцатилетних военных реформ в России] // Сяндай бинци. 2009. № 10. С. 10–17. (На кит. яз.)
9. Линь Сяогуан. Элосы дэ цзюньши гайгэ [Военная реформа в России] // Сиболия яньцзю. 2000. № 5. С. 28–34. (На кит. яз.)

10. Лю Чжицин. Люэлунь элосы цзюньши гайгэ [О военной реформе в России] // Ганьсу шэхуэй кэсюэ. 2002. № 6. С. 85–89. (На кит. яз.)

11. Ма Цзяньгуан, Сунь Цяньцзе. Дисаньцы «Дисяо чжаньлюэ» бэйцзин ся элосы цзюньши гайгэ фачжань таньси [Анализ российской военной реформы на фоне запуска «третьей стратегии компенсации»] // Сиболия яньцзю. 2016. Т. 43. № 6. С. 44–47. (На кит. яз.)

12. Ма Цзяньгуан, Чжанмин. Элосы цзюньши гайгэ жэньчжундаоюань — Гуаньчжу элосы цзюньши гайгэ синьдунсян [Впереди еще долгий путь — новые тенденции в российской военной реформе] // Гофан кэцзи. 2009. № 5. С. 77–81. (На кит. яз.)

13. Пэн Япин, Ван Лян. Элосы синьилунь цзюньши гайгэ пинси [О новом раунде военной реформы в России] // Элосы чжунъя дуноу яньцзю. 2009. № 5. С. 30–34. (На кит. яз.)

14. Сунь Жунчжун, Ван Цян. 21 шицзи елосы цзюньши гайгэ фачжань синьцюйши [Новые тенденции развития российской военной реформы в XXI веке] // Гофан кэцзи. 2001. № 7. С. 22–23. (На кит. яз.)

15. Сюэ Синго. Элосы гоцзя аньцюань чжаньлюэ дэ яньбянь [Эволюция стратегии национальной безопасности России] // Цзюньши лиши яньцзю. 2010. № 2. С. 96–100. (На кит. яз.)

16. Тан Шисян, Яо Сяоцзюнь. Цяньтань элосы дэ цзюньши гайгэ [О военной реформе в России] // Сибэй гунъе дасюэ сюэбао (Шэхуэйкэсюэбань). 2009. Т. 29. № 1. С. 89–91. (На кит. яз.)

17. Тан Шицян. Бяньхуа чжун дэ эляньбан хэчжаньлюэ [Меняющаяся ядерная стратегия РФ] // Гоцзи луньтань. 2002. № 1(4). С. 12–17. (На кит. яз.)

18. У Ифу, Фэн Сяобин. Эцзюньши гайгэ юй майсян хэфан [Куда идет российская военная реформа] // Гофан кэцзи. 2006. № 3. С. 40–43. (На кит. яз.)

19. У Хао. Сулянь цзети хоу элосы учжуан лилян дэ гайгэ юй цзяньшэ [Реформа и строительство российских вооруженных сил после распада Советского Союза]: Дисс. ... магистра ист. наук. Хэйлунцзян, 2010. (На кит. яз.)

20. У Цижун. Элосы цзюньши гайгэ синьдунсян [Новые тенденции российской военной реформы] // Сяньдай цзюньши. 2001. № 2. С. 46–48. (На кит. яз.)

21. Хэ Цисун. Элосы цзюньши хантянь: Лилунь, Сяньши, Гайгэ [Военно-космические силы России: теория, реальность, реформа] // Элосы яньцзю. 2017. № 2. С. 157–176. (На кит. яз.)

22. Цзинь Дэцай. Поуси елосы синьилунь цзюньши гайгэ цзихуа [Анализ нового раунда военной реформы в России] // Вайго цзюньши сюэшу. 2006. № 7. С. 59–63. (На кит. яз.)

23. Цзян И. Пуцзин дэ цзюньши гайгэ юй цянцзюнь цзихуа [Военная реформа Путина и план усиления армии] // Элосы чжунъя дуноу яньцзю. 2005. № 5. С. 69–75. (На кит. яз.)

24. Чжан Вэньжу. Шицзичжицзю дэ элосы цзюньши гайгэ [Военные реформы России на рубеже XXI века] // Сяньдай гоцзи гуаньси. 1999. № 12. С. 3–5. (На кит. яз.)

25. Чжан Гуанлинь, Чжан Хуэй. Тоуши элосы дэ цзюньши гайгэ [О военной реформе в России] // Гофан. 2007. № 9. С. 67–69. (На кит. яз.)

26. Чжан Гуйфэнь. Элосы «Синьяньмао» Цзюньши гайгэ яньцзю [О военной реформе «создания нового облика Вооруженных Сил». Пекин: Национальная оборона, 2016. (На кит. яз.)

27. Чжань Айчэнь. Мэйдэвэйцзефу шици «Чжунсуцзюньдуймяньмао» Цзюньши гайгэ цяньси [Анализ военной реформы «создания нового облика Вооруженных Сил» в период Медведева]: Дисс. ... магистра юр. наук. Цзилинь, 2013. (На кит. яз.)

28. Чэнь Боцзян, Чжаочу. Цайцзюнь: цзюньши гайгэ дэ шици чаолу [Разоружение: вековая тенденция военной реформы] // Гоцзи чжаньван. 2000. № 11. С. 18–21. (На кит. яз.)

29. Чэнь Сюэхуэй. Элосы цзюньши гайгэ яньцзю [Исследование российской военной реформы]: Дисс. ... канд. юр. наук. Пекин, 2002. (На кит. яз.)

30. Чэнь Сяньлян. Элосы синьжэнь гофан бучжан Э. Ай. Сеэрцзюкэфу [Новый министр обороны России А.Э. Сердюков] // Элосы чжунъя дуноу яньцзю. 2007. № 4. С. 88–90. (На кит. яз.)

31. Чэнь Цзяньминь, Ли Шуинь, Цзя Боюй. Туйбянь чжи тун: Цзяньнань чжуаньсин чжун дэ элосы цзюньдуй [Боль превращения: российская армия в годы тяжелого переходного периода]. Чунцин: Чунцин, 2007. (На кит. яз.)

32. Чэнь Чжэнь. Синьшици елосы цзюньши гайгэ яньцзю [Исследование по российской военной реформы в новом веке]: Дисс. ... магистра ист. наук. Хэйлунцзян, 2013. (На кит. яз.)

33. Чэнь Юнган. Элосы цзюньши гайгэ цзяньшу [Краткое введение в военную реформу в России] // Гоцзи цзыляо синьси. 2009. № 3. С. 1–4. (На кит. яз.)

34. Ян Мин. Шиси элосы цзюньши гайгэ дэ цзиньянь цзяосюнь [Анализ опыта и уроков военной реформы в России] // Сиань чжэньчжи сюэюань сюэбао. 2016. Т. 29. № 3. С. 127–128. (На кит. яз.)

35. Ян Юйцай. «Синьяньмао» Гайгэ илай эцзюнь дэ цзяньшэ юй фачжань [Строительство и развитие вооруженных сил РФ с момента реформы «нового облика»] // Элосы чжунъя дуноу яньцзю. 2017. № 5. С. 1–16. (На кит. яз.)

REFERENCES

1. Wang Liang. 2008. Xieerjiukefu jiushi gaige pingxi [Assessing Serdyukov's military reforms]. *Waiguo junshi xueshu*, no. 11, pp. 44–47. (In Chinese).
2. Wang Xinjun. 2004. Eluosi junshi anquan zhanlve yu jundui jianshe [Russia's military strategy and military capacity-building]. *Eluosi yanjiu*, no. 3, pp. 19–25. (In Chinese).
3. Wang Xiaojun. 2011. *Lengzhan hou eluosi junshi zhanlve yanjiu* [Study on the Russian military strategy in the post-Cold War era]. Jilin. (In Chinese).
4. Gu Jun. 2009. Lvelun eluosi junshi gaige ji dui wojun de qishi [Brief overview of the Russian military reform and its lessons for us]. *Junshi lishi yanjiu*, no. 1, pp. 172–203. (In Chinese).
5. Li Daguang. 2015. Eluosi junshi gaige de zuofa, jingyan yu qishi (shang) [Measures, implications and lessons from the Russian military reform]. *Zhongguo jingmao daokan*, no. 34, pp. 81–83. (In Chinese).
6. Li Dapeng. 2015. *Xin ejun guanचा* [Study of the new Russian army]. Beijing, Xinhua. (In Chinese).
7. Li Dapeng, Wang Zhen. 2012. Eluosi sidajunqu de zujian ji zhanlve zhihui gaige [Creation of the four military districts and the strategic command reform in Russia]. *Guofang keji*, vol. 33, no. 6, pp. 79–90. (In Chinese).
8. Ling Hongyi. 2009. Jiannan zhuan Shen eluosi ershinian junshi gaige licheng toushi [It is hard to look back: Twenty years of military reforms in Russia]. *Xiandai bingqi*, no. 10, pp. 10–17. (In Chinese).
9. Lin Xiaoguang. 2000. Eluosi de junshi gaige [Russia's military reform]. *Xiboliya yanjiu*, no. 5, pp. 28–34. (In Chinese).
10. Liu Zhiqing. 2002. Lvelun eluosi junshi gaige [On the military reform in Russia]. *Gansu shehui kexue*, no. 6, pp. 85–89. (In Chinese).
11. Ma Jianguang, Sun Qianjie. 2016. Disanci 'dixiao zhanlve' beijing xia eluosi junshi gaige fazhan tanxi [Analysis of the Russian military reforms in the context of the 'third offset strategy']. *Xiboliya yanjiu*, vol. 43, no. 6, pp. 44–47. (In Chinese).
12. Ma Jianguang, Zhang Ming. 2009. Eluosi junshi gaige renzhong daoyuan — guanzhu eluosi junshi gaige xindongxiang [Still a long way to go: New trends in the Russian military reform]. *Guofang keji*, no. 5, pp. 77–81. (In Chinese).
13. Peng Yaping, Wang Liang. 2009. Eluosi xinyilun junshi gaige pingxi [On the new round of military reforms in Russia]. *Eluosi zhongya dongou yanjiu*, no. 5, pp. 30–34. (In Chinese).
14. Sun Rongzhong, Wang Qiang. 2001. 21 shiji eluosi junshi gaige fazhan xinqushi [New trends in the Russian military reforms in the 21st century]. *Guofang keji*, no. 7, pp. 22–23. (In Chinese).

15. Xue Xingguo. 2010. Eluosi guojia anquan zhanlve de yanbian [Evolution of Russia's National Security Strategy]. *Junshi lishi yanjiu*, no. 2, pp. 96–100. (In Chinese).
16. Tang Shixiang, Yao Xiaojun. 2009. Qiantan eluosi de junshi gaige [On the Russian military reform]. *Xibei gongye daxue xuebao (shehui kexue ban)*, vol. 29, no. 1, pp. 89–91. (In Chinese).
17. Tang Shiqiang. 2002. Bianhua zhong de elianbang hezhanlve [The changing nuclear strategy of the Russian Federation]. *Guoji luntan*, vol. 4, no. 1, pp. 12–17. (In Chinese).
18. Wu Yifu, Feng Xiaobing. 2006. Ejunshi gaige yu maixiang hefang [Where is the Russian military reform heading?]. *Guofang keji*, no. 3, pp. 40–43. (In Chinese).
19. Yu Hao. 2010. *Sulian jieti hou eluosi wuzhuanglilang de gaige yu jianshe* [Reforms and development of the Russian armed forces after the collapse of the Soviet Union]. Heilongjiang. (In Chinese).
20. Wu Qirong. 2001. Eluosi junshi gaige xindongxiang [New trends in the Russian military reform]. *Xiandai Junshi*, no. 2, pp. 46–48. (In Chinese).
21. He Qisong. 2017. Eluosi junshi hangtian: lilun, xianshi, gaige [The Russian aerospace forces: Theory, reality, reform]. *Eluosi yanjiu*, no. 2, pp. 157–176. (In Chinese).
22. Jin Decai. 2006. Pouxu eluosi xinyilun junshi gaige jihua [Analysis of the new round of the Russian military reforms]. *Waiguo junshi xueshu*, no. 7, pp. 59–63. (In Chinese).
23. Jiang Yi. 2005. Pujing de junshi gaige yu qiangjun jihua [Putin's military reform and plan to strengthen the army]. *Eluosi zhongya dongou yanjiu*, no. 5, pp. 69–75. (In Chinese).
24. Zhang Wenru. 1999. Shiji zhi jiao de eluosi junshi gaige [Russian military reforms at the turn of the 21st century]. *Xiandai guoji guanxi*, no. 12, pp. 3–5. (In Chinese).
25. Zhang Guanglin, Zhang Hui. 2007. Toudi eluosi de junshi gaige [On the Russian military reform]. *Guofang*, no. 9, pp. 67–69. (In Chinese).
26. Zhang Guifen. 2016. *Eluosi 'xinmianmao' junshi gaige yanjiu* [The study on the Russian 'New look' military reform]. Beijing, National Defense University Press. (In Chinese).
27. Zhang Aichen. 2013. *Meideweijiefu shiqi chongsu jundui mianmao junshi gaige qianxi* [A brief analysis of the 'New look of the Armed Forces' military reform during the Medvedev presidency]. Jilin. (In Chinese).
28. Chen Bojiang, Zhao Chu. 2000. Caijun: Junshi Gaige de shiji chaolui [Disarmament: The age-old trend in military reform]. *Guoji zhanwang*, no. 11, pp. 18–21. (In Chinese).
29. Chen Xuehui. 2002. *Eluosi junshi gaige yanjiu* [Study on the Russian military reform]. Beijing. (In Chinese).

30. Chen Xianliang. 2007. Eluosi xinren guofang buzhang A Ai Xieerjiukefu [New Minister of Defense of the Russian Federation A.E. Serdyukov]. *Eluosi zhongya dongou yanjiu*, no. 4, pp. 88–90. (In Chinese).

31. Chen Jianmin, Li Shuyin, Jia Boyu. 2007. *Tuibian zhi tong: Jiannan zhuanxing zhong de eluosi jundui* [Painful transformation: The Russian army during the transition period]. Chongqing. (In Chinese).

32. Chen Zhen. 2013. *Xinshiji eluosi junshi gaige yanjiu* [Study on the Russian military reform in the new century]. Heilongjiang. (In Chinese).

33. Chen Yonggang. 2009. Eluosi junshi gaige jianshu [A brief introduction to the Russian military reform]. *Guoji ziliao xinxi*, no. 3, pp. 1–4. (In Chinese).

34. Yang Ming. 2016. Shixi eluosi junshi gaige de jingyan jiaoxun [Analysis of the implications and lessons of the Russian military reform]. *Xi'an zhengzhi xueyuan yuanbao*, vol. 29, no. 3, pp. 127–128. (In Chinese).

35. Yang Yucai. 2017. 'Xinmianmao' gaige yilai ejun de jianshe yu fazhan [Development of the Russian armed forces since 'New look' reform]. *Eluosi zhongya dongou yanjiu*, no. 5, pp. 1–16. (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 02.11.2020; одобрена после рецензирования 12.05.2021; принята к публикации 22.09.2021.

The paper was submitted 02.11.2020; approved after reviewing 12.05.2021; accepted for publication 22.09.2021.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-75-111

Научная статья / Research paper

А.Н. Королёв*

БАЛАНСЫ СИЛ, УГРОЗ И ИНТЕРЕСОВ: ЛОГИКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО СБЛИЖЕНИЯ КИТАЯ И РОССИИ В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

*Факультет социальных наук
Университета Нового Южного Уэльса
Сидней NSW 2052, Австралия*

Со времени распада СССР отношения между Китаем и Россией демонстрируют устойчивую позитивную динамику, по многим параметрам приближаясь к стратегическому союзу. При этом большинство попыток выявления причин этого сближения, как правило, ограничиваются указанием на продолжающееся ухудшение отношений этих стран с Западом, прежде всего США. Однако такой подход представляется недостаточным, поскольку не позволяет в полной мере выявить детерминанты российско-китайского сближения и оценить устойчивость данной тенденции. В представленной статье на основе современных разработок в теории формирования стратегических межгосударственных союзов предпринята попытка дать комплексную оценку причин формирования и эволюции отношений Российской Федерации и КНР, связав их с общей логикой развития системы международных отношений в постбиполярный период. Для этого автор предлагает опереться на эпистемологический потенциал трех основных подходов к объяснению причин формирования стратегических союзов, представленных концепциями «баланса сил», «баланса угроз» и «баланса интересов». При этом предлагается проанализировать российско-китайское взаимодействие не только с точки зрения изменений внутри каждого из этих балансов по отдельности, но и с позиции их взаимного переплетения и взаимного влияния. Подобный подход позволил показать, что после окончания холодной войны динамика изменений в рамках всех трех балансов объективно способствует более тесному стратегическому сотрудничеству Китая и России, в основе которого лежит комплекс представлений о США как главном источнике угроз национальной безопасности двух стран и о многополярности как оптимальном принципе

* *Королёв Александр Николаевич* — PhD, доцент факультета социальных наук Университета Нового Южного Уэльса, Сидней, Австралия (e-mail: a.korolev@unsw.edu.au).

организации системы международных отношений. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что как минимум в среднесрочной перспективе динамика и общее направление российско-китайских отношений в сторону укрепления двусторонней координации не только сохранятся, но и, с большой долей вероятности, получат новый импульс к оформлению в качестве полноценного союза.

Ключевые слова: российско-китайское стратегическое сотрудничество, Российская Федерация, КНР, Соединенные Штаты, стратегический союз, баланс сил, баланс угроз, баланс интересов, российско-американские отношения, китайско-американские отношения.

Для цитирования: Королёв А.Н. Балансы сил, угроз и интересов: логика стратегического сближения Китая и России в постбиполярный период // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 3. С. 75–111. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-75-111.

Alexander Korolev

**BALANCES OF POWER, THREAT, AND INTERESTS:
THE LOGIC BEHIND CHINA-RUSSIA
STRATEGIC ALIGNMENT
IN THE POST-COLD WAR PERIOD**

*School of Social Sciences,
University of New South Wales,
Sydney NSW 2052, Australia*

Since the collapse of the Soviet Union, China-Russia relations have demonstrated a significant and consistent progress on a number of issues advancing to the strategic alliance. However, the existing explanations of such progress have rarely gone beyond simple recognition of the continuous deterioration of relations between these countries and the West, particularly the United States. However, such explanations seem insufficient since they do not reveal the key determinants of the Russian-Chinese alignment and cannot help assess the sustainability of this trend. In order to provide a comprehensive and methodologically consistent assessment of the main drivers of the China-Russia relations within the framework of the post-Cold War international system evolution, this paper draws on the latest findings in the theory of international alliances. To this end,

the author harnesses the epistemological potential of the three main approaches to the root causes of interstate strategic alliances, namely the 'balance of power', the 'balance of threat' and the 'balance of interests'. The paper examines the Russian-Chinese cooperation both within the framework of each of these three balances separately and in their interrelatedness and interdependence. The author shows that trend towards a closer strategic cooperation between China and Russia in the post-Cold War period stemmed from the inner dynamics of all of these balances. This strategic alignment is based on a complex of shared views on the United States as the main source of threats for national security and the commitment of both states to the idea of a multipolar world. The author concludes that not only will the trend towards strengthening Russian-Chinese cooperation continue, at least in the medium term, but it can receive a new impetus to evolve into a full-fledged alliance.

Keywords: Russia-China strategic cooperation, the Russian Federation, the People's Republic of China, the United States, strategic alliance, balance of power, balance of threat, balance of interests, US-Russia relations, US-China relations.

About the author: *Alexander Korolev* — PhD, Senior Lecturer in Politics and International Relations, School of Social Sciences, University of New South Wales, Sydney, Australia (e-mail: a.korolev@unsw.edu.au).

For citation: Korolev A. 2021. Balances of power, threat, and interests: The logic behind China-Russia strategic alignment in the post-Cold War period. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 75–111. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-75-111. (In Russ.)

Со времени окончания холодной войны стратегическое сотрудничество Китая и России, несмотря ни на что, стабильно развивалось. Согласно официальным документам и заявлениям эти отношения прошли путь от «добрососедства» в начале 1990-х годов до «конструктивного сотрудничества» в конце того же десятилетия, затем — «всеобъемлющего стратегического партнерства» в 2001 г. и, наконец, «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» в 2012 г. [Korolev, Portyakov, 2018]. 5 июля 2019 г. Си Цзиньпин и Владимир Путин охарактеризовали взаимодействие двух стран как «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху», что подчеркивает последовательное укрепление российско-китайских контактов, их

устойчивость к внешним потрясениям и готовность обеих сторон отвечать на будущие вызовы¹.

Российско-китайское сотрудничество в военной области также существенно продвинулось за последние 10 лет, достигнув апогея в 2019 г. после заявления В. Путина о том, что Россия активно помогает Китаю создать систему дальнего радиолокационного обнаружения ракет². Система будет предоставлять сведения о траектории, скорости потенциальных приближающихся ракет, времени до цели и другую критическую информацию, необходимую для эффективного перехвата. Стратегические вооружения и особенно системы раннего предупреждения о ракетном нападении являются самым важным и сложным аспектом оборонного потенциала любой страны. Расширение российско-китайского сотрудничества в данной сфере открывает возможности для интеграции систем дальнего обнаружения двух стран и потенциально может привести к формированию политики совместной обороны. Если это случится, то военная интеграция Китая и России может, по некоторым оценкам, достичь уровня союзных отношений США с такими странами, как Франция и Великобритания³.

С учетом геополитических характеристик и военного потенциала Китая и России их возможный союз может иметь значительные мирополитические последствия. Западные аналитики всё больше признают серьезные вызовы, исходящие от крепнущего российско-китайского союза. Ряд ведущих американских экспертов и военных стратегов отмечают в недавнем специальном отчете для Конгресса, что американское военное превосходство «снизилось до опасного уровня», когда США «только с большим трудом смогут выиграть, а, возможно, и вообще проиграют войну против Китая или России», особенно если Вашингтон «будет вынужден сражаться на двух и более фронтах одновременно»⁴.

¹ China, Russia agree to upgrade relations for new era // Xinhua News Agency. 06.06.2019. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2019-06/06/c_138119879.htm (accessed: 17.12.2020).

² Нечаев А. Россия застрахует Китай от нападения США // Взгляд. 04.10.2019. Доступ: <https://vz.ru/world/2019/10/4/1001276.html> (дата обращения: 17.12.2020).

³ Kashin V. Tacit alliance: Russia and China take military partnership to new level // Moscow Carnegie Center. 22.10.2019. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/80136> (accessed: 17.12.2020).

⁴ Providing for the common defense. The assessments and recommendations of the National Defense Strategy Commission // National Defense Strategy Commission.

Несмотря на очевидную значимость для международной политики, постепенно выкристаллизовывающийся стратегический союз Китая и России остается дебатлируемым в академических кругах. Предлагаемые оценки того, кем страны являются друг для друга, разнятся в диапазоне от «союзников» до «соперников». К тому же нет единого мнения относительно основных движущих сил российско-китайского союза⁵. Ситуация усугубляется тем, что работы, посвященные российско-китайским контактам, как правило, оторваны от основных теорий международных отношений, а для мейнстримных западных теоретических исследований в свою очередь российско-китайское взаимодействие остается, хотя и необоснованно, лишь периферийным кейсом.

В некоторых недавних российских исследованиях предложен ряд интересных оценок перспектив российско-китайского союза [Киреева, 2019; Лукин, Кашин, 2019]. И всё же теоретическая проработка первопричин его формирования с опорой на западные теории в этой области видится недостаточной⁶. Как правило, указываются общие факторы, такие как «растущая напряженность в отношениях с США» в контексте меняющейся мирополитической системы и стремление России и Китая к многополярности [Лукин, Кашин, 2019: 150], «давление» со стороны Вашингтона на оба государства [Киреева, 2019: 87], а также «системный конфликт»⁷ Пекина и Москвы с заокеанским оппонентом. При этом не проводится эксплицитного развертывания логики функционирования базовых движущих сил российско-китайского стратегического сотрудничества. Там же, где есть анализ конкретных переменных, влияющих на динамику союзных отношений двух стран, основной акцент делается на модифицирующих факторах, определяющих вероятный *формат* таких отношений, а не на первопричинах двустороннего сближения [Киреева, 2019: 90].

13.11.2018. Available at: <https://www.usip.org/publications/2018/11/providing-common-defense> (accessed: 17.12.2020).

⁵ Более подробный анализ различных оценок и объяснений российско-китайского союза см.: [Королёв, 2019].

⁶ Справедливости ради следует признать, что такая проработка не всегда являлась основной целью этих исследований.

⁷ Кашин В.Б. Россия и Китай: союз или стратегическая неопределенность? // РСМД. 02.09.2019. Доступ: <https://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-soyuz-ili-strategicheskaya-neopredelennost/> (дата обращения: 29.03.2021).

Схожие тенденции наблюдаются и в недавних российских публикациях по общей тематике союзнических отношений между государствами. Так, рассматривалось влияние географических характеристик союзников (морские державы против континентальных) на их предпочтения в выборе стратегий союзничества (т.е. как государства формируют союзы), но не изначальные стимулы формирования союзов как формы балансирования (т.е. почему они их создают) [Истомин и др., 2018]. В работах, в которых всё же исследовались причины формирования союзов, как правило, уделялось внимание отдельным факторам, таким как угроза продвижения гегемоном (т.е. США) универсалистской идеологии [Istomin, 2019] или же его стремление сохранить свою глобальное лидерство [Истомин, Байков, 2020], при этом в качестве эмпирической базы в некоторых случаях использовался особый подтип союзов, как, например, асимметричные альянсы Соединенных Штатов [Истомин, Байков, 2020]. Подобные работы делают вклад в понимание отдельно взятых факторов союзничества, но, ставя иные задачи, не предлагают комплексного объяснения причин формирования союзов, основанного на интеграции ключевых теоретических положений в этой области в единую базовую модель.

Данная статья восполняет эти пробелы в эмпирических (посвященных российско-китайскому союзничеству) и теоретических исследованиях. Отвечая на вопрос, чем объяснить растущую интенсивность политического и военного сотрудничества Китая и России (ситуативная ли это реакция на ухудшение российско-западных отношений как следствие «украинского кризиса» или у нее более веские причины, заложенные в долгосрочных международных системных тенденциях), автор синтезирует и систематизирует существующие теоретические подходы к вопросу формирования стратегических союзов и предлагает новый теоретический подход — «трех балансов». Речь идет о рассмотрении в системной взаимосвязи трех подходов к концептуализации принципов развития международной среды, в частности формирования межгосударственных союзов. Во-первых, это классическая концепция «баланса сил», которая основана на структурном реализме Кеннета Уолтца [Waltz, 1979]. Во-вторых, теория «баланса угроз» Стивена Уолта [Walt, 1990], которая дополняет структурную теорию К. Уолтца. И, наконец, в-третьих, идея «баланса интересов» Рэндалла Швеллера [Schweller, 1998].

Все три баланса упоминаются в литературе по международным отношениям как важные детерминанты формирования стратегических союзов. Будучи, на первый взгляд, достаточно простыми объяснительными моделями, они имеют ряд нюансов, связанных с их применением для анализа конкретного сотрудничества, которые часто не получают должного внимания. Более того, предлагаемая здесь трехчастная модель предполагает необходимость выявления не только причинно-следственной логики, заложенной в механизм реализации каждого такого баланса по отдельности, но и того, как он сочетается с двумя остальными, генерируя каузальный импульс к формированию союза.

В первом разделе данной статьи излагается концепция «трех балансов» как факторов формирования стратегического союза и предлагаются пути ее инструментализации. Во втором разделе проводится эмпирический анализ российско-китайских отношений после холодной войны через призму данной концепции. Третий раздел включает выводы и предварительные оценки возможной траектории развития российско-китайского сотрудничества.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу, необходимо дать несколько концептуальных пояснений. В литературе нет единого понимания межгосударственных «союзов» [Wilkins, 2012: 54]. Работы в этой области насчитывают более 30 различных определений данного термина [Королёв, 2019]⁸. С. Уолт [Walt, 1990: 1] использует словосочетание «формальный альянс» наравне с «неформальным союзом», в то время как М. Уорд [Ward, 1982: 14] отмечает, что термины «союз», «объединение» и «коалиция» в литературе часто взаимозаменяются. При этом, по мнению Г. Снайдера [Snyder, 1991: 123], научные исследования не должны ограничиваться официально оформленными союзами, поскольку наиболее значимым и требующим понимания следует рассматривать более обширное явление стратегического сотрудничества, и официальный «союз» — это лишь его подвид и способ формализации. Союзнические отношения выражаются не в формальных договорах, а в реальных действиях [Ward, 1982: 7]. Более обоснованным и перспективным видится второе, расширительное понимание стратегического союза — то, что по-английски обозначается термином *alignment*, подразумевающим

⁸ Подробное освещение терминологической дискуссии вокруг понятия «союз» также см.: [Истомин, 2017].

тесное военно-политическое сотрудничество⁹. Такие союзы могут не иметь четко прописанных обязательств коллективной обороны, но их влияние на мировую политику от этого не становится менее значительным [Snyder, 1991; Ward, 1982; Wilkins, 2012]. В данном исследовании термин «союз» понимается именно в этом смысле. Такой подход также видится оправданным и в контексте последних российских работ, показавших отсутствие прямой зависимости между наличием формальных союзных договоров и фактическим военным сотрудничеством [Фомин и др., 2019].

Теоретическая основа: «три баланса» и формирование союзов

В качестве первого причинного фактора формирования союзов и отправной точки для последующего анализа выступает концепция «баланса сил». Она формирует базовый контекст, характеризует конфигурацию структуры распределения материальной силы между наиболее крупными государствами (полюсами мощи) международной системы [Waltz, 1979]. Полярность обеспечивает диспозиционное системное давление, структурирующее горизонты вероятных действий государств. Будучи мощными державами, Китай и Россия, как и США, занимают структурообразующие позиции в международной системе, что делает их особенно подверженными такому давлению.

После окончания холодной войны главной характеристикой международной системы стало абсолютное превосходство США в мировом балансе сил. К. Уолтц считал, что такая однополярность, как и любая другая, саморазрушительна и является всего лишь «геополитическим моментом», который неминуемо сменится многополярностью, потому что в условиях анархии государства неизбежно предпринимают попытки подрыва превосходства гегемона [Waltz, 2000]. Даже если последнему удастся проявлять сдержанность, другие страны всё равно склонны беспокоиться о своей безопасности в разбалансированной международной системе и, следовательно, попытаются объединиться с другими второстепенными государствами (т.е. совершить внешнее балансирование) в качестве одного из возможных способов повысить свою безопасность. Государства

⁹ Прямой перевод термина *alignment* видится проблематичным. Возможны такие варианты, как «сближение», «объединение» и «координация». При этом изобретение новых терминов не всегда способствует ясности анализа. Во избежание семантического коллапса вокруг термина *alignment* в данной статье используется термин «стратегический союз» в широком понимании с учетом упомянутых пояснений.

всегда объединяются против гегемона, даже если тот стремится сохранить свое превосходство посредством стратегии пряника, а не кнута, — просто потому, что однополярные системы, согласно структурной теории «баланса сил», неизбежно приводят к негативным геополитическим последствиям. Следовательно, системный стимул к формированию антигегемонистского союза порождается разбалансированностью системы, и создание такого союза является способом ее возврата к более симметричному состоянию.

Однако логика формирования союзов с позиции теории «баланса сил» менее линейна, чем может показаться на первый взгляд. Согласно «теориям отсутствия балансирования» [Korolev, 2018], ставшим популярными после окончания холодной войны, балансирующее поведение маловероятно из-за слишком большого отрыва США по многим показателям мощи, что делает любые союзы между потенциальными претендентами (включая Китай и Россию) бессмысленными. После завершения холодной войны разрыв между Соединенными Штатами и остальными государствами был настолько сильным, что ни у одной страны или группы стран не было достаточных материальных возможностей, чтобы бросить вызов абсолютному доминированию США. Эта разница в силе представлялась беспрецедентной и самоукрепляющейся, и она создала непреодолимый силовой порог, ставший одним из главных объяснений того, почему другие государства не формируют союзы, чтобы противостоять Вашингтону. Согласно данной интерпретации, даже если Россия и Китай не удовлетворены текущим однополярным порядком, их потенциал недостаточен, чтобы обеспечить эффективное балансирование посредством объединения своих возможностей в союз. С этой точки зрения любой антиамериканский союз становится бесполезным.

Таким образом, влияние системной полярности на формирование союзов является комплексным. В некотором смысле в нем действует «принцип Златовласки»: в то время как разбалансированность системы ведет к образованию союзов, избыточная концентрация силы на одном полюсе может предотвращать их образование. Другими словами, степень системного дисбаланса должна быть как раз в таком диапазоне, чтобы возникали стимулы для формирования союзов. Комплексная военная мощь потенциального союза должна быть способной сгенерировать как минимум какой-то эффект сдерживания [Benson, Clinton, 2016], когда суммарная мощь союза может повлиять

на внешнюю политику соперника [Morrow, 1994; Smith, 1995; Leeds, 2003; Yuen, 2009; Johnson, Leeds, 2011; Benson, 2012].

Согласно такому подходу эмпирические оценки баланса сил как фактора формирования союза требуют не только изучения распределения сил в международной системе с учетом позиции гегемона, но и ответа на вопрос, может ли военный потенциал гипотетического союза (в нашем случае российско-китайского) создать условия для эффективного балансирования и восстановить относительный баланс.

Вторая объяснительная модель формирования союзов — концепция «баланса угроз» — является развитием теории «баланса сил» [Walt, 1985]. В рамках этой концепции акцент делается на проблемах восприятия внешней угрозы потенциальными союзниками. Согласно С. Уолту внешние угрозы, а не просто структурное распределение мощи являются главной движущей силой стратегических союзов [Walt, 1985]. При этом именно *общие* угрозы играют особо важную роль в мотивировании государств к образованию союза. Ощущение государствами общей угрозы формирует «четкую согласованную цель», что создает мощный стимул для союза [Bennett, 1997: 852]. Б. Лай и Д. Рейтер также демонстрируют, что государства, сталкивающиеся с общей угрозой, наиболее склонны к формированию союза, потому что «каждая из сторон с большей долей вероятности готова ввязываться в конфликт при нападении на другую сторону, если у этих сторон есть общий враг». Благодаря этому уменьшаются «страх быть втянутым в ненужную войну, с одной стороны, и страх отказа союзников от обязательств альянса — с другой» [Lai, Reiter, 2000: 211].

Американскую мощь в литературе часто представляли как «офшорную» — изолированную океанами — и, таким образом, не представляющую прямой угрозы выживанию других государств [Walt, 2002]. Некоторые ученые даже говорили о «постмодернистской» природе американского могущества. Так, хотя жесткая сила всё еще является решающим фактором, в повседневной политике основной акцент делается на «мягкой силе», которую сложнее сдерживать. Дж. Жоффе, рассуждая об американском могуществе, спрашивает: «Как можно сдерживать мощь, если она проистекает не от принуждения, а от обольщения?» [Joffe, 2002: 170]. Американская благожелательность, готовность помочь и надежность приводят к тому, что другие либеральные страны не пытаются

балансируют против США [Owen, 2002: 257]. Согласно такой логике, даже если Соединенные Штаты являются самым могущественным государством в современной международной системе, они не угрожают другим и не рассматриваются ими как угроза, поэтому веские причины ожидать появления антигегемонистского союза отсутствуют.

Необходимо оговориться, что в данной статье теория «баланса угроз» применяется избирательно. Основной акцент делается на утверждении С. Уолта и других исследователей политики союзов [Walt, 1990; Bennett, 1997; Lai, Reiter, 2000] о значимости «общих внешних угроз» как движущей силы стратегических союзов. При этом опускается разбивка «угрозы» на составные переменные, выделяемые С. Уолтом в рамках его теории, такие как (помимо совокупной мощи) географическое положение, наступательный потенциал и агрессивные намерения [Walt, 1990: 23]. Такой подход может показаться необоснованно вольной интерпретацией оригинальной теории, но он видится оправданным в контексте данного кейса. Как показано в ряде работ по рассматриваемой тематике, такие факторы, как наступательный потенциал и агрессивные намерения, в теории «баланса угроз» не базируются на сколько-нибудь объективных критериях и остаются достаточно спекулятивными, как и возможности их корректной оценки [Rosato, 2015; Van Evera, 1998]. Что касается географического положения, то в теории С. Уолта географическая близость государств должна работать против их сближения в рамках союзов. Но географическая близость может оказывать и противоположное влияние: мощные соседи с общей границей, осознавая разрушительность и высокие издержки потенциального конфликта друг с другом, делают всё возможное, чтобы избежать соперничества и осознанно идут на сближение. Именно такая интерпретация географической близости прослеживается как в России, так и в Китае. Видимо, отдельные положения теории С. Уолта работают не во всех случаях. Для прояснения этого вопроса необходима дальнейшая верификация теории на обширном материале, что выходит за рамки данного исследования.

Для эмпирической оценки баланса угроз необходимо проверить, имеют ли потенциальные союзники общие представления о главных внешних угрозах, т.е. считают ли они одно и то же государство наиболее опасным противником. Признаком нарастающего ощущения угрозы может быть изменение тона и содержания совместных заяв-

лений или общего дискурса в более широком смысле от выражения общего понимания по основным вопросам международной политики до формулирования общих внешних угроз, связанных с конкретным геополитическим соперником.

Третья модель — теория «баланса интересов» — представляет собой дальнейшее развитие концепций «баланса сил» и «баланса угроз». Данная теория предложена Р. Швеллером, который утверждает, что создание государствами союзов и выбор ими партнеров зависят скорее от наличия понимания общности интересов, чем от восприятия угроз или асимметрии силы [Schweller, 1998]. Самым важным, решающим фактором образования союза является «совместимость политических целей» [Schweller, 1994: 88]. Р. Швеллер выделяет две группы стран: «государства статус-кво», которые союзничают друг с другом потому, что разделяют интересы по сохранению существующего мирового порядка и сдерживанию стран — сторонников изменений, и «государства-ревизионисты», которые формируют друг с другом союзы потому, что видят больше преимуществ в изменении системы [Schweller, 1993].

Практическое применение данной модели предполагает выявление того, как гипотетические союзники видят международный статус-кво и хотят ли они изменить его; каким образом, если это вообще имеет место, их интересы дополняют друг друга, и насколько глубоко они разделяют приверженность изменению или сохранению современного мирового порядка.

В рамках данного исследования отстаивается тезис, что все эти модели необходимо использовать не изолированно, а в системном единстве. Баланс угроз и баланс интересов связаны с балансом сил, поскольку структурное соотношение силовых потенциалов является необходимой основой как теории «баланса угрозы», так и концепции «баланса интересов». Как подчеркивает С. Уолт, «чем больше общие ресурсы государства <...>, тем большую потенциальную угрозу оно может представлять для других. <...> Общая мощь, какой могут владеть государства, является, таким образом, важным компонентом угрозы» [Walt, 1985: 9–10]. Следовательно, более правильно будет говорить об «угрожающей силе», чем просто об «угрозе» или «силе» [Walt, 1985: 8–9]. Сильное государство может угрожать либо не угрожать, но слабому государству сложно всерьез угрожать сверхдержавам. Между аргументами концепций «баланса угроз» и «баланса сил» существует очевидная синергия.

Аналогично Р. Швеллер подчеркивает, что его идея «баланса интересов» (будь то интересы статус-кво или ревизионистские интересы) коррелирует с концепцией «баланса сил». Теория «баланса интересов» подразумевает «равный акцент как на силе, так и на интересах государств <...> и учитывает взаимодействия между государством и структурой международной системы», при этом поведение государств «обусловлено как их силой, так и интересами, а также структурой, в которой они находятся» [Schweller, 1993: 76–77].

При этом ошибочно полагать, что для ведущих держав нет разницы между балансом сил, балансом угроз и балансом интересов и что интересы могут быть представлены как проекция сил и угроз или, наоборот, угрозы — как продукт соединения соотношения сил (т.е. самый сильный и будет самым угрожающим) и интересов. Такой сценарий «схождения балансов» возможен, но он не гарантирован априори. Могут наблюдаться ситуации, когда только один или два «баланса» эволюционируют в направлении усиления стимулов для формирования союза, а другой(ие) тянет в противоположном направлении. В этом случае импульс для создания союза будет слабее или вообще исчезнет. Исследования американо-индийского стратегического сближения после окончания холодной войны подтверждают именно это. В то время как из-за быстрорастущей мощи Китая с точки зрения теории «баланса сил» союз США и Индии логичен, некоторые расхождения в интерпретации внешних угроз и значительные несогласия в понимании общих интересов создают препятствия для дальнейшей консолидации союза. Вашингтон и Нью-Дели, на первый взгляд, рассматривают Китай как общую угрозу, но в восприятии индийской стороны гораздо больше нюансов, что не коррелирует с конфронтационно-прямолинейным подходом США. В области же интересов расхождения между двумя потенциальными союзниками еще более значительны из-за высокой заинтересованности Индии в экономической кооперации с Китаем, продиктованной нуждами развития страны, а США — в технологическом сдерживании КНР. Такие расхождения объясняют нежелание Индии создавать скоропалительный антикитайский союз с США [Lalwani, Byrne, 2019; Puthan Purayil, 2021].

Более правильной видится интерпретация, согласно которой баланс сил может считаться необходимым условием для формирования союза, а баланс угроз и баланс интересов являются условиями достаточными. Такая связь также указывает на то, что разрозненность

трех балансов создает слабые стимулы, при этом их схождение в единый взаимозависимый каузальный блок генерирует мощный толчок к созданию союза. На рис. 1 обобщен приведенный теоретический анализ и показано, как изменения в каждом из балансов, а также эволюция отношений между ними влияют на формирование межгосударственных союзов. Как видно из рисунка, стимулы для вступления в союзнические отношения усиливаются по мере трансформации каждого из балансов, а также усиления взаимосвязи между ними.

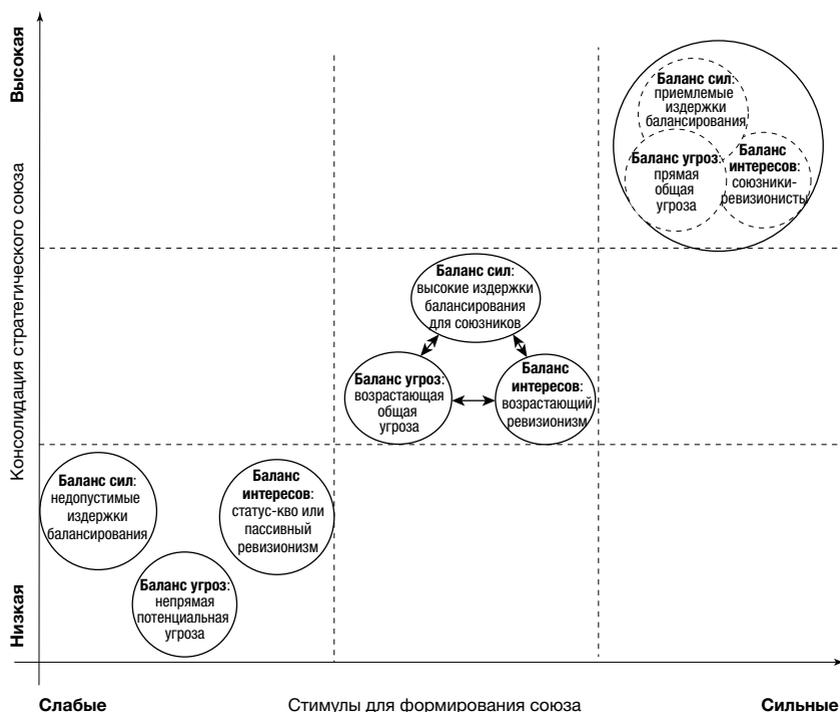

Рис. 1. Эволюция «трех балансов» и консолидация стратегического союза

Fig. 1. The evolution of the 'three balances' and consolidation of strategic alliance

Источник/Source: составлено автором / compiled by the author.

Эмпирический анализ: «три баланса» и российско-китайский союз

Как следует из теоретического анализа, проведенного в предыдущей части, применение системы «трех балансов» к потенциальному российско-китайскому союзу требует изучения его влияния на баланс сил в рамках международной системы (внутрисистемное распределение сил, а также способность российско-китайского союза создать эффективный противовес самой мощной сверхдержаве); анализа совместимости восприятия внешних угроз у гипотетических союзников и оценки их заинтересованности в пересмотре статус-кво.

Баланс сил: распределение материальной мощи и его последствия. Структура международной системы формируется в результате распределения материальных возможностей среди главных держав, определяемого в относительном выражении [Waltz, 1979]. Для первичного замера баланса сил наиболее широко используются валовой национальный продукт (ВНП) и уровень ежегодных военных расходов [Ripsman et al., 2016: 4–46]. Эти показатели позволяют дать грубую, но полезную предварительную оценку структурных стимулов, на основе которых функционируют ведущие державы.

Очевидно, что США, которые со времени распада СССР обладали превосходством совокупной мощи, способным предотвратить любые попытки антиамериканского балансирования в форме стратегических союзов, в настоящий момент теряют исключительность своего доминирования. К концу 2000-х годов период американской «гипермощи» закончился. В известном смысле международная система вернулась в «нормальное состояние» с США в качестве самой сильной «обычной сверхдержавы» — всё еще обладающей очевидным материальным превосходством, но уже теряющей беспрецедентность своего господства. Другими словами, структура международной системы стала более благоприятствующей системному балансированию, такому как формирование союзов между другими крупными державами.

Относительная мощь как Китая, так и постсоветской России по отношению к США значительно возросла со времени распада СССР. В 1991 г. общий ВНП США составлял 6,158 трлн долл. и был в 16 раз больше ВНП Китая (383,373 млрд долл.) и почти в 12 раз больше ВНП России (517,963 млрд долл.). Однако этот беспрецедентный

дисбаланс продлился недолго. К 2013 г. ВВП Китая достиг более чем половины ВВП США (9,57 трлн долл. против 16,785 трлн). К 2015 г. ВВП Китая составил 60% ВВП США (11,062 трлн долл. против 18,219 трлн) и к 2019 г. достиг почти 70% (14,343 трлн долл. против 21,374 трлн). Россия продемонстрировала 11-кратное увеличение ВВП: от скудных 196 млрд долл. в 1999 г. до 2,292 трлн в 2012 г. В то же самое время США показали 2,7-кратное увеличение общего ВВП с 1991 г.¹⁰ С учетом всех оговорок изменение баланса сил значительно. Нынешняя структура мощи напоминает ту, что существовала во время холодной войны, когда ВВП Советского Союза достиг своего пика (60% ВВП США в 1975 г.¹¹) и когда балансирование сверхдержав было определяющей чертой международной политики.

Анализ военных расходов показывает схожую, хотя и менее выраженную динамику. С 2010 г. США сокращали свой военный бюджет. В 2011, 2012, 2013 и 2015 гг. он составлял 711,3, 684,8, 640,2 и 596 млрд долл. соответственно. В 2018 и 2019 гг. военные расходы США вновь показали тенденцию к увеличению, но в целом в промежутке между 2010 и 2019 гг. американский военный бюджет снизился на 15%. Расходы же Китая и России выросли на 85 и 30% соответственно¹². Фактический размер военных бюджетов колеблется и зависит от рассматриваемого периода и внутреннего валютного курса стран. Например, за 10 лет перед «украинским кризисом» (2003–2014) военные расходы США увеличились на 12%, тогда как у Китая и России — на 170 и 108% соответственно¹³. В 2019 г. у США был самый большой военный бюджет в мире — 732 млрд долл., за

¹⁰ World Bank national accounts data, and OECD national accounts data files // World Bank. 2019. Available at: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=CN-RU-US-IN&most_recent_year_desc=false (accessed: 17.12.2020).

¹¹ A comparison of Soviet and U.S. gross national products, 1960–1983 // Office of Soviet Analysis, Directorate of Intelligence. 1984. Available at: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000498181.pdf (accessed: 17.12.2020).

¹² Tian N., Kuimova A., Da Silva D.L., Wezeman P.D., Wezeman S.T. Trends in world military expenditure, 2019 // Stockholm International Peace Research Institute. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-04/fs_2020_04_milex_0.pdf (accessed: 19.12.2020).

¹³ Perlo-Freeman S., Solmirano C. Trends in world military expenditure, 2013 // Stockholm International Peace Research Institute. Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/FS/SIPRIFS1404.pdf> (accessed: 19.12.2020).

ними следовал Китай (261 млрд), Россия занимала четвертое место (65,1 млрд долл.).

В то же время эксперты ставят под вопрос надежность рыночных валютных курсов в расчете военных расходов. Такие данные чрезвычайно занижают фактический объем затрат стран с относительно небольшими доходами на душу населения, таких как Россия и Китай. Уместно ставится вопрос: как может Россия с ее расходами на оборону, как утверждается, равнозначными расходам Франции или Великобритании, содержать более чем миллионную армию и закупать современное военное оборудование в объемах, превосходящих большинство европейских государств, вместе взятых?¹⁴ Расчеты на основе рыночных валютных курсов игнорируют колебания курсов внутренней валюты, такие как, например, резкое обесценивание российского рубля в 2014–2015 гг. В то время как военные расходы России в долларовом выражении сокращались, в рублевом исчислении они значительно увеличивались.

Кроме того, Россия производит большую часть своего вооружения сама и не импортирует дорогое оружие из-за границы, в итоге рубль, потраченный на родине, покупает значительно больше, чем доллар, потраченный за ее пределами. Многие эксперты убеждены, что скорректированные по паритету покупательной способности (ППС) оценки военного бюджета более методологически обоснованны, поскольку позволяют учитывать нерыночные товары и услуги, преобладающие в военных расходах таких стран, как Россия и Китай¹⁵. Скорректированные по ППС размеры военных бюджетов Пекина и Москвы в 2019 г. достигли 500 и 166 млрд долл. соответственно¹⁶. Эта оценка исключает скрытые и теневые

¹⁴ Kofman M., Connolly R. Why Russian military expenditure is much higher than commonly understood (as is China's) // War on the Rocks. 16.12.2019. Available at: <https://warontherocks.com/2019/12/why-russian-military-expenditure-is-much-higher-than-commonly-understood-as-is-chinas/> (accessed: 19.12.2020).

¹⁵ Connolly R. Russian military expenditure in comparative perspective: A purchasing power parity estimate // Center for Naval Analysis. 2019. Available at: https://www.cna.org/CNA_files/PDF/IOP-2019-U-021955-Final.pdf (accessed: 19.12.2020).

¹⁶ Wezeman S.T. Russia's military spending: Frequently asked questions // Stockholm International Peace Research Institute. 27.04.2020. Available at: <https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2020/russias-military-spending-frequently-asked-questions#:~:text=Converting%20Russian%20military%20expenditure%20using,billion%20using%20market%20exchange%20rates> (accessed: 19.12.2020).

военные расходы, существующие в обеих странах. Показатели, посчитанные с учетом ППС, демонстрируют, что последние 15 лет разрыв между США, с одной стороны, и Китаем и Россией — с другой стремительно сокращался.

Такие значительные изменения в распределении мощи в структуре международных отношений делают издержки балансирования против США, в том числе посредством формирования союзов, менее неприемлемыми (см. рис. 1). Иными словами, появляются структурные возможности для эффективного балансирования. В то же время остающееся превосходство Соединенных Штатов над Китаем или Россией подавляет стимулы Пекина и Москвы балансировать друг против друга. Как долго продлится такое распределение сил, будет зависеть от многих факторов, и что произойдет с российско-китайскими отношениями, когда (и если) КНР действительно превзойдет США в плане материальных возможностей, остается неизвестным. Однако это не отменяет *текущих* условий баланса сил, которые стимулируют появление российско-китайского союза.

Как утверждает Н. Монтейру, в то время как системный гегемон представляет для других стран всеохватывающую угрозу, последняя наиболее значима для государств, находящихся на пороге становления сверхдержавами [Monteiro, 2014: 179–204]. Это означает, что сокращение разрыва в материальных возможностях с США имеет значительные поведенческие последствия как для Китая, так и для России. Оно раздвигает границы возможных действий и поощряет Пекин и Москву проводить более решительную внешнюю политику, что в свою очередь провоцирует сдерживающий ответ США и увеличивает системное давление на оба государства. Такая цепная реакция заставляет конкурирующие полюсы видеть друг в друге всё более растущую угрозу. Таким образом, для противников глобальной гегемонии США, таких как Китай и Россия, рост системного давления и вытекающие из него угрозы парадоксально смешиваются с ростом их собственной мощи и общим улучшением их структурного положения в международной системе.

Провоцируемые данными процессами изменения в поведении Китая, России и США приводят к появлению того, что Б. Бузан и О. Вэвер называют «геополитически заряженными комплексами региональной безопасности (КРБ)» [Buzan, Waever, 2003]. Такие комплексы представляют собой региональные конфигурации с во-

влечением великих держав, «члены которых настолько взаимосвязаны в плане их безопасности, что действия одного любого из них оказывают значительное влияние на других» [Lake, 2009: 35]. Подобные КРБ появились как в американо-китайских, так и в американо-российских отношениях.

Американо-китайский КРБ сформировался в Юго-Восточной Азии в значительной степени как результат всё более решительных действий Пекина в регионе Южно-Китайского моря и ответа Вашингтона в форме «возврата в Азию», направленного на восстановление стратегического лидерства США в регионе. Растущая активность военно-морского флота КНР в регионе бросает вызов свободе морской и воздушной навигации США. Последующая цепь событий заставляет обе державы вставать на конфронтационный курс, усиливая динамику балансирования между собой и способствуя восприятию друг друга как угрозы.

Список событий, приводящих к ухудшению американо-китайских отношений в контексте смещения баланса сил, довольно длинный и включает многочисленные провокации в регионе Южно-Китайского моря, торговые и тарифные войны, отказы в выдаче въездных виз с обеих сторон, эмбарго на товары и технологию мобильной сети 5G. Движение отношений по нисходящей только ускорило в условиях пандемии COVID-19. По мере усиления соперничества Вашингтона и Пекина закономерно активизируются обсуждения возможности формирования китайско-российского союза, особенно после того, как в Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в декабре 2017 г., Китай и Россия были названы главными противниками¹⁷.

Подобную динамику также можно наблюдать в американо-российском КРБ в Восточной Европе. Особенно наглядны в этом плане вооруженный конфликт в Южной Осетии (2008) и «украинский кризис» (2014), которые стали неотъемлемой частью усиливающейся геополитической напряженности между Россией и Западом (в частности, США) и отражали попытки Кремля вернуть себе влияние в том, что он считает сферой своих приоритетных стратегических интересов.

¹⁷ National Security Strategy of the United States of America // President of the United States. 18.12.2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 19.12.2020).

Постепенно теряя свое военно-техническое преимущество, США открыто называют Китай и Россию главными соперниками и соответственно формируют свою оборонную политику. Так, Вашингтон отводит КНР первое место в своих оборонных стратегиях и пытается втянуть Пекин в прямое военно-технологическое соперничество, которое, как прогнозируется, будет затяжным и приведет к гонке вооружений [Cheung, Mahnken, 2018: 239–245]. В ответ китайские стратеги уделяют основное внимание США как непосредственному конкуренту в военной сфере и потенциальному противнику [Chase, Mastro, 2018: 114].

Схожая динамика применима и к российско-американским отношениям. Вашингтон называет Россию «набирающей силы злокачественной опухолью»¹⁸ и вводит экономические санкции. Москва же отвечает участием в антиамериканском балансировании, используя все доступные средства, включая союзничество с Китаем [Korolev, 2018].

Одновременные конфронтационные отношения и с Китаем, и с Россией не сулят ничего хорошего долгосрочным стратегическим интересам США. Так, Дж. Миршаймер сурово осудил американскую внешнюю политику двойной конфронтации, назвав ее «стратегической глупостью первого порядка», толкающей Россию в руки Китая и игнорирующей потенциальные геополитические последствия для самих Соединенных Штатов¹⁹. Вашингтон пытается поддерживать свое, пока еще существующее, силовое преимущество, сдерживая обоих конкурентов. Китай и Россия, набирающие силу, но всё еще отстающие от США, отвечают усилением военного сотрудничества. В условиях перераспределения глобальных ресурсов это приводит к дальнейшему сдерживанию со стороны Вашингтона, что далее стимулирует союз между Пекином и Москвой.

Баланс угроз и поведение Китая, России и США. По мере ухудшения отношений Китая и России с США относительно от-

¹⁸ Indo-Pacific strategy report: Preparedness, partnerships, and promoting a networked region // U.S. Department of Defense. 01.06.2019. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (accessed: 19.12.2020).

¹⁹ Akita H. U.S., China heading toward face-off, says Mearsheimer // Nikkei Asian. 26.03.2015. Available at: <http://asia.nikkei.com/magazine/20150326-Singapore-after-Lee/Viewpoints/US-China-heading-toward-face-off-says-Mearsheimer> (accessed: 19.12.2020).

даленная угроза со стороны Вашингтона каждой из двух стран в отдельности пропорционально росла и постепенно превратилась в непосредственную общую угрозу обеим державам. Пекин и Москва разделяют взгляды друг друга на внешние угрозы безопасности, связанные с Соединенными Штатами, по широкому кругу вопросов, включая американскую программу национальной противоракетной обороны в Восточной Европе, попытки Вашингтона усилить свое политическое и военное влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе, восточную экспансию НАТО, «цветные революции», вопросы суверенитета и другие проблемные точки глобальной и региональной политики.

Китай счел «возврат в Азию», провозглашенный администрацией Б. Обамы в 2011 г., и последующую активизацию политики Вашингтона в этой части света серьезной угрозой безопасности и попыткой создать линии сдерживания против КНР в Тихоокеанском регионе с опорой на Японию, Тайвань, Южную Корею, Филиппины и других союзников США²⁰. Об этом неоднократно прямо писала «Жэньминь жибао» (официальная газета Коммунистической партии Китая)²¹.

Восприятие Пекином США как непосредственного военного противника укрепилось после того, как Вашингтон объявил о запуске «третьей стратегии компенсации» (ТСК), напрямую вовлекающей Китай в непосредственную оборонно-технологическую конкуренцию²². В исследовании проблемы стратегического недоверия между США и КНР В. Цзиси и К. Либерталь (два влиятельных ученых и консультанта по вопросам внешней политики) обнаружили: «...высокопоставленные китайские должностные лица открыто заявляют, что США являются главной угрозой национальной безопасности Китая»; это представление особенно распространено в оборонно-военных учреждениях КНР и в идеологических организациях Ком-

²⁰ Детальный анализ восприятия Пекином американской стратегии «возврата в Азию», основанный на китайских источниках, представлен в [Swaine, 2012].

²¹ Wang T. U.S. uses 'hedging' strategy to deal with China's rise // People's Daily. 26.12.2011. Available at: <http://english.people.com.cn/90780/7688310.html> (accessed: 19.12.2020).

²² «Третья стратегия компенсации» подразумевает реформы, направленные на усиление технологического преимущества США для обеспечения превосходства над потенциальными и реальными соперниками.

мунистической партии²³. Пандемия COVID-19 и продолжающееся ухудшение американо-китайских отношений еще больше подливают масла в огонь.

Россия в свою очередь традиционно рассматривает попытки политической и военной экспансии США и НАТО на восток как угрозу национальной безопасности. Нарастание напряженности между Москвой и Вашингтоном, начавшееся в конце 2000-х годов, усилило это представление. После вооруженного конфликта в Южной Осетии в 2008 г. Москва начала серьезно рассматривать возможность военного противостояния с Западом, а «украинский кризис» 2014 г. только укрепил данное мнение.

При этом ухудшение российско-американских и китайско-американских отношений привело к совпадению взглядов Пекина и Москвы на внешние угрозы. Россия начала рассматривать политику Вашингтона, в основном ориентированную на Китай, через призму собственного балансирования против США. Наглядный пример — упомянутая ТСК. Как продемонстрировал В.Б. Кашин, в российских работах она представляется в основном как стратегия, направленная на поддержание военного превосходства Соединенных Штатов над КНР, и только во вторую очередь — как ответ на рост военной мощи России [Kashin, 2018: 212–214]. Причем такой взгляд на ТСК можно обнаружить не только в научных публикациях, но и в СМИ российского Министерства обороны [Kashin, 2018: 215].

Однако трансформации российско-американских отношений в результате «украинского кризиса» изменили такое толкование и дали толчок к пересмотру военного сотрудничества с Китаем в направлении совместного балансирования против США. Так, 18 ноября 2014 г. китайский министр обороны генерал Чан Ваньцюань и его российский коллега генерал армии Сергей Шойгу выступили с совместным заявлением, недвусмысленно назвав Вашингтон главной внешней угрозой обеим странам. Они заявили, что Китай и Россия «озабочены попытками США усилить свое политическое и военное влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе» и что в данном кон-

²³ Lieberthal K., Wang J. Addressing US-China strategic distrust // Washington, D.C.: Brookings Institution, 2012. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/0330_china_lieberthal.pdf (accessed: 19.12.2020).

тексте российско-китайское военное сотрудничество приобретает исключительное значение²⁴.

Системное давление, исходящее от США, и одновременное ухудшение американо-китайских и американо-российских отношений также повлияли на совпадение оценки Пекином и Москвой внешних угроз в регионе Южно-Китайского моря — территории, казалось бы, не представляющей большого значения для России. Как можно судить по многочисленным публикациям в российских ведущих журналах по международным отношениям, таких как «Азия и Африка сегодня», «Международная жизнь», «Проблемы Дальнего Востока», «Россия в глобальной политике», и на специализированных веб-порталах, российские эксперты и политическая элита истолковывают политику США в Азии как попытку сдерживания КНР. Китай в свою очередь рассматривается как страна, продвигающая «альтернативную модель развития», которую поддерживает Россия [Портяков, 2015: 255–266]. Преобладающее в Кремле мнение о политике Вашингтона в регионе Южно-Китайского моря всё больше совпадает с оценкой данного вопроса Пекином, что приводит к негласному, а порой и открытому принятию поведения КНР на этой территории [Korolev, 2019b].

Дальнейший анализ протоколов встреч в рамках российско-китайских регулярных консультаций по вопросам безопасности, таких как встречи министров обороны, стратегические консультации начальников штабов войск, российско-китайские консультации по вопросам национальной безопасности, российско-китайский диалог по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии и другие форматы, обнаруживает растущую озабоченность по поводу «американского фактора». Критика и осуждение политики Соединенных Штатов в Азии и других регионах как «всё более угрожающей» и обозначение международной среды как «всё более сложной и недружелюбной», а также заявления о намерении объединить усилия в противостоянии растущей угрозе со стороны США стали укоренившейся нормой

²⁴ Министр обороны России генерал армии Сергей Шойгу провел переговоры с китайским коллегой генерал-полковником Чан Ваньцюанем // Министерство обороны Российской Федерации. 18.11.2014. Доступ: http://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=12000207@egNews (дата обращения: 19.12.2020).

в российско-китайском диалоге по вопросам безопасности²⁵. При этом российские власти неизменно и публично опровергают теорию «китайской угрозы». Россия, вероятно, в значительной мере избавилась от этого комплекса, который существовал в российском обществе и политической элите в 1990-х и, в меньшей степени, 2000-х годах. Демилитаризованная общая граница также свидетельствует об этом.

Вместе с тем улучшение российско-китайского взаимодействия не означает полного исчезновения китайской угрозы. Пекин превосходит Москву по многим параметрам, и у российской политической элиты и населения есть причины беспокоиться из-за растущей мощи КНР. С этой точки зрения более тесное сотрудничество с Европой или США в качестве противовеса Китаю не стоит рассматривать как абсолютно нецелесообразное. Однако в данный момент китайская угроза является гипотетической, а угроза со стороны Вашингтона и его союзников — реальной. В какой-то степени это применимо и к Китаю. Российская военная мощь и тенденция к проведению агрессивной политики, особенно в отношении спорных, с точки зрения Кремля, территорий, могут вызывать беспокойство в Пекине, но США представляют несоизмеримо большую угрозу, которая заставляет опасения Китая по поводу намерений Москвы.

Баланс интересов и российско-китайское взаимодействие. Анализ российско-китайских отношений через призму концепции «баланса интересов» предполагает выявление наличия либо отсутствия у Китая и России ревизионистских настроений и их реакции на изменения в балансе сил и балансе угроз в рассматриваемый период. Следует отметить, что вопрос о сущности российского и китайского ревизионизма и их близости с точки зрения подходов к существующему миропорядку является дискуссионным. Одни авторы подчеркивают разный характер российского и китайского ревизионизма [Karmazin, Нупек, 2020], тогда как другие утверждают, что Россия проводит скорее ультрареакционную, охранительную, а не ревизионистскую политику [Истомин, 2020].

В рамках данной статьи используется понимание ревизионизма, предложенное У. Уолфортом [Wohlforth, 2002: 106], согласно которому в условиях однополярности и глобального американского

²⁵ Детальный разбор различных российско-китайских совместных заявлений и документов на предмет идентификации США как общей угрозы для обеих стран см.: [Korolev, 2019a].

доминирования, ставших характеристиками статус-кво международной системы после окончания холодной войны, ревизионистский проект — это проект, нацеленный на ревизию и последующее прекращение однополярности (во всех смыслах) во главе с США.

Содержание российско-китайских деклараций и заявлений после холодной войны показывает, что обе стороны не особенно заинтересованы в поддержании положения, когда США занимают доминирующую позицию. В многочисленных совместных заявлениях 1990-х годов Китай и Россия подчеркивают необходимость сотрудничества для обеспечения принципа многополярности²⁶. Антиоднополярный дискурс в российско-китайских отношениях установился в конце 1990-х и эволюционировал от простого провозглашения многополярности желательным мировым порядком до проявления решимости такой порядок создать.

На фоне ухудшавшихся отношений с США ревизионистские антиоднополярные настроения как в Китае, так и в России усилились. 12 февраля 2007 г. президент В. Путин выступил со своей знаменитой Мюнхенской речью, в которой отражались геополитические амбиции новой постсоветской России и открыто отрицалась идея однополярного мира с доминированием США²⁷. 23 мая 2008 г. Китай и Россия опубликовали «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации по основным международным вопросам» (также известное как заявление Медведева–Ху). В данном документе они открыто поддержали формат БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и представили его как необходимый противовес однополярному миру, возглавляемому США²⁸.

В последующие годы российские и китайские лидеры неоднократно подчеркивали свою общность в предпочтении многопо-

²⁶ Об этом свидетельствуют российско-китайские совместные декларации от 3 сентября 1994 г., 25 апреля 1996 г., 23 апреля 1997 г., 10 ноября 1997 г., 23 ноября 1998 г.

²⁷ Speech and the following discussion at the Munich Conference on security policy // President of Russia. 10.02.2007. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed: 19.12.2020).

²⁸ Joint Statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on major international issues // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 23.05.2008. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t465821.shtml (accessed: 19.12.2020).

лярного мира. В случае России это особенно ярко прослеживается по ужесточавшейся риторике В. Путина на различных международных саммитах и конференциях. 24 октября 2014 г. в своей речи на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в городе Сочи российский президент заявил, что однополярный мир не может быть сохранен просто потому, что «односторонний диктат [США и их союзников. — А.К.] и навязывание своих собственных шаблонов приносят прямо противоположный результат»²⁹. В этом духе выдержаны и другие программные публичные выступления российского лидера, такие как Крымская речь³⁰, обращение на Генеральной Ассамблее ООН (2015)³¹ и т.д. В целом Москва и Пекин всё больше подчеркивают, что их позиции по основным международным проблемам похожи или одинаковы; что у их двусторонних отношений нет проблем, которые «нельзя было бы решить», или как минимум нет конфликта основных интересов [Портяков, 2015: 143].

Китайские лидеры и дипломаты более осторожны в заявлениях по сравнению со своими российскими партнерами. При этом оценки китайских экспертов, каковы интересы Китая по отношению к России и США, заслуживают отдельного внимания. Примечательна в этом контексте база данных «Отношения Китая с великими державами» (Чжунго юй даго гуаньси), созданная в Институте межнациональных отношений Университета Цинхуа. Эта база представляет собой ранжирование отношений Китая с крупными державами, составляемое ежемесячно на основании экспертных заключений. Оценки даются по шкале от –9 до +9. Три самых низких значения (от –9 до –7) указывают на высокий, средний и низкий уровни «конфронтации», которая определяется как отношения

²⁹ Meeting of the Valdai International Discussion Club // President of Russia. 24.10.2014. Available at: <http://eng.kremlin.ru/news/23137> (accessed: 19.12.2020).

³⁰ Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 18.03.2014. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 19.12.2020).

³¹ 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // Президент России. 28.09.2015. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 19.12.2020).

между «врагами» с несовместимыми интересами. Следующие три значения (от -6 до -4) — те же три градации, но уже в рамках категории «напряженность». Значения от -3 до -1 относятся к высокому, среднему и низкому уровням «разногласий» — ситуациям, когда сталкивающиеся интересы преобладают над общими. Отношения, попадающие в диапазон между $+1$ и $+3$, — «обычные» с общностью интересов, едва превосходящей конкуренцию; оценки от $+4$ до $+6$ относятся к «хорошим отношениям», в которых общие интересы значительно превосходят разногласия, хотя последние могут быть ярко выраженными. Верхняя часть шкалы, от $+7$ до $+9$, указывает на «друзей» с общими стратегическими отношениями и почти одинаковыми позициями по главным международным вопросам³². Данная шкала позволяет оценить долгосрочные тенденции общности китайских интересов с другими государствами, по оценке ведущих китайских экспертов международных отношений.

На рис. 2 показана эволюция китайских экспертных оценок совпадения интересов Китая и России и, наоборот, расхождения интересов Китая и США. Ухудшение китайско-американских отношений было наиболее значительным после 2016 г., а с середины 2018 г. они опустились до отметки $-7,6$, что, согласно этой базе данных, означает конфронтационные отношения с несовместимыми интересами. Что касается российско-китайских отношений, то в 2020 г. ученые из Университета Цинхуа оценили их в $+8,3$ балла, что означает «очень дружеские» с околоидентичными интересами. Это самая высокая оценка, которая была у отношений Китая с крупными державами, и она указывает на общность интересов и единую позицию по значительному числу международных вопросов. Эти данные могут быть подвергнуты сомнению с разных точек зрения, в том числе и с методологической, поскольку индекс опирается на экспертные оценки, однако они представляют собой ценную информацию о том, как ведущие китайские эксперты видят отношения Китая с крупными державами.

³² Для детального объяснения процедуры кодировки экспертных оценок данную шкалу см.: Чжунго юй даго гуаньси шуцзюйку шиюн фанфа [Руководство для базы данных «Отношения Китая с великими державами»] // Институт международных отношений Университета Цинхуа. Доступ: <http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iiis/7522/index.html> (дата обращения: 19.12.2020).

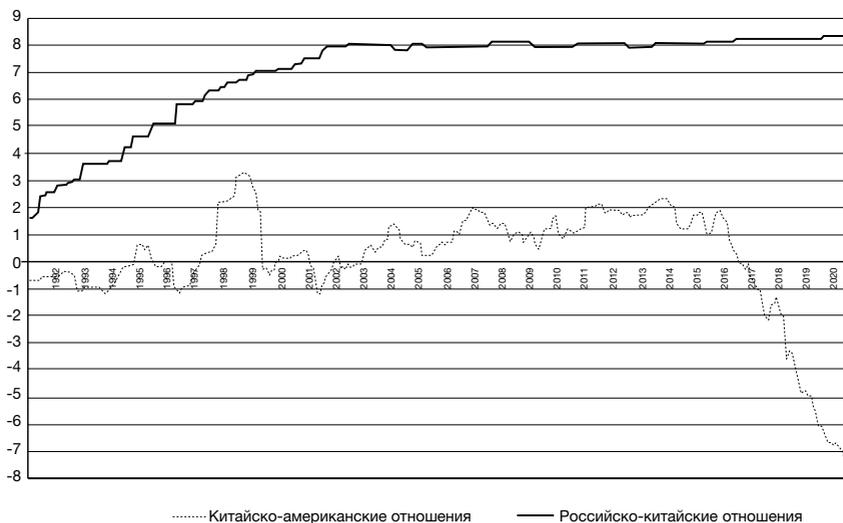

Рис. 2. Оценка совместимости интересов Китая с интересами России и США

Fig. 2. Assessment of compatibility of China's interests with the interests of Russia and the USA

Источник: рассчитано автором на основе количественной базы данных «Отношения Китая с великими державами». Доступ: <http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7522/index.htm> (дата обращения: 31.07.2021).

Source: calculated by the author on the basis of 'The measurement of China's relationship with major powers' database. Available at: <http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7522/index.htm> (accessed: 31.07.2021).

В Китае и России существует убеждение, что при многополярности у обеих стран будет больше свободы действий и возможностей защищать и расширять свои национальные интересы. В то же время вместе с ухудшением американо-китайских и американо-российских отношений китайско-российское взаимодействие всё больше проникается желанием обеих стран подчеркнуть свою «незападную» идентичность в международных делах, что углубляет идейный и нормативный раскол между Китаем и Россией, с одной стороны, и США — с другой. В этой связи некоторые ученые замечают, что у китайско-российского глобального ревизионизма имеются более глубокие причины, обусловленные «культивированием общества

единомыслящих незападных стран», которые должны оказывать большее влияние на формирование международного порядка³³, поэтому текущие разногласия могут быть более глубокими, чем те, что существовали даже в период холодной войны. Теперь Китай и Россия радикально отрицают саму идею американского глобального лидерства и «универсальные ценности» Запада. В этом смысле мировой порядок, возглавляемый США, рассматривается странами как цивилизационная угроза. Такое неприятие американского лидерства и отрицание западной идеологии приводят к более тесному объединению «неЗапада», в котором Китай и Россия видят себя основными игроками.

* * *

Проведенное исследование показывает, что в контексте российско-китайских отношений баланс сил, баланс угроз и баланс интересов оказываются факторами, стимулирующими возникновение более тесного союза. Это проявляется в усиливающейся тенденции к совместному российско-китайскому балансированию против США.

В среднесрочной перспективе усиление стратегической кооперации между Россией и Китаем, с большой вероятностью, останется стабильным. Столкновение интересов Пекина и Москвы маловероятно. Большее давление со стороны США, скорее всего, ускорит формирование китайско-российского союза: оно побудит обе державы не только укреплять военное сотрудничество, но и тщательно работать над улучшением двусторонних отношений, сглаживая оставшиеся разногласия. В то же время в зависимости от того, как будет развиваться их взаимодействие с США и Европой, Китай и Россия могут постепенно уменьшить число своих антизападных заявлений и дать обратный ход траектории союза в рамках двустороннего сотрудничества. Однако с учетом состояния отношений Китая и России с США, а также того, как далеко зашли Пекин и Москва в своем военном сотрудничестве, вероятнее всего, страны станут более взаимозависимыми и их сотрудничество в предстоящие годы будет углубляться. Динамика изменений в рамках каждого из «трех

³³ Haenle P., Trenin D. China-Russia relations after Ukraine // Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy. 26.06.2015. Available at: <http://carnegietsinghua.org/2015/05/26/china-russia-relations-after-ukraine/i92t> (accessed: 19.12.2020).

балансов» — сил, угроз и интересов, равно как и отношений между ними, указывает на высокую вероятность именно такого сценария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Истомин И.А. Россия как держава статус-кво // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 1. С. 30–38.
2. Истомин И.А. Современная западная теория военно-политических альянсов: достижения и лакуны // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 4. С. 93–114. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.6.
3. Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 6. № 6. С. 8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02.
4. Истомин И.А., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 4. С. 42–62. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.3.
5. Киреева А.Н. Будущность российско-китайского союзничества в контексте теории международных отношений // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4. С. 84–114. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.6.
6. Королёв А.Н. Насколько близки Россия и Китай? Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях // Россия и АТР. 2019. № 3. С. 138–160. DOI: 10.24411/1026-8804-2019-10043.
7. Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 135–151. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021.
8. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 21-м столетии. М.: ИДВ РАН, 2015.
9. Фомин И.В., Силаев Н.Ю., Макарычева А.В. и др. Союзники России: формальные обязательства и фактическое сотрудничество // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 2. С. 101–130. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.6.
10. Bennett D.S. Testing alternative models of alliance duration, 1816–1984 // American Journal of Political Science. 1997. Vol. 41. No. 3. P. 846–878. DOI: 10.2307/2111677.
11. Benson B.V. Constructing international security: Alliances, deterrence, and moral hazard. New York: Cambridge University Press, 2012. DOI: 10.1017/CBO9781139225694.
12. Benson B.V., Clinton J.D. Assessing the variation of formal military alliances // Journal of Conflict Resolution. 2016. Vol. 60. No. 5. P. 866–898. DOI: 10.1177/0022002714560348.

13. Buzan B., Waever O. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

14. Chase M., Mastro O.S. *Long-term strategic competition between the United States and China in military aviation // The gathering Pacific storm: Emerging US-China strategic competition in defense technological and industrial development / Ed. by M. Cheung, T.G. Mahnken*. New York: Cambria Press, 2018. P. 111–139.

15. Cheung T.M., Mahnken T.G. *Conclusion: The long-term implications of future U.S. strategy for China and Chinese strategy for the United States // The gathering Pacific storm: Emerging US-China strategic competition in defense technological and industrial development / Ed. by M. Cheung, T.G. Mahnken*. New York: Cambria Press, 2018. P. 239–249.

16. Istomin I.A. *The logic of counterpoint: Aspirations of liberal hegemony and counter-ideological alignment // Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17. No. 2. P. 8–34. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-8-34.

17. Joffe J. *Defying history and theory: The United States and the ‘last remaining superpower’ // America unrivalled: The future of the balance of power / Ed. by G.J. Ikenberry*. New York: Cornell University Press, 2002. P. 155–181.

18. Johnson J.C., Leeds B.A. *Defense pacts: A prescription for peace? // Foreign Policy Analysis*. 2011. Vol. 7. No. 1. P. 45–65. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2010.00122.x.

19. Karmazin A., Hynek N. *Russian, US and Chinese revisionism: Bridging domestic and great power politics // Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72. No. 6. P. 955–975. DOI: 10.1080/09668136.2020.1776221.

20. Kashin V. *Russian perspectives on the third Offset Strategy and its implications for Russian-Chinese defense technological cooperation // The gathering Pacific storm: Emerging US-China strategic competition in defense technological and industrial development / Ed. by M. Cheung, T.G. Mahnken*. New York: Cambria Press, 2018. P. 211–239.

21. Korolev A. *On the verge of an alliance: Contemporary China-Russia military cooperation // Asian Security*. 2019. Vol. 15. No. 3. P. 233–252. DOI: 10.1080/14799855.2018.1463991.

22. Korolev A. *Russia in the South China Sea: Balancing and hedging // Foreign Policy Analysis*. 2019. Vol. 15. No. 2. P. 263–282. DOI: 10.1093/fpa/orx015.

23. Korolev A. *Theories of non-balancing and Russia’s foreign policy // Journal of Strategic Studies*. 2018. Vol. 41. No. 6. P. 887–912. DOI: 10.1080/01402390.2017.1283614.

24. Korolev A., Portyakov V. China-Russia relations in times of crisis: A neoclassical realist explanation // *Asian Perspective*. 2018. Vol. 42. No. 3. P. 411–437. DOI: 10.1353/apr.2018.0018.

25. Lai B., Reiter D. Democracy, political similarity, and international alliances, 1816–1992 // *Journal of Conflict Resolution*. 2000. Vol. 44. No. 2. P. 203–227. DOI: 10.1177/0022002700044002003.

26. Lake D.A. Regional hierarchy: Authority and local international order // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35. No. S1. P. 35–58. DOI: 10.1017/S0260210509008420.

27. Lalwani S., Byrne H. Great expectations: Asking too much of the US-India strategic partnership // *The Washington Quarterly*. 2019. Vol. 42. No. 3. P. 41–64. DOI: 10.1080/0163660X.2019.1666353.

28. Leeds B.A. Do alliances deter aggression? The influence of military alliances on the initiation of militarised interstate disputes // *American Journal of Political Science*. 2003. Vol. 47. No. 3. P. 427–439. DOI: 10.1111/1540-5907.00031.

29. Monteiro N.P. *Theory of unipolar politics*. New York: Cambridge University Press, 2014.

30. Morrow J.D. Alliances, credibility, and peacetime costs // *Journal of Conflict Resolution*. 1994. Vol. 38. No. 2. P. 270–297. DOI: 10.1177/0022002794038002005.

31. Owen J.M. *Transnational liberalism and American primacy; or, benignity is the eye of the beholder* // *America unrivalled: The future of the balance of power* / Ed. by G.J. Ikenberry. New York: Cornell University Press, 2002. P. 239–260.

32. Puthan Purayil M. The rise of China and the question of an Indo-US alliance: A perspective from India // *Asian Affairs*. 2021. Vol. 52. No. 1. P. 1–17. DOI: 10.1080/03068374.2021.1882139.

33. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. *Neoclassical realist theory of international politics*. New York: Oxford University Press, 2016. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199899234.001.0001.

34. Rosato S. The inscrutable intentions of great powers // *International Security*. 2015. Vol. 39. No. 3. P. 48–88. DOI: 10.1162/ISEC_a_00190.

35. Schweller R.L. Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in // *International Security*. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 72–107. DOI: 10.2307/2539149.

36. Schweller R.L. *Deadly imbalances: Tripolarity and Hitler's strategy of world conquest*. New York: Columbia University Press, 1998. DOI: 10.2307/2585822.

37. Schweller R.L. Tripolarity and the Second World War // *International Studies Quarterly*. 1993. Vol. 37. No. 1. P. 73–103. DOI: 10.2307/2600832.

38. Smith A. Alliance formation and war // *International Studies Quarterly*. 1995. Vol. 39. No. 4. P. 405–425. DOI: 10.2307/2600800.

39. Snyder G.H. Alliances, balance, and stability // *International Organization*. 1991. Vol. 45. No. 1. P. 121–142. DOI: 10.1017/S0020818300001417.
40. Swaine D.S. Chinese leadership and elite responses to the U.S. Pacific pivot // *China Leadership Monitor*. 2012. No. 38. Available at: <https://www.hoover.org/research/chinese-leadership-and-elite-responses-us-pacific-pivot> (accessed: 19.12.2020).
41. Van Evera S. Offense, defense, and the causes of war // *International Security*. 1998. Vol. 22. No. 4. P. 5–43. DOI: 10.1162/isec.22.4.5.
42. Walt S.M. Alliance formation and the balance of world power // *International Security*. 1985. Vol. 3. No. 4. P. 3–43. DOI: 10.7591/9780801469992-010.
43. Walt S.M. Keeping the world ‘off balance’: Self-restraint and US foreign policy // *America Unrivaled: The future of the balance of power* / Ed. by G.J. Ikenberry. Cornell University Press, 2002. P. 121–155. DOI: 10.2139/ssrn.253799.
44. Walt S.M. *The origins of alliances*. New York: Cornell University Press, 1990.
45. Waltz K.N. Structural realism after the Cold War // *International security*. 2000. Vol. 25. No. 1. P. 5–41. DOI: 10.1162/016228800560372.
46. Waltz K.N. *Theory of international politics*. New York: McGraw-Hill, 1979.
47. Ward M.D. *Research gaps in alliance dynamics*. Denver: University of Denver, 1982.
48. Wilkins T.S. ‘Alignment’, not ‘alliance’ — the shifting paradigm of international security cooperation: Toward a conceptual taxonomy of alignment // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38. No. 1. P. 53–76. DOI: 10.1017/S0260210511000209.
49. Wohlforth W.C. U.S. strategy in a unipolar world. *America Unrivaled: The future of the balance of power* / Ed. by G.J. Ikenberry. Cornell University Press, 2002. P. 98–120. DOI: 10.1162/016228899560031.
50. Yuen A. Target concessions in the shadow of intervention // *Journal of Conflict Resolution*. 2009. Vol. 53. No. 5. P. 745–773. DOI: 10.1177/0022002709339046.

REFERENCES

1. Istomin I.A. 2020. Rossiya kak derzhava status-kvo [Russia as a status-quo power]. *Russia in Global Affairs*, vol. 18, no. 1, pp. 30–38. (In Russ.)
2. Istomin I.A. 2017. Sovremennaya zapadnaya teoriya voenno-politicheskikh al'yansov: dostizheniya i lakuny [Western theory of international military alliances: The state of the discipline]. *International Trends*, vol. 15, no. 4, pp. 93–114. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.6. (In Russ.)

3. Istomin I.A., Baykov A.A. 2020. Al'yansy na sluzhbe gegemonii: dekonstruktsiya instrumentariya voenno-politicheskogo dominirovaniya [Alliances at the service of hegemony: Deconstruction of the military domination toolbox]. *Polis. Political Studies*, vol. 6, no. 6, pp. 8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02. (In Russ.)
4. Istomin I.A., Silaev N.Yu., Sushentsov A.A. 2018. Strategii soyuznichestva kontinental'nykh i morskikh derzhav [Strategies of alliances of continental and sea powers]. *International Trends*, vol. 16, no. 4, pp. 42–62. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.3. (In Russ.)
5. Kireeva A.N. 2019. Budushchnost' rossiisko-kitaiskogo soyuznichestva v kontekste teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Theories of international relations and prospects of a military alliance between Russia and China]. *International Trends*, vol. 17, no. 4, pp. 84–114. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.6. (In Russ.)
6. Korolev A.N. 2019. Naskol'ko blizki Rossiya i Kitai? Voennostراتيجическое сотрудничество в международных отношениях [How close are Russia and China? Assessing military-strategic cooperation in international relations]. *Russia and the Pacific*, no. 3. pp. 138–160. DOI: 10.24411/1026-8804-2019-10043. (In Russ.)
7. Lukin A.V., Kashin V.B. 2019. Rossiisko-kitaiskoe sotrudnichestvo i bezopasnost' v ATR [Russian-Chinese cooperation and security in Asia Pacific region]. *Comparative Politics*, vol. 10, no. 2, pp. 135–151. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021. (In Russ.)
8. Portyakov V.Y. 2015. *Vneshnyaya politika Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v 21-m stoletii* [Foreign policy of the People's Republic of China in the 21st century]. Moscow, Institute of Far Eastern Studies Press. (In Russ.)
9. Fomin I.V., Silaev N.Yu., Makarycheva A.V. et al. 2019. Soyuzniki Rossii: formal'nye obyazatel'stva i fakticheskoe sotrudnichestvo [Russia's allies: Formal obligations vs. effective cooperation]. *International Trends*, vol. 17, no. 2, pp. 101–130. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.6. (In Russ.)
10. Bennett D.S. 1997. Testing alternative models of alliance duration, 1816–1984. *American Journal of Political Science*, vol. 41, no. 3, pp. 846–878. DOI: 10.2307/2111677.
11. Benson B.V. 2012. *Constructing international security: Alliances, deterrence, and moral hazard*. New York, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139225694.
12. Benson B.V., Clinton J.D. 2016. Assessing the variation of formal military alliances. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no. 5, pp. 866–898. DOI: 10.1177/0022002714560348.
13. Buzan B., Waeber O. 2003. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge, Cambridge University Press.

14. Chase M., Mastro O.S. 2018. Long-term strategic competition between the United States and China in military aviation. In: Cheung T.M., Mahnken T.G. (eds.). *The gathering Pacific storm: Emerging US-China strategic competition in defense technological and industrial development*. New York, Cambria Press, pp. 111–139.

15. Cheung T.M., Mahnken T.G. 2018. Conclusion: The long-term implications of future U.S. strategy for China and Chinese strategy for the United States. In: Cheung T.M., Mahnken T.G. (eds.). *The gathering Pacific storm: Emerging US-China strategic competition in defense technological and industrial development*. New York, Cambria Press, pp. 239–249.

16. Istomin I.A. 2019. The logic of counterpoint: Aspirations of liberal hegemony and counter-ideological alignment. *Russia in Global Affairs*, vol. 17, no. 2, pp. 8–34. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-8-34.

17. Joffe J. 2002. Defying history and theory: The United States and the ‘last remaining superpower’. In: Ikenberry G.J. (ed.). *America unrivalled: The future of the balance of power*. New York, Cornell University Press, pp. 155–181.

18. Johnson J.C., Leeds B.A. 2011. Defense pacts: A prescription for peace? *Foreign Policy Analysis*, vol. 7, no. 1, pp. 45–65. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2010.00122.x.

19. Karmazin A., Hynek N. 2020. Russian, US and Chinese revisionism: Bridging domestic and great power politics. *Europe-Asia Studies*, vol. 72, no. 6, pp. 955–975. DOI: 10.1080/09668136.2020.1776221.

20. Kashin V. 2018. Russian perspectives on the third Offset Strategy and its implications for Russian-Chinese defense technological cooperation. In: Cheung T.M., Mahnken T.G. (eds.). *The gathering Pacific storm: Emerging US-China strategic competition in defense technological and industrial development*. New York, Cambria Press, pp. 211–239.

21. Korolev A. 2019a. On the verge of an alliance: Contemporary China-Russia military cooperation. *Asian Security*, vol. 15, no. 3, pp. 233–252. DOI: 10.1080/14799855.2018.1463991.

22. Korolev A. 2019b. Russia in the South China Sea: Balancing and hedging. *Foreign Policy Analysis*, vol. 15, no. 2, pp. 263–282. DOI: 10.1093/fpa/orx015.

23. Korolev A. 2018. Theories of non-balancing and Russia’s foreign policy. *Journal of Strategic Studies*, vol. 41, no. 6, pp. 887–912. DOI: 10.1080/01402390.2017.1283614.

24. Korolev A., Portyakov V. 2018. China-Russia relations in times of crisis: A neoclassical realist explanation. *Asian Perspective*, vol. 42, no. 3, pp. 411–437. DOI: 10.1353/apr.2018.0018.

25. Lai B., Reiter D. 2000. Democracy, political similarity, and international alliances 1816–1992. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 44, no. 2, pp. 203–227. DOI: 10.1177/0022002700044002003.

26. Lake D.A. 2009. Regional hierarchy: Authority and local international order. *Review of International Studies*, vol. 35, no. S1, pp. 35–58. DOI: 10.1017/S02602105090008420.

27. Lalwani S., Byrne H. 2019. Great expectations: Asking too much of the US-India strategic partnership. *The Washington Quarterly*, vol. 42, no. 3, pp. 41–64. DOI: 10.1080/0163660X.2019.1666353.

28. Leeds B.A. 2003. Do alliances deter aggression? The influence of military alliances on the initiation of militarised interstate disputes. *American Journal of Political Science*, vol. 47, no. 3, pp. 427–439. DOI: 10.1111/1540-5907.00031.

29. Monteiro N.P. 2014. *Theory of unipolar politics*. New York, Cambridge University Press.

30. Morrow J.D. 1994. Alliances, credibility, and peacetime costs. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 38, no. 2, pp. 270–297. DOI: 10.1177/0022002794038002005.

31. Owen J.M. 2002. Transnational liberalism and American primacy; or, benignity is the eye of the beholder. In: Ikenberry G.J. (ed.). *America unrivalled: The future of the balance of power*. New York, Cornell University Press, pp. 239–260.

32. Puthan Purayil M. 2021. The rise of China and the question of an Indo-US alliance: A perspective from India. *Asian Affairs*, vol. 52, no. 1, pp. 1–17. DOI: 10.1080/03068374.2021.1882139.

33. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. 2016. *Neoclassical realist theory of international politics*. New York, Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199899234.001.0001.

34. Rosato S. 2015. The inscrutable intentions of great powers. *International Security*, vol. 39, no. 3, pp. 48–88. DOI: 10.1162/ISEC_a_00190.

35. Schweller R.L. 1994. Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in. *International Security*, vol. 19, no. 1, pp. 72–107. DOI: 10.2307/2539149.

36. Schweller R.L. 1998. *Deadly imbalances: Tripolarity and Hitler's strategy of world conquest*. New York, Columbia University Press. DOI: 10.2307/2585822.

37. Schweller R.L. 1993. Tripolarity and the Second World War. *International Studies Quarterly*, vol. 37, no. 1, pp. 73–103. DOI: 10.2307/2600832.

38. Smith A. 1995. Alliance formation and war. *International Studies Quarterly*, vol. 39, no. 4, pp. 405–425. DOI: 10.2307/2600800.

39. Snyder G.H. 1991. Alliances, balance, and stability. *International Organization*, vol. 45, no. 1, pp. 121–142. DOI: 10.1017/S0020818300001417.

40. Swaine D.S. 2012. Chinese leadership and elite responses to the U.S. Pacific pivot. *China Leadership Monitor*, no. 38. Available at: <https://www.hoover.org/research/chinese-leadership-and-elite-responses-us-pacific-pivot> (accessed: 19.12.2020).

41. Van Evera S. 1998. Offense, defense, and the causes of war. *International Security*, vol. 22, no. 4, pp. 5–43. DOI: 10.1162/isec.22.4.5.
42. Walt S.M. 1985. Alliance formation and the balance of world power. *International Security*, vol. 3, no. 4, pp. 3–43. DOI: 10.7591/9780801469992-010.
43. Walt S.M. 2002. Keeping the world ‘off balance’: Self-restraint and US foreign policy. In: Ikenberry G.J. (ed.). *America unrivalled: The future of the balance of power*. New York, Cornell University Press, pp. 121–155. DOI: 10.2139/ssrn.253799.
44. Walt S.M. 1990. *The origins of alliances*. New York, Cornell University Press.
45. Waltz K.N. 2000. Structural realism after the Cold War. *International Security*, vol. 25, no. 1, pp. 5–41. DOI: 10.1162/016228800560372.
46. Waltz K.N. 1979. *Theory of international politics*. New York, McGraw-Hill.
47. Ward M.D. 1982. *Research gaps in alliance dynamics*. Denver, University of Denver.
48. Wilkins T.S. 2012. ‘Alignment’, not ‘alliance’ — the shifting paradigm of international security cooperation: Toward a conceptual taxonomy of alignment. *Review of International Studies*, vol. 38, no. 1, pp. 53–76. DOI: 10.1017/S0260210511000209.
49. Wohlforth W.C. 2002. U.S. strategy in a unipolar world. In: Ikenberry G.J. (ed.). *America unrivalled: The future of the balance of power*. New York, Cornell University Press, pp. 98–120. DOI: 10.1162/016228899560031.
50. Yuen A. 2009. Target concessions in the shadow of intervention. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 53, no. 5, pp. 745–773. DOI: 10.1177/0022002709339046.

Статья поступила в редакцию 21.12.2020; одобрена после рецензирования 02.04.2021; принята к публикации 21.09.2021.

The paper was submitted 21.12.2020; approved after reviewing 02.04.2021; accepted for publication 21.09.2021.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-112-150

Научная статья / Research paper

С.К. Песцов*

**ДЕБАТЫ О ПЕРЕМЕНАХ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока»,
Дальневосточное отделение Российской академии наук
690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89*

За несколько последних десятилетий благодаря стремительному экономическому подъему международный вес и авторитет Китая заметно возросли. Сам этот подъем во многом был обусловлен взвешенной и прагматичной внешней политикой, которой страна последовательно придерживалась с середины 1970-х годов. В последние годы, однако, внутри и за пределами Китая стала набирать силу дискуссия, порожденная представлениями о том, что КНР вступила в эпоху кардинальной трансформации взглядов на себя, свое место в мире и, как следствие, свое поведение на международной арене.

Число участников этой дискуссии растет вместе с увеличением количества мнений и аргументов в поддержку той или иной позиции. За пределами Китая эта дискуссия вращается вокруг нарратива напористости. Внутри страны спор преимущественно идет между защитниками традиционного подхода «держаться в тени» (*таогуан янхуэй*) и сторонниками новой стратегии «стремления к достижениям» (*фенфа ювэй*). В данной статье представлен вариант упорядочения содержательного пространства дискуссии о современной внешней политике Китая, развернувшейся в англоязычных международно-политических исследованиях, позволяющий сопоставить различные точки зрения и

* Песцов Сергей Константинович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (e-mail: skrfox@yandex.ru).

оценить аргументы и доводы, на которые они опираются. Для этого автор предлагает использовать матрицу, сформированную на основании двух критериев: наличие перемен (признание/отрицание данного факта); оценка соответствующих возможных эффектов и последствий (позитивная/негативная). Подобный подход, неизбежно влекущий за собой определенное упрощение и схематизацию взглядов участников дискуссии, тем не менее, выгодно отличается от традиционных, более нарративных попыток ее описания и концептуализации благодаря четкости и прозрачности методологических установок, позволяющих более рельефно обозначить содержательное ядро рассматриваемых позиций. Всё это расширяет возможности для более взвешенных и достоверных суждений относительно обоснованности тех или иных оценок, понимания текущего состояния и вероятных трендов эволюции международной политики и поведения Китая.

Проведенное исследование позволяет заключить, что, хотя рассматриваемая дискуссия далека от завершения, большинство ее участников сходятся в признании факта качественной трансформации внешнеполитической линии КНР. Тренд в сторону большей настойчивости внешней политики Пекина отчетливо обозначился во второй половине 2000-х годов и с тех пор неуклонно набирает силу. Именно эта трансформация, не исключая сохранения значительной преемственности по отношению к традиционным установкам, признается, таким образом, ключевой особенностью современного внешнеполитического курса КНР. С точки зрения рассматриваемой дискуссии это означает, что на первый план теперь выходят вопросы, связанные с оценкой последствий данной трансформации для Китая, региональной расстановки сил и системы международных отношений в целом.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, внешняя политика КНР, мирный рост, нарратив напористости, «держаться в тени», «стремление к достижениям», трансформация системы международных отношений, формирование нового мирового порядка.

Для цитирования: Песцов С.К. Дебаты о переменах во внешней политике современного Китая (по материалам англоязычных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 3. С. 112–150. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-112-150.

Sergey K. Pestsov

**DEBATES ON CHANGES
IN THE FOREIGN POLICY OF CONTEMPORARY CHINA
(A CASE STUDY OF THE ENGLISH LANGUAGE
ACADEMIC PUBLICATIONS)**

*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
89 Pushkinskaya st., Vladivostok, Russia, 690001*

Due to a rapid economic growth over the past several decades China has significantly strengthened its international positions. This growth in its own turn was to a large extent due to a pragmatic and sound foreign strategy that the country has been pursuing since mid-1970s. However, in recent years both within and outside China there has been an on-going debate on the alleged radical transformation of the PRC's perceptions of its national interests, its place in world politics, and its foreign policy.

The variety of opinions becomes increasingly complicated as the number of discussants grows and new arguments are adduced in support of different positions. Whereas outside China this debate structures around the narrative of the Chinese assertiveness, within the country the main dispute is between the advocates of a traditional policy of 'keeping a low profile' (*taoguang yanghui*) and proponents of a new 'striving for achievements' (*fenfa youwei*) strategy. The present paper aims to provide a framework for a systematization of debates on the contemporary foreign policy of China in the English language academic literature based on two criteria: whether a researcher admits that the Chinese foreign policy is changing and how he assesses implications of these changes. Such an approach undoubtedly entails certain schematization of the presented views and arguments. However, it differs favorably from traditional, more narrative approaches to conceptualization of the debate since it establishes a clear, transparent theoretical framework aimed to identify the substantive core of the presented views. This, in turn, can bring about a better understanding of the current state and possible evolution of Chinese foreign policy in general.

The author concludes that although these debates are far from being over, most researchers admit the PRC's foreign policy strategy is undergoing a radical transformation. Since the latter half of 2000s there has been a steady trend in the foreign policy of China towards greater assertiveness. At the same time this transformation ensures continuity of the basic principles of Chinese diplomacy. All this means that further debates on the Chinese foreign policy should focus primarily on potential implications of this transformation for the PRC, the regional dynamics and international relations system as a whole.

Keywords: China, Xi Jinping, foreign policy of the PRC, peaceful rise, assertive China narrative, keeping a low profile, striving for achievements, international relations system transformation, new world order.

About the author: *Sergey K. Pestsov* — Doctor of Sciences (Political Science), Chief Research Fellow at the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: skpfox@yandex.ru).

For citation: Pestsov S.K. 2021. Debates on changes in the foreign policy of contemporary China (A case study of the English language academic publications). *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 112–150. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-112-150. (In Russ.)

Повышение международного веса КНР вместе с ее стремительным экономическим подъемом в течение нескольких последних десятилетий является общепризнанным фактом. Сам этот подъем тесно связан с прагматичной внешнеполитической стратегией, которой страна последовательно придерживалась с конца 1970-х годов [Грачиков, 2015b: 209–210]. По прошествии трех десятилетий внутри и за пределами Китая всё более явно набирают силу дебаты, порожденные представлениями, что он вплотную подошел к рубежу (или уже преодолел его), кардинально меняющему его взгляд на себя, свое место в мире и, как следствие, его поведение на международной арене [Lang, 2004; Kerr et al., 2008; Zhou, 2016; Poh, 2017; Turcsányi, 2018; Chinese scholars and foreign policy..., 2019]. Не остаются в стороне от обсуждения этой актуальной темы и всё более широкие круги представителей отечественной науки о международных отношениях [Корсун, 2002; Мамонов, 2010; Портяков, 2011; 2019; Лузянин, 2012a, 2012b; Лексютин, 2014; Грачиков, 2015a; Денисов, 2017].

Интерес и внимание в этом случае неудивительны. Когда государство меняет свою внешнюю политику, это может иметь серьезные последствия для него самого, для других членов мирового сообщества и международной политической системы в целом. «Отношения между странами устанавливаются и развиваются на основе того, что понимается под шаблонным поведением. Когда эти паттерны нарушаются, прерываются или обращаются вспять, последствия могут ощущаться по всей системе, порождая больший конфликт

и неопределенность между государствами, наиболее затронутыми серьезными изменениями статус-кво» [Volgy, 1994: 24]. С учетом размеров и того веса, который к настоящему времени Китай приобрел в мире, пристальное и часто настороженное внимание к любым, даже незначительным переменам в его поведении является неизбежным и вполне объяснимым. Вместе с тем теоретическое исследование изменений внешней политики как отдельной проблемной области сегодня всё еще относительно новое явление¹. Несмотря на постоянно растущее число работ и появление целого ряда теоретических моделей для объяснения подобного феномена, многие концептуальные вопросы по-прежнему остаются дискуссионными [Grossman, 2005].

Современные дебаты о переменах — реальных или предполагаемых — во внешней политике КНР продолжаются вот уже более 10 лет. Число их участников как внутри самого Китая, так и далеко за его пределами непрерывно растет, как и количество аргументов в поддержку той или иной позиции. Одновременно с этим расширяется круг смежных проблем, приобретающих актуальность в зависимости от того или иного ответа на вопрос, меняется или нет внешняя политика современного Китая. Если да, то насколько существенно и радикально? С чем связаны и чем обуславливаются перемены или их отсутствие? Каково соотношение традиций и инноваций? Насколько устойчивы тренды стабильности или, наоборот, изменений? Какими могут быть последствия для отдельных участников и международной системы в целом? Как следует реагировать тем или иным акторам на международной арене в различных ситуациях и контекстах? Это далеко не все вопросы, которые так или иначе затрагиваются в дебатах о внешней политике современного Китая, существенно усложняя их общую картину и результаты. Одновременно с этим сама продолжительность дискуссии указывает на то, что основу споров составляют не только факты, но и, в не меньшей степени, противоречивые предположения и ожидания.

Из всего множества перечисленных вопросов в фокусе данной статьи находится только один: наблюдаются или нет в текущей внешней политике Китая сколько-нибудь заметные (существенные) перемены? Более ясное понимание того, в чем совпадают и в чем

¹ Начало исследованию внешнеполитических изменений как отдельного предмета, на важность которого первым обратил внимание Дж. Розенау, было положено в 1970-е годы [Rosenau, 1976].

расходятся разнообразны точки зрения и позиции по этому вопросу, что выступает в каждом случае основой для соответствующих умозаключений и выводов и, наконец, насколько каждый из подходов логически обоснован, вряд ли возможно без некоторой систематизации и упорядочения содержательного пространства имеющейся дискуссии. Данная работа предлагает один из возможных подходов к дифференциации и группировке оценочных суждений относительно перемен в современной китайской внешней политике, который позволяет, с одной стороны, прояснить различия позиций и то, чем они обуславливаются, а с другой — идентифицировать возможное пространство совпадающих представлений. Тем самым он создает некоторое дополнительное основание для взвешенных и обоснованных суждений по поводу текущего состояния и вероятных трендов эволюции международной политики и поведения Китая.

Перемены во внешней политике современного Китая: аналитический шаблон

Споры о переменах либо сохранении преемственности во внешней политике современного Китая идут давно, периодически обостряясь после некоторого предшествующего затишья. Внутри страны первый тур связанной с этим полемики пришелся на 2002–2006 гг., за которым в 2009–2011 гг. последовал новый ее всплеск [Портяков, 2012]. В последнем случае дискуссия вышла далеко за пределы Китая, а с приходом к власти в КНР руководства пятого поколения проблема изменений во внешней политике государства прочно вошла в число наиболее актуальных и практически значимых. Неудивительно в этой связи и то многообразие мнений, с которым неизбежно сталкивается любой обращающийся к этой теме.

Одни в этой дискуссии приходят к выводу о начавшихся принципиальных переменах в общей внешнеполитической стратегии Китая. Подтверждение этого они обнаруживают в его фактическом поведении, новых идеях, артикулируемых руководством, в тех или иных концепциях, приобретающих популярность в китайской академической среде и общественном мнении. Согласие с этим выводом, однако, не ведет к единодушию в оценках возможных эффектов и последствий таких перемен, разделяя тех, кто усматривает в них главным образом опасность и угрозу, и тех, кто оценивает их как факт неизбежный, естественный и позитивный. Другие, опираясь на собственную интерпретацию фактов, заявлений и мнений, настаива-

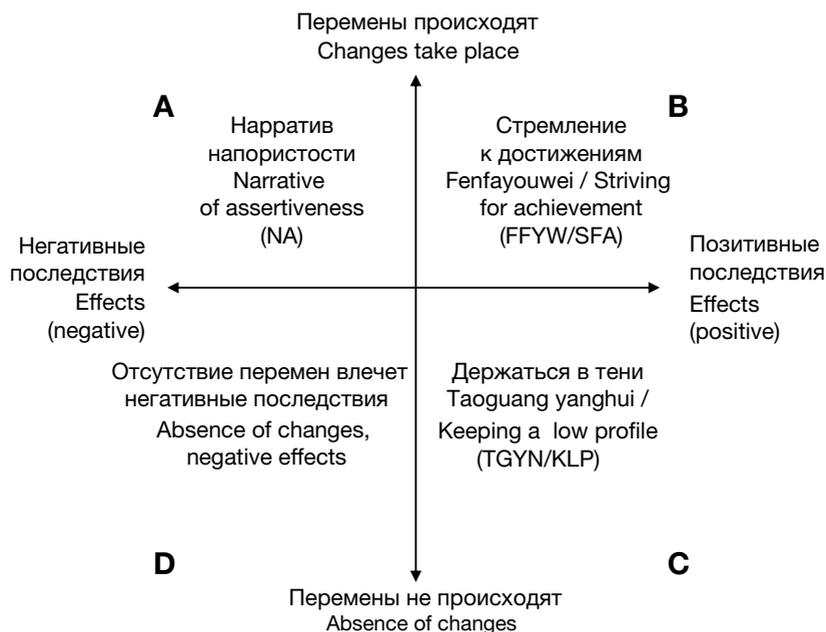
ют на сохранении преемственности в китайской внешней политике, утверждая, что ее естественная эволюция вместе с поступательным развитием страны и мира не приводит к появлению чего-то принципиально нового. Но, опять же, отрицание отсутствия существенных перемен в поведении и международной политике Пекина не означает согласия в оценках этого вывода, прежде всего для самого Китая.

Всё это дает возможность использовать для дифференциации существующего многообразия подходов и мнений в рамках дискуссии о внешней политике современной КНР два достаточно простых критерия: (а) наличие перемен (признание/отрицание); (б) оценка соответствующих возможных эффектов и последствий (позитивные/негативные). В результате появляется матрица 2×2, которая фиксирует различия четырех основных подходов (рисунок).

Они представлены аргументами: (А) подтверждающими начавшиеся перемены и их в основном негативные последствия для мира, отдельных его членов и/или для самого Китая; (В) признающими происходящие изменения (соглашающимися с их необходимостью) и преимущественно позитивные их эффекты; (С) отрицающими наличие (необходимость) каких-либо серьезных перемен, связывающими это с большей вероятностью позитивных последствий; и (D) характеризующими внешнюю политику Китая как сохраняющую прежнее свое содержание с одновременным указанием на недостатки и издержки такой стратегии.

При этом необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, данная схема не предполагает группировки конкретных исследователей, специалистов и экспертов в соответствии с занимаемой ими позицией по рассматриваемой проблеме в тот или иной конкретный период времени. Вместо этого она дает возможность систематизировать аргументы в пользу соответствующей позиции, количество которых, уменьшаясь или увеличиваясь с течением времени, позволяет оценить ее обоснованность. Во-вторых, следует признать, что дифференциация, предлагаемая данной схемой, является в некоторой степени упрощением и условностью. В первую очередь это связано с объективной сложностью типологизации многомерных концептов, каковым, безусловно, является внешняя политика. Это понятие включает множество компонентов — от идейных оснований и стратегических нарративов до переговорных тактик и дипломатического стиля. Каждый из составляющих внешнюю политику компонентов отличается разной степенью стабильности

и изменчивости. Они могут трансформироваться согласованно и независимо друг от друга. Но довольно часто встречающаяся констатация того, что одни элементы внешней политики в какой-то степени изменились, в то время как другие нет, хотя и менее уязвима для критики, не дает возможности провести типологизацию и систематизацию позиций в рамках имеющейся дискуссии². Предлагаемая схема, возможно, несколько упрощая общую картину, позволяет это сделать.

Позиции в дискуссии о внешней политике современного Китая

Positions in the ongoing debate on the current foreign policy of China

Источник/Source: составлено автором / compiled by the author.

² Scobell A. Something old, something new. Continuity and change in China's foreign policy. Testimony presented before the U.S.-China Economic and Security Review Commission on September 9, 2020 // RAND Corporation. 2020. Available at: <https://www.rand.org/pubs/testimonies/CTA774-1.html> (accessed: 08.02.2021).

Наконец, еще одно замечание, более частного характера. Дебаты по вопросу перемен во внешней политике внутри Китая в данном случае рассматривались с опорой главным образом на англоязычные публикации китайских авторов. Это сознательное решение, обусловленное важностью учета в первую очередь тех аргументов и доводов, которые становятся частью общей дискуссии, будучи доступны более широкому кругу специалистов. Кроме того, наличие уже весьма представительного массива качественных публикаций, содержащих глубокий анализ китайских дискуссий по вопросам внешней политики, позволяет не только увидеть общую картину, но и оценить качество и характер аргументации, сопровождающей ту или иную точку зрения, даже без привлечения исследований на китайском языке [Chen, Wang, 2011; Zhang, 2012; Xu et al., 2014; Xu, Du, 2015; Xu, 2016; Pang, 2020].

Современная внешняя политика Китая: содержательная характеристика дебатов

Сектор А. Наличие перемен, негативные последствия. Левый верхний сектор матрицы (А) представлен мнениями и концептуальными построениями, основывающимися не только на том, что китайская внешняя политика вступила в период глубоких перемен, но также на том, что эти перемены влекут по преимуществу негативные эффекты для других членов международного сообщества, региональных и/или глобальных порядков и, как следствие, для самого Китая. Общей основой для многих из этих аргументов выступает нарратив китайской напористости (*assertiveness*), изначально отягощенный главным образом негативными коннотациями.

Появление этого нарратива, довольно быстро превратившегося в популярное и расхожее мнение, по сути, стало одним из триггеров той оживленной дискуссии о характере и причинах предположительного изменения внешней политики Китая, которая с 2009 г. развернулась за его пределами³ [Glaser, Dooley, 2009; Jerdén, 2014; Mastro, 2015]. В соответствии с указанным нарративом неожиданное стремление и готовность Пекина полагаться для достижения своих целей на принудительную дипломатию — комбинацию диплома-

³ Swaine M.D. Perceptions of an assertive China // Carnegie Endowment. 03.05.2010. Available at: <https://carnegieendowment.org/2010/05/03/perceptions-of-assertive-china-pub-40724> (accessed: 03.04.2020).

тических методов и ограниченного применения силы — выступает вполне очевидным индикатором радикального отступления от прежней внешнеполитической стратегии.

Изначально данная гипотеза основывалась на соответствующей интерпретации ряда событий 2008–2010 гг. — от резкой реакции Китая на встречу президента Франции Н. Саркози с Далай-ламой и санкционных угроз в отношении американских компаний, поставляющих вооружения Тайваню, до инцидентов в Желтом и Южно-Китайском морях — как фактических доказательств внезапно ставшей более агрессивной и напористой китайской внешней политики [Zhao, 2011: 2; Johnston, 2013]. Согласно нарративу напористости усиление подобной политики представляет собой фундаментальный сдвиг в китайской дипломатии, отход от позиции сдержанности (*taoguang yanghui*) и ориентации на статус-кво, доминировавших в эпоху после Мао Цзэдуна [Jerdén, 2014: 49]. «Со стратегической точки зрения, — полагают сторонники данного подхода, — поведение Китая в 2009–2010 гг. не было “вспышкой”, означавшей кратковременное отклонение от того курса, который до сих пор сводился к увеличению стратегического веса с минимальными региональными последствиями. Скорее это ознаменовало начало более длительного периода, в котором трения и конфликты, возникающие из-за пересекающихся интересов, растущего военного потенциала и региональной тенденции проводить стратегическую политику в военизированной манере, станут обычным явлением» [Bisley, 2011: 70].

Ряд наблюдателей в начале дискуссии заняли несколько более умеренную позицию, полагая, что напористость Китая не сопровождалась более широким новым видением своей внешней политики. Тем не менее они соглашались с наличием всё большего числа свидетельств, указывающих на то, что «время для изменения подхода Китая к международной политике, кажется, настало» [Zhao, 2011: 1]. И для них новая напористость КНР выглядела как активная, поскольку она не была реакцией на изменившуюся политику других игроков. Развивая аргументацию, сторонники данного подхода стали обращать внимание на целый ряд внутренних факторов как вероятных драйверов перемен во внешней политике Пекина — от возросшей уверенности в способностях китайской экономики, которой быстрее и лучше других удалось справиться с последствиями глобального кризиса, до разочарования в «жесткой позиции США», нацеливающих на сдерживание

роста Китая [Zhao, 2011: 5]. Появилось предположение, что китайское правительство занимает агрессивную позицию, добиваясь укрепления внутренней легитимности [Zhang, 2014]. Стали также высказываться мнения, что для восходящей державы, такой как Китай, вполне нормально менять тренд своей политики в сторону большей уверенности/напористости в связи с расширением целей, при этом США и другим странам необходимо приспособливаться к этому явлению [He, Huiyun, 2012].

Однако, несмотря на то что нарратив новой напористости Китая быстро приобрел популярность в западных медиа и общественном мнении, довольно скоро он стал подвергаться сомнению. Оппоненты утверждали, что он представлял собой скорее идеологический штамп или клише, не имеющее серьезных реальных оснований⁴ [Johnston, 2013]. «Большая часть медиа, научных экспертов и академических аналитиков, — пришел к выводу А. Джонстон, один из первых критиков нарратива напористости, — замалчивают важные доказательства, деконтекстуализируют китайскую дипломатию или опираются на плохо определенные причинные аргументы» [Johnston, 2013: 45]. Он выдвинул два важных тезиса, опровергающих представление о напористости Китая. Первый (теоретический) — концептуальная неясность, поскольку «не существует теории международных отношений, которая бы использовала типологию поведения государства, включающую “напористое поведение” в качестве самостоятельной категории». Второй (фактический) — недооценка в ходе анализа степени напористости определенных политик в прошлом и переоценка объема изменений в дипломатии КНР в 2010 г. и после. По мнению А. Джонстона, «большая часть дипломатии Китая в 2010 г. находилась в пределах диапазона внешнеполитических предпочтений, дипломатической риторики и внешнеполитического поведения, установленных в эпоху Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао» [Johnston, 2013: 8, 31–32]. Принимая во внимание, что государство может проявлять напористость по некоторому ограниченному кругу вопросов и оставлять при этом другие важные направления политики без изменений, заключает исследователь, сложно сделать обоснованный вывод относительно беспрецедентного всплеска напо-

⁴ Gilsinan K. Cliché of the moment: ‘China’s increasing assertiveness’ // The Atlantic. 25.09.2015. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/south-china-sea-assertiveness/407203/> (accessed: 11.09.2020).

ристости Китая по сравнению с другими периодами после холодной войны [Johnston, 2013: 10, 46].

Эта критика, однако, в некотором роде способствовала укреплению нарратива внешнеполитической напористости Китая.

Во-первых, его сторонники, наращивая фактологическую базу доказательств, стали указывать на постоянно растущее число свидетельств, подтверждающих его обоснованность. В качестве недавних примеров, в частности, были названы: одобрение в мае 2020 г. Всекитайским собранием народных представителей закона о национальной безопасности Гонконга, которым подрывались договорные обязательства Пекина в рамках политики «одна страна, две системы»; мобилизация Народно-освободительной армии Китая в районе спорной границы с Индией, что привело к военным столкновениям в апреле и мае того же года; продолжающиеся морские инциденты в Южно-Китайском море; нарушения воздушного пространства Тайваня; военная активность вокруг островов Сенкаку. Эти и ряд других фактов, как полагают некоторые наблюдатели, прямо указывают на то, что внешняя политика Китая продолжает демонстрировать «поразительный уровень напористости». Более того, хотя движение в более агрессивном направлении эта политика начала ранее, скорость и масштаб сдвигов в последнее время превосходят прогнозы самых осторожных аналитиков. «Это, — считают они, — представляет собой качественный сдвиг в сравнении не только с фазой напористости Китая, которую мы можем датировать до последствий глобального финансового кризиса 2008 г., но и с недавней фазой, которую мы наблюдали уже при руководстве Си Цзиньпина»⁵.

Во-вторых, аргументация, подтверждающая тезис о растущей напористости Китая во внешней политике как свидетельстве ее радикальной трансформации с негативными последствиями, стала расширяться за счет акцентирования внимания на переменах в риторике руководителей страны и ее официальных представителей. Как отмечают некоторые наблюдатели, основываясь на анализе речей и выступлений в ходе XIX съезда Коммунистической партии Китая (КПК) (октябрь 2017 г.), «главный вывод для международно-

⁵ Small A., Dhruva J. 'For our enemies, we have shotguns': Explaining China's new assertiveness // War on the Rocks. 20.07.2020. Available at: <https://warontherocks.com/2020/07/for-our-enemies-we-have-shotguns-explaining-chinas-new-assertiveness/> (accessed: 23.02.2021).

го сообщества заключается в том, что Си Цзиньпин чрезвычайно уверен в растущей национальной мощи Китая и видит, что международные тенденции работают в пользу Китая. На фоне расширения глобальных интересов Китая эти оценки предполагают, что международное сообщество может столкнуться с еще более напористым Китаем в ближайшие годы»⁶. Еще одним свидетельством в пользу нарратива напористости многие считают меняющийся в последнее время стиль китайской дипломатии. «Воинственные публичные заявления китайских официальных лиц, — отмечается в этой связи, — не являются новостью, но до недавнего времени они, как правило, исходили не от дипломатов»⁷. Сегодня ситуация изменилась столь радикально, что для ее характеристики стали использовать понятие «дипломатия воинов-волков» (*wolf-warrior diplomacy*)⁸. «Этот новый подход <...>, — констатируют в том числе и китайские авторы, — кажется, пользуется некоторой популярностью в Китае и усиливает предполагаемый переход китайской дипломатии от консервативной, пассивной, сдержанной к напористой, проактивной и заметной»⁹. «Новое поколение молодых дипломатов отказывается от устоявшихся дипломатических норм в пользу агрессивной пропаганды корыстного нарратива Китая <...>, — отмечает один из них. — Это называется дипломатией “воинов-волков”, и это имеет неприятные последствия»¹⁰.

⁶ Glaser B.S., Funaiole M.P. The 19th party congress: A more assertive Chinese foreign policy // The Interpreter. 26.10.2017. Available at: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/19th-party-congress-more-assertive-chinese-foreign-policy> (accessed: 12.09.2020).

⁷ Charlton B. Beijing's ambitions and assertiveness will grow // Daily Brief. 24.09.2020. Available at: <https://dailybrief.oxan.com/Analysis/DB256448/Beijings-ambitions-and-assertiveness-will-grow> (accessed: 18.01.2021).

⁸ Kausikan B. Zeal and China's wolf warrior diplomacy // Global Brief. 01.06.2020. Available at: <https://globalbrief.ca/2020/06/zeal-and-chinas-wolf-warrior-diplomacy/> (accessed: 21.11.2020); Gokhal V. The changing nature of Chinese diplomacy // The Hindu. 20.05.2020. Available at: <https://www.thehindu.com/opinion/lead/the-changing-nature-of-chinese-diplomacy/article31626501.ece> (accessed: 11.10.2020).

⁹ Zhu Z. 'Wolf-warrior diplomacy': China's new normal? // ThinkChina. 04.05.2020. Available at: <https://www.thinkchina.sg/wolf-warrior-diplomacy-chinas-new-normal> (accessed: 22.01.2021).

¹⁰ Pei M. Chinese diplomats behaving badly // Project Syndicate. 09.06.2020. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-reputation-wolf-warrior-diplomacy-covid19-by-minxin-pei-2020-06?barrier=accesspaylog> (accessed: 21.02.2021).

Дополнительным доводом в пользу нарратива напористого Китая стало утверждение о его настойчивом стремлении продвигать собственные нормы и подходы к управлению, используя цифровую цензуру, экономические рычаги для подавления голосов в демократических странах и, в более широком смысле, влияя на демократические системы за рубежом¹¹ [Chinese influence & American interests..., 2018]. Это утверждение привело к появлению концепции «острой силы» (*sharp power*), описывающей специфический «подход к международным делам, который обычно включает усилия по цензуре и использованию манипуляций для подрыва независимых институтов. Не являясь ни “жесткой”, но и не “мягкой”, острая сила имеет своим эффектом ограничение свободы выражения и искажение политической среды...»¹². В рамках этой концепции внимание акцентируется как на том, что в «новую эпоху борьбы Китай стал играть более важную роль на мировой арене», так и на неожиданной способности таких авторитарных государств, как Китай, оказывать влияние за рубежом¹³.

В-третьих, высказанный А. Джонстоном упрек по поводу зыбкости теоретического фундамента, на который первоначально опирался нарратив напористости Китая, не только не подорвал доверие к последнему, но, наоборот, позволил найти дополнительные аргументы в его пользу. Отталкиваясь от утверждений, согласно которым в последние годы Китай усиливает как свою риторику, так и свою фактическую напористость, и признавая, что подобные утверждения довольно часто ограничиваются анекдотическими стычками доводов и опровержений, группа исследователей Центра стратегических

¹¹ Benner T., Gaspers J., Ohlberg M. et. al. Authoritarian advance. Responding to China's growing political influence in Europe // GPPI. 05.02.2018. Available at: <https://www.gppi.net/2018/02/05/authoritarian-advance-responding-to-chinas-growing-political-influence-in-europe> (accessed: 20.12.2020).

¹² International Forum for Democratic Studies 'Sharp power: Rising authoritarian influence'. Washington, D.C.: National Endowment for Democracy, 2017. Available at: www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Introduction-Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence.pdf (accessed: 11.09.2020); Nye J.S. China's soft and sharp power // The Strategist. 08.01.2018. Available at: <https://www.aspistrategist.org.au/chinas-soft-sharp-power/> (accessed: 20.12.2020).

¹³ International Forum for Democratic Studies 'Sharp power: Rising authoritarian influence'. Washington, D.C.: National Endowment for Democracy, 2017. P. 2. Available at: www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Introduction-Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence.pdf (accessed: 11.09.2020).

исследований в Гааге (HCSS) предприняла попытку разработать согласованную теоретическую модель изучения напористости как основу для формулирования более обоснованных выводов по поводу характера внешней политики не только КНР, но и других государств [De Spiegeleire, Chivot, 2014: 4]. Предложив скорректированное определение базового понятия «напористость», ученые разработали типологическую схему, позволяющую разграничить, с одной стороны, негативную, нейтральную и позитивную напористость, с другой — напористость объективную и субъективную, которая в свою очередь может выступать в форме фактической или риторической [De Spiegeleire, Chivot, 2014: 13]. Затем, используя глобальные базы данных событий (GDELT), веб-страниц официальных сайтов министерств иностранных дел (HCSS Off-Base) и релевантных научных статей (EBSCO), они предприняли попытку оценить обоснованность тезиса напористости Китая с опорой на более широкий временной и фактологический фундамент [De Spiegeleire, Chivot, 2014: 13–16].

Полученные данные позволили исследователям прийти к нескольким важным выводам. Так, они констатируют, что КНР позиционирует себя как великую державу, стремящуюся к мирному подъему, и при этом осуждает напористость и напористое поведение других субъектов, особенно тех, которые угрожают ее интересам. Одновременно с этим «Китай изображает себя великой державой, которая всё больше заявляет о своем национальном величии». Его фактическая напористость возросла больше, чем риторическая, однако позитивная/нейтральная напористость по-прежнему перевешивает негативную. Также обнаружено мало доказательств негативной военной напористости, равно как и позитивной/нейтральной экономической китайской напористости [De Spiegeleire, Chivot, 2014: 31, 49]. Напористость Китая «наиболее твердо (и всё чаще) выражается в вопросах территориального суверенитета и, как правило, проявляется на региональном уровне» [De Spiegeleire, Chivot, 2014: 26]. Наконец, делают вывод авторы исследования, напористость КНР во многом оставалась неизменной в течение длительного времени, и этот факт, как правило, указывает на то, что она «может быть не такой недавней, как утверждают многие “западные” специалисты» [De Spiegeleire, Chivot, 2014: 26].

К аналогичным выводам пришел и автор недавнего исследования, основанного на ретроспективном анализе поведения Пекина в ходе морских инцидентов в Южно-Китайском море. Как отмечает эксперт,

«напористость КНР в Южно-Китайском море усиливалась в той или иной форме почти каждый год с 1970 г. и каждый год с 1990 г.», т.е. отнюдь не является какой-то новацией [Chubb, 2020/21: 97, 119].

Всё это ясно говорит о том, что напористость Китая и использование им в своей внешней политике принуждения, скорее всего, сохранятся и в обозримом будущем. Этот тренд является результатом преднамеренного стратегического решения и пользуется всё более широкой поддержкой внутри страны как наиболее эффективная внешнеполитическая стратегия [Mastro, 2015: 153].

Отметим, что российские исследователи при анализе внешней политики и международного поведения современного Китая, как правило, избегают понятия «напористость». Даже соглашаясь с появлением всё большего числа свидетельств, указывающих на очевидные перемены в его внешнеполитической стратегии, только немногие из них и в достаточно осторожной форме указывают на ряд вызывающих опасения последствий таких перемен [Модель развития современного Китая..., 2019: 117–160]. «С практической точки зрения, — отмечает, например, А.В. Лукин, — России было бы удобнее иметь дело с менее “самоуверенным” Китаем, так как сторонники самоуверенности часто вспоминают о якобы существующих российских “территориальных долгах” и считают, что великий Китай может обойтись в мире без каких-либо друзей и партнеров» [Лукин, 2019: 88].

Сектор В. Наличие перемен / позитивные последствия. Если нарратив напористости, отражающий представления о наличии радикальных изменений в китайской внешней политике, чреватых негативными последствиями для международных отношений, наиболее распространен в общественном мнении и академической среде за пределами КНР, то позиция, признающая наличие перемен, но акцентирующая их необходимость, неизбежность и позитивный характер, более характерна для китайских политиков, исследователей и общественности¹⁴.

¹⁴ В китайских дискуссиях термин «напористость» не очень популярен и используется в основном в критических публикациях. Наиболее распространенным его эквивалентом может считаться понятие «стремление к достижениям» (*fenfa youwei*). Наряду с этим для характеристики поворота Китая к более активной стратегии внешней политики используют и другие фразы, такие как «быть более активным» (*гэнцзя цзицзи*), «проявлять большую инициативу» (*гэнцзя чжудун*), «активно идти вонне» (*цзицзи цзиньцюй*).

Конечно, среди сторонников этой точки зрения немало и внешних наблюдателей, которые, соглашаясь с тезисом о напористости, оспаривают обычно подразумеваемый в этом случае негативный подтекст [Christensen, 2011]. Некоторые из них в дискуссии, развернувшейся по поводу растущей китайской напористости, стали высказывать мнение, что напористость — это далеко не то же самое, что агрессия¹⁵, и наряду с наступательной можно говорить об оборонительной и даже конструктивной напористости. При этом все эти разные типы напористости, по их мнению, не обязательно должны исключать друг друга [Chen et al., 2013/14: 177].

И всё же основные аргументы в пользу возможности/необходимости более активной внешней политики, расширяющей перспективы развития КНР без ущерба для существующей системы международных отношений, были выдвинуты в контексте широкой внутренней дискуссии о китайской внешней политике, имеющей продолжительную историю. На разных этапах эта дискуссия разворачивалась вокруг наиболее актуальных тем, связанных с интерпретацией международного окружения и адекватных стратегий внешнеполитического поведения страны [Zhu, 2010]. В современном виде, начиная с середины 1990-х годов, она приобрела характер спора между сторонниками новой стратегии активных действий («стремление к достижениям» — *fenfa youwei / striving for achievement*, FFYW/SFA) и защитниками традиционной политики сдержанности — *taoguang yanghui / keeping a low profile* (TGYH/KLP) [Chen, Wang, 2011; Xu, Du, 2015: 253]. «Дискурс о международной стратегии Китая, — как отмечает Цинь Яцин, — был сосредоточен в основном на одном вопросе: изменилась ли его внешняя политика с 2009 по 2010 г. в результате фундаментального отхода от KLP — важнейшей международной стратегии Китая за последние два десятилетия — и принятия стратегии SFA, где “напористость”, похвальная или уничижительная, является наиболее отличительной чертой и новой определяющей характеристикой изменившейся международной стратегии Китая» [Qin, 2014: 285]. При этом, хотя связь подобных споров с реальной политикой Пекина трудно установить [Zheng, 2016], сам факт наличия такой дискуссии используется в качестве дополнительного

¹⁵ Напористость и агрессия пересекаются только в некоторых контекстах. По большей части это два разных типа поведения [Hollandsworth, 1977].

аргумента для обоснования своей позиции сторонниками тезиса о китайской напористости¹⁶.

Новые тенденции во внешней политике Китая, по мнению одних, стали очевидны на рубеже 2004–2005 гг., которые «войдут в историю как поворотный момент в развитии китайской дипломатии» [Lam, 2007: 160]. Другие в качестве рубежа появления «напористой дипломатии» КНР называют 2009 год [He, Huiyun, 2013: 210]. Третьи убеждены, что такого рода перемены, равно как и перелом в ожесточенных дебатах между сторонниками FFYW и TGYH, произошел в 2010 г. после инцидента, связанного с задержанием японскими пограничниками китайского траулера в спорных водах вокруг остров Сенкаку/Дяоюйдао. Наконец, много внимания уделяется в этом контексте роли Си Цзиньпина. В этой связи отмечается, что именно его приход к власти привел к трансформации китайской внешней политики из «несогласованной и ни к чему не обязывающей в более скоординированную, активную, творческую и напористую» [Ferdinand, 2016: 942], положив конец предшествовавшей эпохе «бездействия» (*у вэй*) Ху Цзиньтао¹⁷. Окончательно этот переход был зафиксирован выступлением Си Цзиньпина на Рабочей конференции по дипломатии в отношении соседних государств (Working Conference on Neighbouring State Diplomacy) в октябре 2013 г.¹⁸ В этом выступлении Си Цзиньпин официально представил стратегию стремления к достижениям (*fenfa youwei* — FFYW), дав сигнал о трансформации внешней стратегии Китая [Xuetong, 2014: 154; Sørensen, 2015; Demir, 2019].

Начавшиеся перемены, по мнению сторонников FFYW, имеют под собой объективную основу. Одним из важнейших обстоятельств в этом смысле выступает растущая национальная мощь Китая. В на-

¹⁶ Следует заметить, что в действительности дискуссия между защитниками *taoguang yanghui* и сторонниками *fenfa youwei* содержательно охватывает не только собственно набор тактических принципов внешней политики, сформулированный Дэн Сяопином, но и более фундаментальные положения, закрепленные в пяти принципах мирного сосуществования [Zheng, 2016; Liu R., Liu F., 2016].

¹⁷ Cary E., Cheng L. The last year of Hu's leadership: Hu's to blame? // Brookings. 20.12.2011. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/the-last-year-of-hus-leadership-hus-to-blame/> (accessed: 03.04.2020).

¹⁸ Тем не менее ряд китайских специалистов считают, что именно под руководством Ху Цзиньтао Китай перешел к более активной внешней политике. При нем, по мнению Юань Пэна, началась смена акцентов в формуле Дэн Сяопина с необходимости «скрывать способности и ждать своего времени» на «стремление к достижениям» [Bhattacharya, 2015: 79–80].

стоящий момент она «достигла точки, когда пришло время “активно что-то делать”, что является последней частью максимы выживания Дэн Сяопина»¹⁹. По мере роста национальной мощи КНР с неизбежностью происходит расширение ее национальных интересов и растет потребность в их защите. Соответственно Китай не может вести себя пассивно, как это было в 1990-х годах [Su, 2009; Zhang, 2009]. Он не может «скрывать свою яркость», как слон не может спрятаться за деревом. И чем дольше Пекин будет продолжать пытаться это делать, тем больше он будет порождать недоверие» [Ye, 2002]²⁰. Другими словами, с течением времени стратегия Китая будет и должна меняться. «ТГУН как *де-факто* дипломатическая стратегия просто не может быть механически ассимилирована в своем первоначальном значении без адаптации ее к новой позиции Китая в мире и новым международным условиям, с которыми он сталкивается» [Chen, Wang, 2011: 214]. Более того, данная стратегия, по мнению ее критиков, не лишена изъянов и слабостей. Во-первых, ее следует рассматривать как «политику удобства», соответствующую конкретным историческим условиям. Во-вторых, сама ее формулировка, которая обычно переводится как «скрывать свои возможности и выжидать своего времени», с неизбежностью создает путаницу, увеличивает подозрения и ведет к ошибочным представлениям о реальных намерениях Китая [Xiong, 2010].

Всё это, как отмечает, в частности, Янь Сюэтуан, делает потребность в реформе внешней политики КНР настоятельной и необходимой. Основными ее элементами должны стать готовность к противостоянию с другими странами, а не избегание конфликтов по мере увеличения их вероятности; стремление к развитию, а не к сохранению «периода стратегических возможностей», поскольку последнее всегда является пассивным; формирование международного общества, а не просто встраивание в него, и, наконец, отказ от принципов «неприсоединения» в пользу создания «сообщества

¹⁹ Ван Л. Юэнань цэн по ши чжунго фан ци нан хай кан тан, жэнь ранг хуан бу лай хэ пин [Вьетнам заставил Китай отказаться от бурения в Южно-Китайском море, терпение не приводит к миру] // Mil. Huanqiu. 20.06.2014. Available at: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnJF5SQ> (accessed: 03.04.2020). (In Chinese).

²⁰ Deng Y. How to understand China's foreign policy // Foreign Policy. 23.04.2013. Available at: <https://foreignpolicy.com/2013/04/23/how-to-understand-chinas-foreign-policy/> (accessed: 03.04.2020).

общей судьбы» [Xuetong, 2014]. Успех такой реформы, убежден Сюй Цзинь, невозможен без развенчания нескольких доминирующих в китайской внешней политике мифов, среди которых: представление о необходимости сохранения Китаем сдержанности; отказ от альянсов; отказ от стремления к лидерству; отрицание цели превращения в сверхдержаву; признание китайско-американских отношений в качестве приоритетных; рассмотрение внешней политики исключительно в качестве инструмента экономического развития. Все эти мифы должны быть отброшены, поскольку новая эра требует новых идей [Ху, Ду, 2015]²¹.

В сфере практической политики к числу свидетельств всё более очевидного сдвига в поведении Китая от прежней «сдержанности» к «большей решительности», по мнению многих китайских и зарубежных экспертов, могут быть отнесены его более жесткий подход к территориальным спорам с соседними странами [Zhou, 2016]; большой интерес к различным «горячим точкам» и большая настойчивость в ООН; стремление активно участвовать в глобальном экономическом управлении²²; многочисленные визиты китайских лидеров по всему миру и расширение «форумной дипломатии» для привлечения на свою сторону государств в самых разных регионах мира; всё более настойчивые требования формирования нового типа отношений с США²³. К этим же свидетельствам можно отнести эйфорию и триумфализм, пронизывавшие доклад Си Цзиньпина на XIX съезде КПК²⁴. «Все основные черты новой внешней политики Китая, — констатирует Чжан Баохуэй, — указывают на то, что Китай считает себя растущей мировой державой» [Zhang, 2010: 61].

²¹ Chen D. Chinese foreign policy needs major reform. Tao Guang Yang Hui or Fen Fa You Wei? This is the question for China // *The Diplomat*. 21.08.2021. Available at: <https://thediplomat.com/2014/08/chinese-foreign-policy-needs-major-reform/> (accessed: 03.02.2021).

²² Ван Л. Указ. соч.

²³ Perlez J. Chinese president to seek new relationship with U.S. in talks // *The New York Times*. 28.05.2013. Available at: www.nytimes.com/2013/05/29/world/asia/china-to-seek-more-equal-footing-with-us-in-talks.html?pagewanted=all&module=Search&mabReward=relbias%3As%2C%7B%221%22%3A%22RI%3A10%22%7D (accessed: 23.01.2021).

²⁴ Zhang F. Striving for power: Chinese foreign policy in Xi Jinping's 'new era' // *Aspistrategist*. 13.11.2017. Available at: <https://www.aspistrategist.org.au/striving-for-power-chinese-foreign-policy-in-xi-jinpings-new-era/> (accessed: 02.07.2020).

Стратегия «стремления к достижениям», уверен Янь Сюэтунь, уже внесла большой вклад в улучшение международного положения КНР [Xuetong, 2014]. Двусторонние отношения с США, по его мнению, стали более стабильными, потому что и Пекин, и Вашингтон теперь допускают структурный конфликт и, следовательно, исключают завышенные и необоснованные взаимные ожидания, которые в итоге оборачиваются лишь разочарованием [Xuetong, 2014: 183]. Основные конкуренты Китая, полагает исследователь, всё больше приспособляются к его интересам как раз благодаря растущей напористости внешней политики. Залогом успеха в этом случае выступает стремление КНР к стратегическому партнерству, которое исходит не из погони за прибылью, а из политических соображений [Mastro, 2015: 160]. Возможные негативные эффекты в связи с происходящей трансформацией внешнеполитической стратегии, полагают сторонники FFYW, являются объяснимыми и преходящими. Так, осязаемое беспокойство Соединенных Штатов и некоторых соседних стран, говорят они, вполне естественно, но не опровергает эффективности новой стратегии. Многие страны «привыкли к слабому и уступчивому (*жэнь жу фу чжун*) Китаю, поэтому они по понятным причинам поражены недавней тенденцией его ответа». Но они будут приспособляться, а стратегия не должна меняться [Mastro, 2015: 160].

Вместе с тем, поддерживая более активный внешнеполитический подход, ряд китайских специалистов призывают к осторожности. Китаю, отмечают они, нужно «научиться использовать свою силу, чтобы вызывать уважение, не проявляя излишней сварливости или гордости. Это критический период для подъема Китая, и последнее, что нужно стране, — это спровоцировать надежное балансирование, призванное помешать подъему Китая»²⁵.

Таким образом, «появление более напористого Китая неизбежно, но эта напористость не должна быть плохой для остального мира. Есть обоснованные причины для беспокойства, если Китай начнет применять наступательный напористый внешнеполитический подход, но мы видим мало свидетельств этого» [Chen et al., 2013/14: 180]. Тем не менее «Запад должен быть полностью подготовлен к

²⁵ Чжан Л. Чжунго вай цзяо фэн ге чжуань син сю цзинь шэнь [При изменении дипломатического стиля Китая необходимо проявлять осторожность] // The Financial Times. 17.12.2013. Available at: <http://www.ftchinese.com/story/001053962> (accessed: 23.05.2020). (In Chinese).

пониманию новой великой стратегии Китая и <...> придумать свою собственную великую стратегию²⁶.

От себя заметим, что к этой позиции близка точка зрения большей части российских специалистов. Как и многие китайские исследователи, признавая факт заметных перемен во внешней политике современного Китая, они либо избегают каких-либо оценочных мнений [Портяков, 2019], либо приходят к выводу, что «доминирующим мотивом для нового китайского руководства останется сохранение стабильности внутри страны и за её пределами как обязательное условие дальнейшего реформирования и развития страны» [Лузянин, 2012а: 314]. Другими словами, «внешняя политика КНР становится более активной, оставаясь не вызывающей» [Мамонов, 2010: 49–50].

Сектор С. Отсутствие перемен / позитивные эффекты. Данный сектор объединяет достаточно разнородные позиции зарубежных и китайских специалистов, которые не находят сколько-нибудь значимых подтверждений перемен, происходящих во внешней политике Китая, или рассматривают некоторые инновации в этой сфере как проявления естественного эволюционного процесса, отличающегося непрерывностью. Одновременно они либо отрицают какие-либо издержки, связанные с сохранением Китаем его прежней внешнеполитической стратегии, либо даже настаивают на выгодности этого сценария для него самого и всей системы международных отношений.

Уже упоминавшийся ранее А. Джонстон, один из первых критиков нарратива «напористого Китая», прямо заявил, что «Китай не становится более напористым в относительном выражении по сравнению с прошлым». Более того, «вводящая в заблуждение популярная версия напористости Китая, — по его мнению, — опасна, потому что может привести к принятию США контрпродуктивной политики против Китая» [Johnston, 2013: 8]. Вслед за ним и другие зарубежные наблюдатели стали сообщать о безуспешности поисков новой китайской напористости, придя к выводу, что внешняя политика КНР за прошедшие годы не претерпела кардинальных изменений [Reeves, 2013; Jerdén, 2014]²⁷. «Мы должны обращать

²⁶ Chen D. China has a new grand strategy and the West should be ready // The Diplomat. 31.10.2017. Available at: <https://thediplomat.com/2017/10/china-has-a-new-grand-strategy-and-the-west-should-be-ready/> (accessed: 13.02.2021).

²⁷ Rumi A. Where is China's foreign policy headed // Nippon. 15.06.2012. Available at: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a00802/> (accessed: 03.04.2020).

внимание не только на то, что люди говорят, — как особо было подчеркнуто в одной из работ, посвященных данной теме, — но и на то, что они делают. <...> Изменение того, что люди говорят и пишут, не должно неизбежно и прямо приводить к изменению их поведения. Ряд сообщений о новой напористости Китая, возможно, допускают эту “дискурсивную ошибку” и ошибочно принимают изменения в китайских неофициальных дискурсах за изменения во внешней политике» [Jerdén, 2014: 80].

В дискуссиях внутри КНР защитники *taoguang yanghui* настаивают не только на неизменности проводимой страной внешней политики, по крайней мере в основных ее проявлениях, но и на необходимости (выгоде) сохранения приверженности принципам традиционной стратегии. Они рассматривают ТГҮН как основу взаимодействий КНР с остальным миром, которую следует оставить неизменной, потому что Китай по-прежнему очень слаб, а его рост представляет собой продолжительный прогресс. ТГҮН, убеждены эти исследователи, — не тактическая уловка, как многие полагают на Западе, а долгосрочная стратегия. Она, по мнению Ван Юшена, хороша для Китая независимо от его экономического уровня, этапа развития или от его силы²⁸. Многие ссылаются на слова Дэн Сяопина, который утверждал, что «даже если Китай будет хорошо развит и станет сильной нацией в будущем, мы никогда не будем стремиться стать лидером, стремиться к гегемонии, стремиться к сфере влияния, никогда не примкнем к какой-либо фракции в мировой политике, никогда не станем вмешиваться во внутренние дела других народов»²⁹. В соответствии с этой логикой Китай всегда должен сохранять сдержанность и быть скромным. Скромность — это добродетель в китайской культуре. Следование этой стратегии способно обеспечить долгосрочную выгоду Китаю, тогда как стремление к гегемонии не принесет ему ничего хорошего. С этим соглашаются целый ряд китайских авторов, указывающих на «необходимость избегать гегемонистского поведения даже после того, как Китай достиг международного влияния»³⁰.

²⁸ Sun B. Tao Guang Yang Hui as a strategy — is China a threat? // Sun-bin. 04.07.2005. Available at: <http://sun-bin.blogspot.ru/2005/07/is-china-threat-iii.html> (accessed: 22.01.2021).

²⁹ Ibidem.

³⁰ Godement F. China's neighbourhood policy: A CICIR roundtable // China's Neighbourhood Policy. China Analysis. ECFR.EU. February 2014. Available at: <https://www.>

Более того, полагают некоторые китайские исследователи, потребность в изменении внешнеполитической стратегии пока отсутствует, поскольку не изменился ни внутренний контекст, но международный статус КНР как крупнейшей развивающейся страны мира [Shi, 2018]. Несмотря на большие перемены на международной арене, Китай всё еще недостаточно силен, чтобы противостоять крупным державам, которые продолжают играть ведущую международную роль. Он по-прежнему является развивающейся страной, которая находится на начальной стадии социализма и сталкивается с множеством проблем в ходе своего мирного развития и модернизации. На международной арене Китай должен продолжать «скрывать свою яркость», чтобы не дать никому оснований для нападков из-за его «напористой» дипломатии или экономических достижений. И поскольку стране предстоит пройти долгий путь до осуществления национального возрождения, лучшим вариантом будет оставаться в тени [Shi, 2018].

В некоторых случаях защитники ТГҮН прямо указывают на опасность отказа от конкретных установок традиционного подхода к внешней политике [Onnis, 2014: 49–50, 52]. Так, если Китай, добровольно или неосознанно, возьмет на себя лидерскую роль, это может заставить западные государства объединиться против него, чтобы предотвратить его подъем. Одновременно с этим, жертвуя мирным ростом для реализации внешнеполитических амбиций, Пекин также может потерпеть неудачу в реформировании мирового порядка. Кроме того, принцип отказа от лидерства проистекает из традиционной китайской политической философии, где утверждается, что «первая птица, которая взлетит, будет убита первой» [Xu, Du, 2015: 262]. Точно так же отказ от следования принципу невмешательства способен подорвать доверие и поддержку Китая со стороны многих развивающихся стран и ведет к ненужным международным обязательствам, выходящим за пределы его возможностей [Zheng, 2016]. Таким образом, заключает Цинь Яцин, основная внешнеполитическая стратегическая КНР — упор на американо-китайские отношения, отказ от союзов, опора на экономическую дипломатию — продолжится даже по мере изменения некоторых политик [Qin, 2014].

При этом сторонники данной точки зрения не отрицают в принципе возможности роста напористости в международном поведении Китая в будущем. «По мере того как его сила и статус в международной системе продолжают расти, — полагают они, — Китай будет становиться всё более напористым» [Chen et al., 2013/14: 178].

Тем не менее в настоящий момент ключевые элементы традиционной внешней политики КНР всё еще сохраняются³¹. Остаются неизменными как основные задачи международной стратегии Китая — создание и поддержание внешней среды, благоприятной для внутреннего развития, — так и средства их решения. Поскольку внутренние дела сохраняют приоритет в международном стратегическом мышлении Пекина, менять эту ориентацию, ставя внешние вопросы выше внутренних, неразумно и нецелесообразно, поэтому «резкий поворот от одной стратегии к другой нецелесообразен, <...> преемственность через изменения является наиболее реалистичным описанием нынешней международной стратегии Китая» [Qin, 2014: 302].

Эти оценки разделяют и значительная часть российских экспертов [Лексютина, 2014: 138]. В частности, И.Е. Денисов отмечает: «Даже сегодня глубинная неуверенность Китая в собственных силах по-прежнему сдерживает его переход к более амбициозной внешней политике» [Денисов, 2017: 87].

Сектор D. Отсутствие перемен / негативные эффекты. В этой части отсутствует сколько-нибудь согласованный и последовательный набор идей или гипотез. Мало кто внутри Китая и за его пределами в рассматриваемой дискуссии опирается на явную критику ТГУН. Даже наиболее последовательные сторонники FFYW предпочитают аргументы, связанные с необходимостью поиска адекватного ответа на новые вызовы и изменение внутреннего и международного контекста. Тем не менее ряд китайских специалистов, хотя и довольно сдержанно, указывают на изъяны внешней политики КНР в духе сдержанности. Как показывает практика, предполагаемые ее преимущества — позитивный международный имидж или большая поддержка со стороны соседних стран — так

³¹ Ren Y. Why claims of China's assertiveness are false // Global Times Published. 20.09.2017. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/1067385.shtml> (accessed: 11.08.2020).

и не реализовались [Xuetong, 2014: 161]. Сдержанность КНР, говорят они, не помешала Вьетнаму и Филиппинам бросить вызов суверенитету Китая и не заставила премьер-министра Японии Синдзо Абэ отказаться от посещения храма Ясукуни. Она не повлияла на жесткую конфронтационную позицию США, свидетельством чего являются драматические взлеты и падения в китайско-американских отношениях. Всё это подтверждает неспособность стратегии ТГҮН, при всех ее достоинствах, обеспечить благоприятные условия для развития Китая. Принципы гармоничного сосуществования и мирного развития, по мнению одного из китайских военных аналитиков, не находят отклика во многих странах, и продвижение этих идей Китаем было столь же неэффективным, как «играть корове на цитре» [Mastro, 2015: 160].

Вместе с тем, констатирует Янь Сюэтун, поскольку «основной ценностью ТГҮН выступало накопление богатства, что рассматривается как эгоистичная, а не моральная ценность в каждой цивилизации, эта политика, по сути, подрывает имидж Китая в мире и является вредной для осуществления национального омоложения» [Xuetong, 2014: 184]. И наносимый ею ущерб международному имиджу страны всё более возрастает по мере роста мощи КНР, когда ее отказ от международной ответственности всё в большей степени воспринимается в качестве своекорыстной и безнравственной позиции [Xuetong, 2014: 184]. Наконец, даже если Китай будет продвигать политику, в рамках которой возникающие споры предлагается решать разумным способом, его «основные интересы не могут быть “отложены” для рассмотрения в будущем независимо от того, сколько трудностей они вызывают сейчас» [Mastro, 2015: 160]. Иными словами, даже «при сохранении статус-кво Китай может быть вынужден вести себя агрессивно, если он столкнется со слишком большим давлением со стороны международной системы» [He, Huiyun, 2013: 216].

* * *

Тема перемен во внешней политике Китая в качестве предмета широких академических дебатов не теряет своей актуальности в течение всего последнего десятилетия. Начало им было положено дискуссией 2009–2010 гг., которая после краткого затишья вновь

оживилась в 2012–2013 гг. и продолжается вплоть до настоящего времени. Несмотря на ее незавершенность, сегодня остается всё меньше исследователей, оспаривающих факт перемен во внешней политике современного Китая, представляющих собой, по определению Ч. Херманна, «программный сдвиг», при котором используются новые методы для достижения целей внешней политики государства наряду с интенсификацией уже существующих практик [Hermann, 1990].

По мнению большинства внешних наблюдателей, ситуация явно начала меняться с 2009 г. в результате осознания Китаем своей растущей национальной мощи — процесса, который был значительно ускорен глобальным финансовым кризисом и успешным проведением Олимпийских игр 2008 г. в Пекине³². Попытки анализа и осмысления этой тенденции привели к появлению и всё более широкому распространению дискурса «напористого Китая». Понятие напористости, выступавшее первоначально в качестве содержательно не вполне ясного и эмоционально нагруженного определения, по мере развертывания дискуссии постепенно стало приобретать всё большую концептуальную определенность и инструментальный характер, способствуя, кроме прочего, совершенствованию общей теоретической основы исследований и анализа внешней политики. Одна из первых теоретических моделей напористости была разработана группой исследователей Центра стратегических исследований в Гааге (HCSS) [De Spiegeleire, Chivot, 2013]. Попытки конкретизации концепта и придания ему большей точности получили дальнейшее развитие в ряде последующих исследований, опирающихся как на общие подходы, так и на конкретные кейсы³³ [Hung-Jen, 2018; Zhu, 2019; Chubb, 2020/21].

Еще раньше изменения во внешней политике КНР стали предметом обсуждения в китайской академической среде, результатом чего было появление внутри страны параллельного нарратива перемен как перехода от предшествующей стратегии сдержанности (*taoguang yanghui*) к новой стратегии стремления к достижениям

³² Hass R., David M., Rubenstein J.L. The trajectory of Chinese foreign policy: From reactive assertiveness to opportunistic activism // The ASAN Forum. 04.11.2017. Available at: <http://www.theasanforum.org/the-trajectory-of-chinese-foreign-policy-from-reactive-assertiveness-to-opportunistic-activism> (accessed: 09.11.2020).

³³ Zhu Z. Op. cit.

(*fengfa youwei*) [Study on international politics in contemporary China, 2020: 173–176]. По мнению некоторых китайских экспертов, новый тренд во внешней политике Китая стал очевидным в 2004–2005 гг., которые с полным основанием можно рассматривать как «поворотный момент в китайской дипломатии» [Lam, 2007: 160]. Ряд исследователей полагают, что начало нового внешнеполитического курса Китая следует увязывать с 2006 г. [Zhang, 2010]. Завершением же переходного этапа, по признанию многих из них, стала Рабочая конференция КПК по иностранным делам (октябрь 2013 г.), на которой стратегия стремления к достижениям была официально представлена в качестве руководства к действию [Xuetong, 2014].

Сегодня сторонники концепции «напористого Китая» обнаруживают всё большее количество свидетельств, подтверждающих их позицию, включая новые внешнеполитические инициативы Си Цзиньпина; растущую настойчивость китайских дипломатов в отстаивании ими «основных интересов» и имиджа КНР как великой державы; меняющееся поведение Китая в ООН, а также его готовность вступать в споры одновременно с несколькими соседями, чего раньше он всеми силами избегал. Накопление числа подобных фактов, демонстрирующих напористую и всё более заметную внешнюю политику, рассматривается большинством зарубежных наблюдателей как подтверждение серьезного сдвига во внешнеполитическом поведении Пекина³⁴ [Lootz, 2014; Hoo et al., 2017]³⁵. Китайские специалисты, критикующие нарратив напористости, также не отрицают происходящих во внешней политике страны изменений. Этот процесс они часто описывают как «преemptивность через изменения», что подразумевает «существование как preemptивности, так и изменения, хотя первая и преобладает в отношении стратегических целей, проектов и политики Китая в целом» [Qin, 2014: 285]. Продолжающиеся ныне дебаты, таким образом, в гораздо меньшей степени связаны с вопросом, меняются ли внешняя политика и внешнеполитическое поведение Китая или нет. Сегодня на повестку дня выходят новые вопросы: каковы истоки, причины и, самое главное, последствия происходящих перемен.

³⁴ Chen K. Should Xi take the blame for China's assertive diplomacy? // The Geopolitics. 12.02.2019. Available at: <https://thegeopolitics.com/should-xi-take-the-blame-for-chinas-assertive-diplomacy/> (accessed: 12.03.2020).

³⁵ Charlton B. Op. cit.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грачиков Е.Н. Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы // *Международные отношения*. 2015. № 3. С. 290–306. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.314641.
2. Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. М.: Русайнс, 2015. DOI: 10.15216/978-5-4365-0419-3.
3. Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // *Контуры глобальных трансформаций*. 2017. Т. 10. № 5. С. 83–98. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98.
4. Корсун В.А. Внешняя политика Китая на пороге XXI века. М.: МГИМО, 2002.
5. Лексютина Я.В. Новое содержание внешней политики Китая как отражение усиления его национальной мощи // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. 2014. № 2. С. 138–145.
6. Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая в глобальном и региональном измерении // *Вестник Российской академии наук*. 2012. Т. 82. № 4. С. 307–322.
7. Лузянин С.Г. Китай: внешнеполитические ориентиры (2012–2022). Прогнозно-аналитические сценарии // *Вестник Сибирской академии права, экономики и управления*. 2012. № 1 (5). С. 4–11.
8. Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // *Полис*. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71–89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06.
9. Мамонов М. Инерция и новации во внешней политике Китая // *Международные процессы*. 2010. Т. 8. № 3 (24). С. 40–56.
10. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет; Стратегические изыскания, 2019.
11. Портяков В.Я. Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен // *Проблемы Дальнего Востока*. 2011. № 1. С. 135–149.
12. Портяков В.Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // *Проблемы Дальнего Востока*. 2012. № 5. С. 14–27.
13. Портяков В.Я. О современной внешней политике КНР // *Проблемы российского Дальнего Востока*. 2019. № 1. С. 13–21. DOI: 10.31857/S013128120003917-9.
14. Bhattacharya A. Chinese sphere of influence in the Asian region // *Studies on China. Country-specific study project* / Ed. by M. Gaur. New Delhi: Foreign Policy Research Centre. 2015. No. 3. P. 77–85.
15. Bisley N. Biding and hiding no longer: A more assertive China rattles the region // *Global Asia*. 2011. Vol. 6. No. 4. P. 62–73.

16. Callahan W.A. National insecurities: Humiliation, salvation and Chinese nationalism // *Alternatives*. 2004. Vol. 29. No. 2. P. 199–218. DOI: 10.1177/030437540402900204.

17. Chen D., Pu X., Johnston A. Debating China's assertiveness // *International Security*. 2013/2014. Vol. 38. No. 3. P. 176–183. DOI: 10.1162/ISEC_c_00151.

18. Chen D., Wang J. Lying low no more? China's new thinking on the Tao Guang Yang Hui strategy // *China: An International Journal*. 2011. Vol. 9. No. 2. P. 195–216. DOI: 10.1142/S0219747211000136.

19. Chinese influence & American interests. Promoting constructive vigilance. Report of the working group on Chinese influence activities in the United States / Ed. by L. Diamond, O. Schell. Stanford, California: Hoover Institution at Leland Stanford Junior University, 2018.

20. Chinese scholars and foreign policy. Debating international policy / Ed. by Huiyun Feng, Kai He, Yan Xietong. Routledge, 2019.

21. Christensen T.J. The advantages of an assertive China: Responding to Beijing's abrasive diplomacy // *Foreign Affairs*. 2011. Vol. 90. No. 2. P. 54–67.

22. Chubb A. PRC assertiveness in the South China Sea. Measuring continuity and change, 1970–2015 // *International Security*. 2020/2021. Vol. 45. No. 3. P. 79–121. DOI: 10.1162/isec_a_00400.

23. De Spiegeleire S., Chivot E. Assessing assertions of assertiveness: The Chinese and Russian cases. HCSS Strategic Monitor, 2013. HCSS. 2014. DOI: 10.13140/2.1.2697.6322.

24. Demir E. Understanding the transformation in Chinese foreign policy: A historical evaluation from 1949 to 2019 // *Cappadocia Journal of Area Studies (CJAS)*. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 6–24. DOI: 10.38154/cjas.11.

25. Feng H., He K. Examining China's assertiveness through the eyes of Chinese IR scholars // *RSIS Working Paper*. 2014. No. 281.

26. Ferdinand P. Westward ho — the China dream and 'One Belt, One Road': Chinese foreign policy under Xi Jinping // *International Affairs*. 2016. Vol. 92. No. 4. P. 941–957. DOI: 10.1111/1468-2346.12660.

27. Glaser B.S., Dooley B. China's 11th Ambassadorial Conference signals continuity and change in foreign policy // *China Brief*. 2009. Vol. 9. No. 22. P. 7–11.

28. Grossman M. Role theory and foreign policy change: The transformation of Russian foreign policy in the 1990s // *International Politics*. 2005. Vol. 42. P. 334–351.

29. He K., Huiyun F. Debating China's assertiveness: Taking China's power and interests seriously // *International Politics*. 2012. Vol. 49. No. 5. P. 633–644. DOI: 10.1057/ip.2012.18.

30. He K., Huiyun F. Xi Jinping's operational code beliefs and China's foreign policy // *Chinese Journal of International Politics*. 2013. Vol. 6. No. 3. P. 209–231. DOI: 10.1093/cjip/pot010.

31. Hermann C.F. Changing course: When governments choose to redirect foreign policy // *International Studies Quarterly*. 1990. Vol. 34. No. 1. P. 3–21. DOI: 10.2307/2600403.

32. Hollandsworth J.G. Jr. Differentiating assertion and aggression: Some behavioral guidelines // *Behavior Therapy*. 1977. Vol. 8. No. 3. P. 347–352. DOI: 10.1016/S0005-7894(78)80140-3.

33. Hoo T.B. Hardening the hard, softening the soft: Assertiveness and China's regional strategy // *Journal of Strategic Studies*. 2017. Vol. 40. No 5. P. 639–662. DOI: 10.4324/9781315628981-1.

34. Hoo T.B., Mingjiang L., Char J. Introduction to the special issue: New trends in Chinese foreign policy // *Asian Security*. 2017. Vol. 13. No. 2. P. 81–83. DOI: 10.1080/14799855.2017.1286158.

35. Hung-Jen W. China's assertive relational strategies: Engagement, boycotting, reciprocation, and pressing // *Issues & Studies*. 2018. Vol. 54. No. 3. DOI: 10.1142/S1013251118500066.

36. Jerdén B. The assertive China narrative: Why it is wrong and how so many still bought into it // *The Chinese Journal of International Politics*. 2014. Vol. 7. No. 1. P. 47–88. DOI: 10.1093/cjip/pot019.

37. Johnston A.I. How new and assertive is China's new assertiveness? // *International Security*. 2013. Vol. 37. No. 4. P. 7–48.

38. Kaufman A.A. The 'century of humiliation', then and now: Chinese perceptions of the international order // *Pacific Focus*. 2010. Vol. 25. No. 1. P. 1–33. DOI: 10.1111/j.1976-5118.2010.01039.x.

39. Kerr P., Harris S., Yaqing Q. China's 'new' diplomacy: Tactical or fundamental change? Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2008.

40. Lam W.W.-L. Chinese politics in the Hu Jintao Era: New leaders, new challenges. New York: M.E. Sharpe, 2007. DOI: 10.2307/20066347.

41. Lang K. Did China's foreign policy really change in the post-Cold War Era? // *Taiwan Journal of Political Science*. 2004. No. 21. P. 19–47. (In Chinese.)

42. Liu R., Liu F. To ally or not to ally? Debating China's non-alliance strategy in the 21st century // Griffith Asia University. Working Paper Series. 2016. No. 2.

43. Looz M. China's new assertiveness in foreign affairs. *Strategic Outlook*, 2014.

44. Mastro O.S. Why Chinese assertiveness is here to stay // *The Washington Quarterly*. 2015. Vol. 37. No. 4. P. 151–170. DOI: 10.1080/0163660X.2014.1002161.

45. Nien-Chung C.L. The sources of China's assertiveness: The system, domestic politics or leadership preferences? // *International Affairs*. 2016. Vol. 92. No. 4. P. 817–833. DOI: 10.1111/1468-2346.12655.

46. Nien-Chung C.L. Winds of change: Assessing China's assertive turn in foreign policy // *Journal of Asian and African Studies*. 2018. Vol. 53. No. 6. P. 880–895. DOI: 10.1177/0021909618762477.

47. Onnis B. The new 'selective diplomacy' of the People's Republic of China: Towards a 'partial' interference in global affairs? // *The quandaries of China's domestic and foreign development*. Łódź: Łódź University Press, 2014. P. 43–57.

48. Pang Z. From Tao Guang Yang Hui to Xin Xing. China's complex foreign policy transformation and Southeast Asia. *Trends in Southeast Asia*. No. 7. Singapore: ISEAS — Yusof Ishak Institute, 2020.

49. Poh A., Li M. A China in transition: The rhetoric and substance of Chinese foreign policy under Xi Jinping // *Asian Security*. 2017. Vol. 13. No. 2. P. 84–97. DOI: 10.1080/14799855.2017.1286163.

50. Qin Y. Continuity through change: Background knowledge and China's international strategy // *The Chinese Journal of International Politics*. 2014. Vol. 7. No. 3. P. 285–314. DOI: 10.1093/cjip/pou034.

51. Reeves J. China's unraveling engagement strategy // *The Washington Quarterly*. 2013. Vol. 36. No. 4. P. 139–149. DOI: 10.1080/0163660X.2013.861720.

52. Rosenau J.N. Restlessness, change and foreign policy analysis // *In search of global patterns* / Ed. by J. Rosenau. New York: Free Press, 1976. P. 369–376.

53. Shi Y. Diplomacy with 'correct conception' // *ARCID China Update*. 2018. Vol. 1. No. 1. P. 99–101.

54. Sørensen C.T.N. The significance of Xi Jinping's 'Chinese dream' for Chinese foreign policy: From 'Tao Guang Yang Hui' to 'Fen Fa You Wei' // *Journal of China and International Relations*. 2015. Vol. 3. No. 1. P. 53–73. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v3i1.1146.

55. Study on international politics in contemporary China / Ed. by Yuyan Zhang. Singapore: World Scientific Publishing Co., 2020.

56. Su C. On China's overseas interests // *World Economics and Politics*. 2009. No. 8. P. 13–20.

57. Swaine M.D. China's assertive behavior. Part 1: On 'core interests' // *China Leadership Monitor*. 2010. No. 34.

58. Swaine M.D. China's assertive behavior. Part 2: The maritime periphery // *China Leadership Monitor*. 2011. No. 35.

59. Swaine M.D. China's assertive behavior. Part 3: The role of the military in foreign policy // *China Leadership Monitor*. 2012. No. 36.

60. Turcsányi R.Q. The puzzle of Chinese assertiveness // *Chinese assertiveness in the South China Sea*. Springer International Publishing, 2018. P. 1–29.

61. Volgy T.J., Schwarz J.E. Foreign policy restructuring and the myriad webs of restraint // *Foreign policy restructuring: How governments respond to global change* / Ed. by J.A. Rosati, J.D. Hagan, M.W. Sampson III. Columbia, S.C.: University of South Carolina Press, 1994. P. 22–42.

62. Wang H. From 'Taoguang Yanghui' to 'Yousuo Zuowei': China's engagement in financial multilateralism // CIGI Paper. 2014. No. 52. P. 1–10.

63. Xiong G. China's diplomatic strategy: Implication and translation of 'Taoguang Yang Hui' // International Strategic Studies. 2010. No. 4. P. 1–4.

64. Xu J. Debates in IR academia and China's policy adjustments // The Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9. No. 4. P. 459–485. DOI: 10.1093/cjip/pow014.

65. Xu J., Du Z. The dominant thinking sets in Chinese foreign policy research: A criticism // The Chinese Journal of International Politics. 2015. Vol. 8. No. 3. P. 251–279. DOI: 10.1093/cjip/pov002.

66. Xuetong Y. From keeping a low profile to striving for achievement // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Vol. 7. No. 2. P. 153–184. DOI: 10.1093/cjip/pou027.

67. Xuetong Y. New values for new international norms // China International Studies. 2013. Vol. 38. No. 1. P. 15–28.

68. Ye Z. On 'keeping a low profile' and 'get some things done' // Pacific Journal. 2002. No. 1. P. 62–66.

69. Zhang B. Chinese foreign policy in transition: Trends and implications // Journal of Current Chinese Affairs. 2010. Vol. 39. No. 2. P. 39–68. DOI: 10.1177/186810261003900202.

70. Zhang F. The Tsinghua approach and the inception of Chinese theories of international relations // Chinese Journal of International Politics. 2012. Vol. 5. No. 1. P. 73–102. DOI: 10.1093/cjip/por015.

71. Zhang J. The domestic sources of China's more assertive foreign policy // International Politics. 2014. Vol. 51. No. 3. P. 390–397. DOI: 10.1057/ip.2014.11.

72. Zhang S. Diplomatic management of national overseas interests // World Economics and Politics. 2009. No. 8. P. 6–12.

73. Zhao S. China's new foreign policy 'assertiveness'. Motivations and implications // ISPI Analysis. 2011. No. 54. P. 1–6.

74. Zheng C. China debates the non-interference principle // The Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9. No. 3. P. 349–374. DOI: 10.1093/cjip/pow010.

75. Zhou F. Between assertiveness and self-restraint: Understanding China's South China Sea policy // International Affairs. 2016. Vol. 92. No. 4. P. 869–890. DOI: 10.1111/1468-2346.12657.

76. Zhu L. China's foreign policy debates // ISS. Chaillot Papers. 2010. No. 121.

77. Zhu Z. A critical decade. China's foreign policy (2008–2018). Series on Contemporary China. Singapore: World Scientific, 2019.

REFERENCES

1. Grachikov E.N. 2015a. Vneshnyaya politika Kitaya: strategii v kontekste identichnosti i global'noi perspektivy [China's foreign policy: Strategies in the context of identity and global perspective]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 290–306. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.314641. (In Russ.)
2. Grachikov E.N. 2015b. *Geopolitika Kitaya: egotsentrizm i prostranstvo setei* [Geopolitics of China: Egocentrism and space of networks]. Moscow, Rusains Publ. DOI: 10.15216/978-5-4365-0419-3. (In Russ.)
3. Denisov I.E. 2017. Vneshnyaya politika Kitaya pri Si Tszin'pine: preemstvennost' i novatorstvo [China's foreign policy under Xi Jinping: Continuity and innovation]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no. 5, pp. 83–98. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98. (In Russ.)
4. Korsun V.A. 2002. *Vneshnyaya politika Kitaya na poroge XXI veka* [China's foreign policy on the threshold of the XXI century]. Moscow, MGIMO Publ. (In Russ.)
5. Leksyutina Ya.V. 2014. Novoe sodержanie vneshnei politiki Kitaya kak otrazhenie usileniya ego natsional'noi moshchi [New content of Chinese foreign policy as a reflection of its growing national power]. *Vestnik of Saint Petersburg University, series 6*, no. 2, pp. 138–145. (In Russ.)
6. Luzyanin S.G. 2012a. Vneshnyaya politika Kitaya v global'nom i regional'nom izmerenii [China's foreign policy in global and regional aspects]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, vol. 82, no. 4, pp. 307–322. (In Russ.)
7. Luzyanin S.G. 2012b. Kitai: vneshnepoliticheskie orientiry (2012–2022). Prognozno-analiticheskie stsennarii [China: Foreign policy guidelines (2012–2022). Forecasting and analytical scenarios]. *Vestnik Sibirskoy akademii prava, ekonomiki i upravleniya*, vol. 5, no. 1, pp. 4–11. (In Russ.)
8. Lukin A.V. 2019. Diskussiya o razvitiy Kitaya i perspektivy ego vneshnei politiki [Discussion on the development of China and prospects for its foreign policy]. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 71–89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06. (In Russ.)
9. Mamonov M. 2010. Inertsia i novatsii vo vneshnei politike Kitaya [Change and continuity in China's foreign policies]. *International Trends*, vol. 8, no. 3 (24), pp. 40–56. (In Russ.)
10. Voskresenskii A.D. (ed.). 2019. *Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy* [Model of development of modern China: Assessments, discussions, forecasts]. Moscow, MGIMO Publ. (In Russ.)
11. Portyakov V.Ya. 2011. Vneshnepoliticheskii instrumentarii Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v protsesse peremen [The PRC foreign policy tools in the

process of modification]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 1, pp. 135–149. (In Russ.)

12. Portyakov V.Ya. 2012. Vneshnepoliticheskie zavety Den Syaopina i ikh sovremennaya intepretatsiya [Deng Xiaoping's foreign policy precepts and their modern interpretation]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 5, pp. 14–27. (In Russ.)

13. Portyakov V.Ya. 2019. O sovremennoi vneshnei politike KNR [On modern foreign policy of the PRC]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 1, pp. 13–21. DOI: 10.31857/S013128120003917-9. (In Russ.)

14. Bhattacharya A. 2015. Chinese sphere of influence in the Asian region. In: Gaur M. (ed.). *Studies on China. Country-specific study project*. New Delhi, Foreign Policy Research Centre, no. 3, pp. 77–85.

15. Bisley N. 2011. Biding and hiding no longer: A more assertive China rattles the region. *Global Asia*, vol. 6, no. 4, pp. 62–73.

16. Callahan W.A. 2004. National insecurities: Humiliation, salvation and Chinese nationalism. *Alternatives*, vol. 29, no. 2, pp. 199–218. DOI: 10.1177/030437540402900204.

17. Chen D., Pu X., Johnston A. 2013/2014. Debating China's assertiveness. *International Security*, vol. 38, no 3, pp. 176–183. DOI: 10.1162/ISEC_c_00151.

18. Chen D., Wang J. 2011. Lying low no more? China's new thinking on the Tao Guang Yang Hui strategy. *China: An International Journal*, vol. 9, no. 2, pp. 195–216. DOI: 10.1142/S0219747211000136.

19. Diamond L., Schell O. (eds.). 2018. *Chinese influence & American interests. Promoting constructive vigilance*. Report of the working group on Chinese influence activities in the United States. Stanford, California, Hoover Institution at Leland Stanford Junior University.

20. Huiyun Feng, Kai He, Yan Xietong (eds.). 2019. *Chinese scholars and foreign policy. Debating international policy*. Routledge.

21. Christensen T.J. 2011. The advantages of an assertive China: Responding to Beijing's abrasive diplomacy. *Foreign Affairs*, vol. 90, no. 2, pp. 54–67.

22. Chubb A. 2020/2021. PRC assertiveness in the South China Sea. Measuring continuity and change, 1970–2015. *International Security*, vol. 45, no. 3, pp. 79–121. DOI: 10.1162/isec_a_00400.

23. De Spiegeleire S., Chivot E. 2013. Assessing assertions of assertiveness. Are China and Russia really becoming more assertive? *HCSS Strategic Monitor*. HCSS. DOI: 10.13140/2.1.2697.6322.

24. Demir E. 2019. Understanding the transformation in Chinese foreign policy: A historical evaluation from 1949 to 2019. *Cappadocia Journal of Area Studies (CJAS)*, vol. 1, no. 1, pp. 6–24. DOI: 10.38154/cjas.11.

25. Feng H., He K. 2014. Examining China's assertiveness through the eyes of Chinese IR scholars. *RSIS Working Paper*, no 281.

26. Ferdinand P. 2016. Westward ho — the China dream and ‘One Belt, One Road’: Chinese foreign policy under Xi Jinping. *International Affairs*, vol. 92, no. 4, pp. 941–957. DOI: 10.1111/1468-2346.12660.

27. Glaser B.S., Dooley B. 2009. China’s 11th ambassadorial conference signals continuity and change in foreign policy. *China Brief*, vol. 9, no. 22, pp. 7–11.

28. Grossman M. 2005. Role theory and foreign policy change: The transformation of Russian foreign policy in the 1990s. *International Politics*, vol. 42, pp. 334–351.

29. He K., Huiyun F. 2012. Debating China’s assertiveness: Taking China’s power and interests seriously. *International Politics*, vol. 49, no. 5, pp. 633–644. DOI: 10.1057/ip.2012.18.

30. He K., Huiyun F. 2013. Xi Jinping’s operational code beliefs and China’s foreign policy. *Chinese Journal of International Politics*, vol. 6, no. 3, pp. 209–231. DOI: 10.1093/cjip/pot010.

31. Hermann C.F. 1990. Changing course: When governments choose to redirect foreign policy. *International Studies Quarterly*, vol. 34, no. 1, pp. 3–21. DOI: 10.2307/2600403.

32. Hollandsworth J.G.Jr. 1977. Differentiating assertion and aggression: Some behavioral guidelines. *Behavior Therapy*, vol. 8, no. 3, pp. 347–352. DOI: 10.1016/S0005-7894(78)80140-3.

33. Hoo T.B. 2017. Hardening the hard, softening the soft: Assertiveness and China’s regional strategy. *Journal of Strategic Studies*, vol. 40, no. 5, pp. 639–662. DOI: 10.4324/9781315628981-1.

34. Hoo T.B., Mingjiang L., Char J. 2017. Introduction to the special issue: New trends in Chinese foreign policy. *Asian Security*, vol. 13, no. 2, pp. 81–83. DOI: 10.1080/14799855.2017.1286158.

35. Hung-Jen W. 2018. China’s assertive relational strategies: Engagement, boycotting, reciprocation, and pressing. *Issues & Studies*, vol. 54, no. 3. DOI: 10.1142/S1013251118500066.

36. Jerdén B. 2014. The assertive China narrative: Why it is wrong and how so many still bought into it. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 7, no. 1, pp. 47–88. DOI: 10.1093/cjip/pot019.

37. Johnston A.I. 2013. How new and assertive is China’s new assertiveness? *International Security*, vol. 37, no. 4, pp. 7–48.

38. Kaufman A.A. 2010. The ‘century of humiliation’, then and now: Chinese perceptions of the international order. *Pacific Focus*, vol. 25, no. 1, pp. 1–33. DOI: 10.1111/j.1976-5118.2010.01039.x.

39. Kerr P., Harris S., Yaqing Q. 2008. *China’s new diplomacy: Tactical or fundamental change?* Basingstoke, Palgrave MacMillan.

40. Lam W.W.-L. 2007. *Chinese politics in the Hu Jintao Era: New leaders, new challenges*. New York, M.E. Sharpe. DOI: 10.2307/20066347.

41. Lang K. 2004. Did China's foreign policy really change in the post-Cold War era? *Taiwan Journal of Political Science*, no. 21, pp. 19–47. (In Chinese.)

42. Liu R., Liu F. 2016. To ally or not to ally? Debating China's non-alliance strategy in the 21st century. *Griffith Asia University. Working Paper Series*, no. 2.

43. Looz M. 2014. China's new assertiveness in foreign affairs. *Strategic Outlook*.

44. Mastro O.S. 2015. Why Chinese assertiveness is here to stay. *The Washington Quarterly*, vol. 37, no. 4, pp. 151–170. DOI: 10.1080/0163660X.2014.1002161.

45. Nien-Chung C.L. 2016. The sources of China's assertiveness: The system, domestic politics or leadership preferences? *International Affairs*, vol. 92, no. 4, pp. 817–833. DOI: 10.1111/1468-2346.12655.

46. Nien-Chung C.L. 2018. Winds of change: Assessing China's assertive turn in foreign policy. *Journal of Asian and African Studies*, vol. 53, no. 6, pp. 880–895. DOI: 10.1177/0021909618762477.

47. Onnis B. 2014. The new 'selective diplomacy' of the People's Republic of China: Towards a 'partial' interference in global affairs? In: *The Quandaries of China's Domestic and Foreign Development*. Łódź, Łódź University Press, pp. 43–57.

48. Pang Z. 2020. From Tao Guang Yang Hui to Xin Xing. China's complex foreign policy transformation and Southeast Asia. *Trends in Southeast Asia*, no. 7. Singapore, ISEAS — Yusof Ishak Institute.

49. Poh A., Li M. 2017. A China in transition: The rhetoric and substance of Chinese foreign policy under Xi Jinping. *Asian Security*, vol. 13, no. 2, pp. 84–97. DOI: 10.1080/14799855.2017.1286163.

50. Qin Y. 2014. Continuity through change: Background knowledge and China's international strategy. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 7, no. 3, pp. 285–314. DOI: 10.1093/cjip/pou034.

51. Reeves J. 2013. China's unraveling engagement strategy. *The Washington Quarterly*, vol. 36, no. 4, pp. 139–149. DOI: 10.1080/0163660X.2013.861720.

52. Rosenau J.N. 1976. Restlessness, change and foreign policy analysis. In Rosenau J.N. (ed.). *Search of global patterns*. New York, Free Press, pp. 369–376.

53. Shi Y. 2018. Diplomacy with 'correct conception'. *ARCID China Update*, vol. 1, no. 1, pp. 99–101.

54. Sørensen C.T.N. 2015. The significance of Xi Jinping's 'Chinese dream' for Chinese foreign policy: From 'Tao Guang Yang Hui' to 'Fen Fa You Wei'. *Journal of China and International Relations*, vol. 3, no. 1, pp. 53–73. DOI: 10.5278/ojs.jcjr.v3i1.1146.

55. Yuyan Zhang (ed.). 2020. *Study on international politics in contemporary China*. Singapore, World Scientific Publishing Co.

56. Su C. 2009. On China's overseas interests. *World Economics and Politics*, no. 8, pp. 13–20.
57. Swaine M.D. 2010. China's assertive behavior. Part 1: On 'core interests'. *China Leadership Monitor*, no. 34.
58. Swaine M.D. 2011. China's assertive behavior. Part 2: The maritime periphery. *China Leadership Monitor*, no. 35.
59. Swaine M.D. 2012. China's assertive behavior. Part 3: The role of the military in foreign policy. *China Leadership Monitor*, no. 36.
60. Turcsányi R.Q. 2018. The puzzle of Chinese assertiveness. In: *Chinese assertiveness in the South China Sea*. Springer International Publishing, pp. 1–29.
61. Volgy T.J., Schwarz J.E. 1994. Foreign policy restructuring and the myriad webs of restraint. In: Rosati J.A., Hagan J.D., Sampson M.W. III (eds.). *Foreign policy restructuring: How governments respond to global change*. Columbia, S.C., University of South Carolina Press, pp. 22–42.
62. Wang H. 2014. From 'Taoguang Yanghui' to 'Yousuo Zuowei': China's engagement in financial multilateralism. *CIGI Paper*, no. 52, pp. 1–10.
63. Xiong G. 2010. China's diplomatic strategy: Implication and translation of 'Tao Guang Yang Hui'. *International Strategic Studies*, no. 4, pp. 1–4.
64. Xu J. 2016. Debates in IR academia and China's policy adjustments. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 9, no. 4, pp. 459–485. DOI: 10.1093/cjip/pow014.
65. Xu J., Du Z. 2015. The dominant thinking sets in Chinese foreign policy research: A criticism. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 8, no. 3, pp. 251–279. DOI: 10.1093/cjip/pov002.
66. Xuetong Y. 2014. From keeping a low profile to striving for achievement. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 7, no. 2, pp. 153–184. DOI: 10.1093/cjip/pou027.
67. Xuetong Y. 2013. New values for new international norms. *China International Studies*, vol. 38, no. 1, pp. 15–28.
68. Ye Z. 2002. On 'keeping a low profile' and 'get some things done'. *Pacific Journal*, no. 1, pp. 62–66.
69. Zhang B. 2010. Chinese foreign policy in transition: Trends and implications. *Journal of Current Chinese Affairs*, vol. 39, no. 2, pp. 39–68. DOI: 10.1177/186810261003900202.
70. Zhang F. 2012. The Tsinghua approach and the inception of Chinese theories of international relations. *Chinese Journal of International Politics*, vol. 5, no. 1, pp. 73–102. DOI: 10.1093/cjip/por015.
71. Zhang J. 2014. The domestic sources of China's more assertive foreign policy. *International Politics*, vol. 51, no. 3, pp. 390–397. DOI: 10.1057/ip.2014.11.
72. Zhang S. 2009. Diplomatic management of national overseas interests. *World Economics and Politics*, no. 8, pp. 6–12.

73. Zhao S. 2011. China's new foreign policy 'assertiveness'. Motivations and implications. *ISPI Analysis*, no. 54, pp. 1–6.

74. Zheng C. 2016. China debates the non-interference principle. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 9, no. 3, pp. 349–374. DOI: 10.1093/cjip/pow010.

75. Zhou F. 2016. Between assertiveness and self-restraint: Understanding China's South China Sea policy. *International Affairs*, vol. 92, no. 4, pp. 869–890. DOI: 10.1111/1468-2346.12657.

76. Zhu L. 2010. China's foreign policy debates. *ISS. Chaillot Papers*, no. 121.

77. Zhu Z. 2019. A critical decade. China's foreign policy (2008–2018). *Series on Contemporary China*, vol. 46.

Статья поступила в редакцию 03.12.2020; одобрена после рецензирования 25.03.2021; принята к публикации 23.09.2021.

The paper was submitted 03.12.2020; approved after reviewing 25.03.2021; accepted for publication 23.09.2021.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-151-189

Научная статья / Research paper

Е.И. Сафронова*

КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ДО И ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Дальнего Востока
Российской академии наук»
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32*

В условиях глобализации международная экономика окончательно превратилась в арену прямого и опосредованного столкновения интересов различных государств, образовав пространство для реализации нового направления их внешнеполитической активности — экономической дипломатии. В центре внимания автора статьи — экономическая дипломатия КНР — страны, которая, превратившись во второй по значению центр мировой экономики, всё больше начинает осознавать свои возросшие возможности, демонстрировать напор и амбиции нового молодого лидера в системе международных отношений. В первой части статьи обозначены общие особенности и установки экономической дипломатии КНР. Во второй части подробно рассмотрены ключевые направления и конкретные механизмы реализации так называемой поощрительной экономической дипломатии. В этой связи автор обращает внимание на две тенденции: с одной стороны, отмечается стремление Китая максимально эффективно встроиться в уже существующие международные форматы и институты глобального экономического регулирования, с другой стороны, всё более отчетливо проявляется и готовность КНР брать инициативу в свои руки, выдвигать собственные амбициозные проекты. Яркой иллюстрацией последней тенденции могут служить учреждение в 2020 г. Фонда для инфраструктурных проектов и Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и, конечно же, мегапроект «Экономический пояс Шелкового

* Сафронова Елена Ильинична — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН) (e-mail: safronova@ifes-ras.ru).

пути и морского Шелкового пути XXI века». Как отмечает автор, поощрительная экономическая дипломатия является и важным инструментом укрепления «мягкосилового» потенциала КНР на международной арене, особенно в развивающихся странах. В то же время в статье показано, что в последние годы во внешней политике КНР всё более активно применяются и наступательные формы экономической дипломатии, прежде всего санкции. Рассмотрению этого направления на современном этапе посвящена третья часть статьи. Наконец, своеобразным моментом истины и одновременно серьезнейшим испытанием на прочность для всей внешней политики КНР стал международный кризис, порожденный пандемией SARS-CoV-2. В четвертой части статьи проанализированы новые вызовы, с которыми столкнулась экономическая дипломатия Китая в условиях пандемии. Эти вызовы носят как объективный (связанный с необходимостью оперативного восстановления собственной экономики и международных связей), так и субъективный характер. В последнем случае речь идет о крайне ожесточенном информационном противоборстве, развернувшемся в связи с пандемией между КНР и странами коллективного Запада во главе с США. Как отмечает автор, в этих условиях «антиковидная дипломатия» КНР приобрела достаточно агрессивный характер, что негативно отражается на и без того пошатнувшемся международном имидже страны. И всё же, хотя в настоящий момент китайская экономическая дипломатия демонстрирует тенденцию генерировать скорее негативные настроения как в развитых, так и в развивающихся странах, именно она при грамотном использовании может стать главным средством для утверждения КНР в качестве ведущего субъекта в рамках нового биполярного порядка.

Ключевые слова: Китай, экономическая дипломатия, пандемия SARS-CoV-2, санкции, глобальное экономическое управление, «мягкая сила», международные экономические отношения, «антиковидная дипломатия», «Один пояс — один путь», Фонд для инфраструктурных проектов, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, ВРЭП, новый мировой порядок.

Для цитирования: Сафронова Е.И. Китайская экономическая дипломатия до и во время пандемии COVID-19 // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 3. С. 151–189. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-151-189.

Elena I. Safronova

**CHINESE ECONOMIC DIPLOMACY
BEFORE AND DURING THE COVID-19 PANDEMIC**

*Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
32, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997*

The process of globalization has turned international economy into an arena of direct and indirect conflict of interests of various actors. It has also provided states with a new tool for their foreign policy activity — economic diplomacy. The paper focuses on the economic diplomacy of the People’s Republic of China, which not only has become the second important center of the world economy, but is starting to realize its increased capabilities, demonstrating ambitions of a new leader in international relations.

The first section outlines the main features of the PRC’s economic diplomacy. The second section focuses on the key areas and specific mechanisms of the so-called incentive economic diplomacy. In this regard, the author emphasizes two trends: on the one hand, China aims at effectively integrating into existing international formats and institutions of global economic governance, but, on the other hand, it shows willingness to take the lead and initiate its own ambitious projects. The Silk Road Fund and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) as well as the mega-project ‘The Silk Road Economic Belt and the 21st-century Maritime Silk Road’ are the most striking examples of the latter trend. Incentive economic diplomacy also serves as an important tool for strengthening the soft-power potential of the PRC in the international arena, especially in developing countries. At the same time, the author stresses that in recent years the PRC resorts more actively to the use of offensive forms of economic diplomacy, such as sanctions. This trend is examined in the third section of the paper.

The international crisis provoked by SARS-CoV-2 pandemic became a moment of truth and a stress test for the new foreign policy system of the PRC. The fourth section analyses new challenges faced by China’s economic diplomacy in the context of the pandemic. These challenges have both an objective (the need for quick national economic recovery) and subjective dimensions. The latter implies the wholesale information war as the PRC and the countries of the collective West led by the United States started playing blame game.

The author notes that, under these circumstances the PRC’s ‘COVID-19 diplomacy’ becomes more aggressive, which negatively affects the already tarnished national image. However, the author concludes, that although the current Chinese economic diplomacy generates rather negative sentiments in

both developed and developing countries, it is exactly economic diplomacy that could, if properly used, help the PRC to establish itself as a leading actor in the new bipolar world order.

Keywords: China, economic diplomacy, SARS-CoV-2 pandemic, sanctions, global economic governance, ‘soft power’, international economic relations, ‘COVID-19 diplomacy’, Belt and Road Initiative, Silk Road Fund, Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP, new world order.

About the author: *Elena I. Safronova* — PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: safronova@ifes-ras.ru).

For citation: Safronova E.I. 2021. Chinese economic diplomacy before and during the COVID-19 pandemic. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 151–189. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-151-189. (In Russ.)

Постановка вопроса

В научной и практической среде трактовка понятия «экономическая дипломатия» (ЭД) до сих пор остается предметом дискуссий. В мировой политологии (в политологическом дискурсе / сообществе политологов) под ЭД чаще всего понимают особое направление дипломатической работы международного актора, в котором хозяйственные проблемы двустороннего или многостороннего уровня используются в качестве объекта и средства давления (или сотрудничества) в международных отношениях. Однако сейчас в контексте рассмотрения проблематики ЭД всё большее внимание начинают уделять отношениям по линии государств и международных экономических структур, государств и транснациональных корпораций (ТНК), а также компаний между собой [Teixeira, José, 2013].

Автор полагает, что ЭД можно рассматривать как форму дипломатии, сосредоточенную на реализации политических и стратегических интересов страны экономическими методами. По сути, ЭД — это деятельность государства на мировой арене, основанная на максимально возможном и эффективном применении его сравнительных (конкурентных) хозяйственных преимуществ посредством невоенных, официально признанных методов для достижения заданных целей, включая обеспечение стратегической безопасности страны.

ЭД можно трактовать как действенное средство нивелирования в первую очередь тех угроз безопасности, которые имеют выражен-

ную социально-экономическую природу и подоплеку (терроризм, контрабанда наркотиков, инфекционные заболевания, нелегальная миграция, а также факторы, угрожающие окружающей среде, финансово-экономической безопасности субъекта международных отношений) [Сафронова, 2013: 143–144, 150; 2017: 111–113]. В этом же контексте ЭД можно расценивать как механизм увязки возможностей внешней хозяйственной среды с задачами национального развития, включая повышение уровня жизни населения и устранение бедности.

В компетенцию ведомств, занимающихся реализацией ЭД, входят такие задачи, как мониторинг стратегии экономических организаций, устанавливающих международные правила и стандарты (Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда, Всемирного банка), информирование своих правительств об экономической политике стран-партнеров, использование хозяйственных ресурсов или льгот для поощрения внешних контрагентов (поощрительная ЭД) или же наложения на них санкций (наступательная ЭД), изыскание источников и сфер приложения инвестиций, а также содействие «апгрейду» структуры и объемов внешней торговли. ЭД может реализовываться на двусторонней или многосторонней основе, например в межправительственных форматах типа БРИКС и ШОС.

В Китае под экономической дипломатией (*jingji waijiao*) понимают два направления международной деятельности страны: а) использование классической дипломатии для достижения целей и выгод экономического свойства; б) применение экономических рычагов для реализации внешнеполитических установок и задач [Ли Вэй, Сунь И, 2014].

Какой из этих двух аспектов важнее и где пролегает грань между ними, остается предметом дискуссии. На наш взгляд, примечательна позиция профессора Китайского университета иностранных дел (Вайцзяо сюэюань) Чжоу Юншэна, который считает необходимым отдавать приоритет мирохозяйственным аспектам государственной ЭД, а не политико-стратегическим. Исследователь полагает, что именно такой подход позволит максимально эффективно обеспечить экономическое развитие Китая¹.

¹ См.: Wong A. Chinese perspectives on economic diplomacy // The Asan Forum. Available at: <http://www.theasanforum.org/chinese-perspectives-on-economic-diplomacy> (accessed: 23.04.2021).

При этом можно отметить, что китайские исследователи в целом не склонны углубляться в высокую теорию ЭД, так как их больше интересует ее материальное наполнение (в геоэкономическом, геополитическом плане, в плане крупных международных проектов и внешнеэкономических связей). Это и понятно: бурное развитие экономики КНР диктует необходимость «переноса» ее хозяйственных запросов за рубеж. И ЭД в исполнении Китая — это прежде всего практический процесс, общие принципы, направления и методы которого, конечно, можно обобщить, придав им теоретическую форму. Но это всё-таки вторичная задача по сравнению с анализом материального наполнения ЭД КНР.

Именно в таком контексте представляется целесообразным рассматривать понятие «экономическая дипломатия», обращаясь к кейсу КНР. Это позволяет подчеркнуть и концептуальную, и практическую специфику ЭД Китая.

Обращение к кейсу КНР представляется особенно актуальным в настоящий момент — не только потому, что с ростом хозяйственных возможностей и международного авторитета Китая его ЭД приобретает качественно новое значение, становясь мощным инструментом продвижения национальных интересов. Пекин всё четче проявляет себя как второй по мощи мировой экономической центр, занимая особую нишу на глобальном конкурентном поле. Подъем КНР прямо или косвенно ставит под сомнение способность Соединенных Штатов сохранять за собой доминирующие позиции на мировой арене и, как следствие, актуализирует дискуссии о центросиловой конфигурации будущего мирового порядка: будет она биполярной или полицентричной и кто будет ее системообразующими субъектами. В этом контексте перед многими странами, включая Россию, стоит задача преодолеть множество политико-экономических вызовов и разрешить целый ряд проблем, включая обязательную интенсификацию и оптимизацию собственного экономического роста. На наш взгляд, изучение опыта Китая, который вышел на позиции лидера именно потому, что во многом реализовал задачу ускорения своего хозяйственного подъема, достигнув беспрецедентных успехов в кратчайший для мировой истории срок — всего лишь за 40 лет (с начала в 1980-х годах реформ и политики внешнеэкономической открытости), может оказаться в этом отношении особенно полезным. Китайская модель социально-экономического развития неизбежно проецируется на международный курс страны в форме

ее ЭД, и это еще одна причина целесообразности внимательного изучения данного явления.

Среди зарубежных исследователей ЭД Китая следует отметить таких специалистов, как Н. Бэйн, С. Уолкок [Bayne, Woolcock, 2011], А. Фучс [Fuchs, 2016], К. Дзянь [Jian, 2012], В. Мачикенайте [Macike-naite, 2020], Дж. Рейли [Reilly, 2012], Ян Яо [Yang, 2015], Лю Вэй [Лю Вэй, 2008], Ху Аньган, Ма Вэй, Янь Илун [Ху Аньган и др., 2014], Цао Линцюнь [Цао Линцюнь, 2003], Цзянь Цзисун [Цзянь Цзисун, 2007] и целый ряд других ученых, работы которых были использованы при написании данной статьи. Эти исследования отличаются скрупулезным описанием особенностей и трудностей, с которыми сталкивается китайская ЭД, однако им свойственна определенная тенденциозность, хотя есть и публикации, содержащие глубокий объективный анализ. Западные же специалисты, понятно, делают упор на критику ЭД Китая, активно используя при этом достаточно широкую статистическую и фактологическую базу.

К настоящему времени вопросы китайской ЭД рассматривались в работах и целого ряда российских исследователей. Наиболее интересные из них, на наш взгляд, принадлежат перу таких востоковедов, как Я.М. Бергер [Бергер, 2009], И.Н. Комиссина², Я.В. Лексютина [Лексютина, 2015], В.В. Михеев [Михеев, 2003], В.Я. Портяков³. В ряду исследователей ЭД Китая находятся и Л.М. Капица [Капица, 2010], А.А. Мардашев [Мардашев, 2009], Е.А. Соловьева [Соловьева, 2017], Р.И. Хазбулатов [Хазбулатов, 2019], А.В. Цвык [Цвык, 2013] и ряд других. Российские специалисты весьма основательно рассматривают общие характеристики, особенности, направления и результаты современной ЭД Китая, а также макросреду их формирования. Исследования этих ученых ценны своей методологической и фактологической базой и в целом — принадлежностью к школе российского/советского востоковедения, которая остается одной из лучших, если не лучшей в мире. Однако автор надеется, что настоящая статья способна дополнить характеристику ЭД КНР, поскольку написана с учетом последних тенденций, которые, как представляется, пока не нашли широкого освещения в научной литературе. Так,

² Комиссина И. О китайской «дипломатии экономического принуждения» // РИСИ. 20.08.2012. Available at: <https://riss.ru/article/3724/> (accessed: 23.04.2021).

³ Портяков В.Я. Пять столпов экономической дипломатии Пекина // Независимая газета. 29.11.2010. Доступ: https://www.ng.ru/courier/2010-11-29/9_china.html (дата обращения: 23.04.2021).

автором не найдено работ, посвященных эволюции ЭД Китая в условиях пандемии COVID-19, а также характеристике конкурентных преимуществ КНР как носителя и субъекта ЭД в данном контексте. Этим обстоятельством и обуславливается новизна настоящей статьи.

При ее написании автор ставил перед собой следующие задачи: проследить эволюцию ЭД КНР за последнее десятилетие, *уделив особое внимание соотношению наступательных и поощрительных средств*, в целом охарактеризовать инструментарий современной китайской ЭД, включая и то новое, что появилось в рамках арсенала «антиковидной дипломатии» страны, а также сделать краткий прогноз расстановки сил на мировой арене в свете обострения международной конкуренции и изменений во внешнеполитической линии КНР, вызванных пандемией COVID-19. При этом следует оговориться, что автор не будет специально останавливаться на ЭД Китая в отношении Российской Федерации, поскольку эта тема в силу своей специфики достойна отдельного рассмотрения. Украина также не входит в фокус исследования, так как, на наш взгляд, ЭД Пекина в данном случае пока имеет несформировавшийся, реактивный, *ad hoc* характер, обусловленный малой предсказуемостью для Китая внешнеэкономической политики действующих украинских властей.

Сравнительные преимущества Китая как субъекта экономической дипломатии⁴

В условиях глобализации, ужесточения внешней конкурентной среды, в том числе из-за пандемии SARS-CoV-2, вопрос об эффективном использовании собственных конкурентных преимуществ обретает особую актуальность для всякого международного актора.

К экономическим конкурентным преимуществам КНР можно отнести следующие обстоятельства.

1. Наличие государственной поддержки национальных производителей и коммерческих агентов, особенно в тех сферах, где интересы частного бизнеса и государства совпадают. Это благоприятствует внутринациональному взаимопониманию и, следовательно, экономической безопасности и стабильности страны.

2. Внимание к частному предпринимательству, действующему в нужных государству направлениях, что позволяет мобилизовать

⁴ В основу раздела легли результаты предшествующих исследований автора, в частности: [Сафронова, 2017].

более широкий круг ресурсов, крайне необходимых именно сейчас, в интересах колоссальных внешнеэкономических начинаний, включая инициативу «Один пояс — один путь» (ОПОП, или Инициатива Пояса и Пути, ИПП) и созданный в 2020 г. Фонд для инфраструктурных проектов. Государство в Китае держит в своих руках контрольный пакет акций практически всех ключевых предприятий с частным капиталом. Это создает дополнительные гарантии их деятельности за рубежом и страхует их самих и их партнеров от многих рисков экономического и неэкономического характера. Что касается лояльного среднего и мелкого бизнеса, то, поддерживая его, руководство КНР имеет возможность подключить и его потенциал к реализации внешнеэкономических интересов государства.

3. Практика выработки строго обязательных к исполнению правительственных документов, в которых поэтапно фиксируется государственная стратегия внешнеэкономических связей. Так, концепция ИПП была изложена в документе, подготовленном в 2015 г. Госкомитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР (документ издан с санкции Госсовета КНР) — «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века»⁵. Документальная база китайских международных проектов последовательно дополняется. Благодаря официальному закреплению своих внешнеэкономических намерений Китай обладает административным механизмом строгого контроля над выполнением правительственных установок.

4. Валютно-финансовая политика КНР, которая также предстает сравнительным преимуществом. Ее особенностью является оперативное реагирование на изменения во внутренней экономике и на мировых финансово-экономических рынках при неуклонной защите позиций национальной валюты, недопущении непредсказуемости ее котировок, совершенствовании системы формирования процентных ставок и механизма обменного курса юаня. Всё это направлено на снижение его зависимости от колебаний курса доллара, обеспечение устойчивости потребительских цен, экономическую стабильность.

⁵ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века // Официальный сайт МИД КНР. 28.03.2015. Доступ: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 23.04.2021).

5. И, наконец, сама величина валютно-финансовых ресурсов Китая, благодаря которой страна имеет возможность направлять инвестиции за рубеж, вести энергичную политику внешнего кредитования, параллельно обеспечивая техническую и монетарную поддержку и национальному бизнесу, и зарубежным партнерам, а главное — собственным внешнеэкономическим начинаниям [Сафронова, 2013: 150–151, 152].

Китайские официальные источники акцентируют внимание на трех особенностях ЭД Пекина. Это, во-первых, ее продвижение верхними эшелонами власти, когда в своих зарубежных поездках китайские лидеры выступают в роли «глашатаев» и активных проводников национальных экономических интересов. Во-вторых, направленность ЭД на учет интересов контрагентов. Китайское руководство с пониманием относится к стремлению других сторон реализовать собственную выгоду. Это совпадает с духом и буквой концепции «сообщества единой судьбы», которая стала главным лозунгом внешнеполитического курса страны. И, в-третьих, опора «дипломатии экономического назначения» на рыночную логику, когда именно равноправность рыночного обмена призвана создать возможность для получения выгоды иностранными партнерами и жителями других стран⁶ и тем самым укрепить международные позиции Китая.

Ключевые особенности поощрительной экономической дипломатии КНР в современных условиях

Практический инструментарий ЭД включает поощрение торговли, инвестирование, средства и механизмы кредитования, в том числе в валюте и/или на беспроцентной основе, помощь продовольствием, товарами жизненной необходимости и т.д. Всё это — механизмы поощрительной ЭД, реализуемые как в двустороннем, так и в многостороннем формате.

При этом введение экономических санкций, внешнеторговый протекционизм, сокращение или приостановка коммерческих операций и инвестирования, манипуляции с ввозными или вывозными пошлинами, квотирование экспорта и/или импорта, манипуляции

⁶ Китайская экономическая дипломатия направлена на соблюдение общих интересов Китая и мира // Жэньминь жибао online. 22.11.2013. Доступ: <http://russian.people.com.cn/31521/8463919.html> (дата обращения: 27.04.2021).

тарифами и валютным курсом, заморозка намеченных или уже реализуемых совместных проектов, отказ в предоставлении помощи и т.д. — рычаги наступательной ЭД, которая, что бы ни говорили, зачастую демонстрирует большую эффективность в мирохозяйственной жизни.

Умение плодотворно изыскивать сферы, адекватные уровни ЭД (глобальный, региональный и/или двусторонний), а также соотношение наступательной и поощрительной ее составляющих — это показатель качества классической дипломатии страны как таковой. Пекин традиционно стремится к преимущественному использованию стимулирующих механизмов без применения санкций как в двустороннем, так и в многостороннем формате. До недавнего времени это трактовалось как отличительное качество ЭД Китая, свойственное только ему⁷.

Генеральной (не продекларированной, а реальной) целью китайской ЭД в этой связи является обеспечение такого применения правил международных экономических отношений⁸, которое максимально отвечало бы задачам повышения конкурентоспособности и обеспечения стратегической безопасности Китая. Во имя достижения этой цели Пекин в рамках ЭД действует сразу по целому ряду направлений, среди которых: обеспечение контроля КНР над международными проектами с ее участием и/или под ее началом (включая крупные инициативы и специальные экономические зоны), защита китайских инвестиций и граждан, оказание экономической помощи «интересным» странам-партнерам, строительство инфраструктуры китайскими подрядчиками (в основном это государственные строительные компании), контроль капиталовложений с помощью китайских финансовых учреждений и т.д.

В этом отношении *участие КНР в глобальном экономическом управлении (ГЭУ)*⁹ можно также с полным основанием отнести к формам поощрительной ЭД страны. В данном контексте Пекин выступает апологетом мирового порядка, «основанного на международном праве, международной системе с ООН в качестве ядра и многостороннем торговом режиме с Всемирной торговой орга-

⁷ Wong A. Op. cit.

⁸ В сферах торговли, инвестиций, технологического обмена, обеспечения ресурсами, изыскания рынков и проч.

⁹ О сути ГЭУ подробнее см.: [Ближковский, Прантл, 2013].

низацией в качестве краеугольного камня», а также совместного противостояния глобальным вызовам, с тем чтобы экономическая глобализация и глобальное управление обрели более открытый, инклюзивный, сбалансированный, справедливый, разумный и выгодный для всех характер¹⁰. В этой связи председатель КНР Си Цзиньпин говорит и о пользе сотрудничества между развивающимися странами (кооперация «Юг–Юг») и расширения их удельного веса в международных структурах. Всё это — вполне достойные цели.

Однако, на наш взгляд, пока деятельность Китая в ГЭУ ограничивается его представительством в международных организациях, участием высших китайских руководителей в крупных многосторонних встречах и озвучиванием предложений по решению глобальных проблем¹¹. Действенные, конкретные механизмы реформирования ГЭУ, тем более подходящие для всех, Пекин практически не предлагает. Это и понятно: сама его нацеленность на кардинальные реформы в международной жизни может быть подвергнута сомнению.

Однако такое положение может измениться. Если Китай предпримет реальные шаги по активизации своей работы в ГЭУ, то он получит возможность не только играть ощутимую роль в процессах глобального управления, но и контролировать мирохозяйственную повестку угодным ему образом, ускоряя или замедляя ход реформирования (или нереформирования) международного экономического порядка.

При этом КНР, превратившись во вторую экономику мира, уже сейчас демонстрирует лидерские амбиции: страна не просто присоединяется к сложившимся международно-экономическим структурам, а сама инициирует создание интернациональных объединений, намереваясь играть в них ведущую роль.

¹⁰ Serving the Country and Contributing to the World: China's Diplomacy in a Time of Unprecedented Global Changes and a Once-in-a-Century Pandemic. Address by H.E. Wang Yi State Councilor and Minister of Foreign Affairs at the Symposium on the International Situation and China's Foreign Relations in 2020 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 11.12.2020. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1839532.shtml (accessed: 23.04.2021).

¹¹ Например, в 2020 г. Китай заявил о своем намерении участвовать в многостороннем сотрудничестве по разработке правил глобального цифрового управления.

Новейшим достижением китайской ЭД, достойным особого упоминания, стало учреждение в 2020 г. Фонда для инфраструктурных проектов и Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП).

ВРЭП, учрежденное в ноябре 2020 г., объединило 15 стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), включая сам Китай и Японию (но без участия США и России). Будучи одним из ключевых инициаторов его создания, КНР, похоже, поставила перед собой политическую цель — хозяйственными средствами нейтрализовать попытки Вашингтона устранить Пекин из процессов формирования новой экономической архитектуры в АТР. Уникальность Соглашения о ВРЭП — не столько в его масштабах, сколько в том, что под знаменем защиты общих интересов оно впервые объединило Китай с Японией, Австралией, Новой Зеландией и Южной Кореей — близкими партнерами США. Видимо, Пекин пытается если не полностью переманить союзников Вашингтона по АТР, то нейтрализовать их явную (и взаимную) «симпатию» к Соединенным Штатам.

Участники данного коммерческого «пакта», охватывающего 2,2 млрд человек и страны с совокупным ВВП в 26,2 трлн долл., видят основными задачами снижение таможенных тарифов; совершенствование цепочек поставок благодаря унификации правил происхождения товаров; кодификацию новых правил электронной торговли и запрет требований об обязательной передаче технологий. Соглашение предусматривает совершенствование процедур таможенного администрирования, санитарных мер, движения капиталов и т.д.¹²

По мнению влиятельного агентства Reuters¹³, структура ВРЭП «запрограммирована» так, что партнерство в любом случае укрепит хозяйственный потенциал Китая в АТР, как бы ни развивались последующие события. Если так, то Пекин получит реальную возможность выстраивать торговые правила в регионе во многом по своему усмотрению. Не следует исключать и того, что, «замиряясь» под

¹² Крупнейшее торговое соглашение в мире подписали страны Азиатско-Тихоокеанского региона // Pattaya.Now. 15.11.2030. Доступ: <https://pattayapeople.ru/news/torgovlja-asean-pattaya-thailand> (дата обращения: 23.04.2021).

¹³ Николаенко С. Азиатские страны подписали соглашение о свободной торговле // Центральная служба новостей. 15.11.2020. Доступ: <https://csn-tv.ru/posts/id10322-aziatskie-strany-podpisali-krupnoe-soglashenie-o-svobodnoi-torgovle> (дата обращения: 23.04.2021).

сенью ВРЭП со своими региональными соперниками — Японией и Республикой Корея, Пекин задумывает привлечь их экономические возможности для восполнения потерь, спровоцированных торговой войной с США. Всё это станет большим успехом китайской ЭД.

В июле 2020 г. Министерство финансов КНР объявило о создании коллективного **Фонда для инфраструктурных проектов**. В рамках этой инициативы Китай, Венгрия, Египет, Камбоджа, Саудовская Аравия и Филиппины пришли к соглашению совместно передать в Фонд 180,2 млн долл. Старт созданию Фонда был дан Центром многостороннего сотрудничества по финансированию развития (Multilateral Cooperation Center for Development Finance, MCDF). Он представляет собой координационный механизм, в котором принимают участие Азиатский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк, Новый банк развития, Группа Всемирного банка, Межамериканский банк развития и Международный фонд сельскохозяйственного развития.

Согласно Меморандуму о взаимопонимании по вопросам создания MCDF, подписанному сторонами в марте 2019 г., основные задачи Фонда — стимулирование инвестиций в строительство высококачественной инфраструктуры в развивающихся странах с акцентом на обмене информацией, наращивании производственного потенциала и разработке совместных проектов. MCDF призван укрепить многочисленные глобальные, региональные и отраслевые инициативы, созданные в ответ на рост мировой потребности в связующей логистике. Он будет поддерживать реализацию принципов качественной инфраструктуры G20, Повестки дня ООН на период до 2030 года и ее Целей в области устойчивого развития, а также Парижского соглашения по климату. Определяя своим приоритетом сотрудничество с уже действующими механизмами, MCDF намерен внести позитивный вклад в создание мира с лучшей взаимосвязанностью, базирующейся на высококачественной и устойчивой инфраструктуре¹⁴. Это наиболее крупный в настоящее время пример инициирования Китаем многостороннего формата, нацеленного на осуществление программ международного развития. Причина запуска данного проекта достаточно очевидна: даже финансово успеш-

¹⁴ Multilateral Cooperation Center for Development Finance (MCDF). Available at: <https://www.themcdf.org/#introduction> (accessed: 23.04.2021).

ному Пекину не под силу реализовать в одиночку такое начинание, как ИПП, и иные проекты глобальной связи (*global connectivity*).

Действительно, современный этап развития ЭД КНР (последние 5–10 лет) ознаменован выдвиганием целого ряда крайне амбициозных проектов и инициатив, призванных повысить эффективность китайской внешней политики в условиях мирового кризиса (ныне усугубленного пандемией COVID-19) и расширения процессов глобализации.

В качестве не просто новейшего, но и мощнейшего инновационного инструмента и элемента поощрительной ЭД КНР логично рассматривать ее *мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века»* (ныне — ИПП), анонсированный в 2013 г. [Ху Аньган и др., 2014].

По утверждению Пекина, ИПП, а также тренд на формирование двусторонних и многосторонних зон свободной торговли четко свидетельствуют о стремлении КНР расширять «региональное сотрудничество и зоны добрососедства и дружбы»¹⁵. В то же время эта декларация, сделанная в обычной стилистике китайской дипломатии, тут же дополняется констатацией намерения обеспечить «мирное сосуществование нового и старого геоэкономических секторов» (!)¹⁶. И это уже интересно, ибо последнее утверждение говорит о замысле Китая сочетать новые проекты с опытом старой модели международного хозяйствования *без кардинального слома* последней.

Как и в случае с подходами Китая к проблемам глобального экономического регулирования, это говорит об осторожном отношении КНР к реформированию мирового экономического порядка: Пекин не хочет «отпугнуть» потенциальных партнеров своим натиском [Сафронова, 2017: 101]. И именно при сложившейся мировой экономической системе Китай стал тем, кто он есть сейчас. Мировой политико-экономический порядок, в свое время сформированный Западом (так называемая Бреттон-Вудская система), не только не помешал, но и по сей день дает возможность Китаю извлекать выгоды и дозировать возлагаемую на себя ответственность. Там, где КНР видит смысл вести себя как лидер, она так и поступает, а где ей

¹⁵ Яркая картина экономической дипломатии Китая // Геополитика. 20.12.2013. Доступ: <http://www.geopolitics.ru/2013/12/yarkaya-kartina-ekonomicheskoy-diplomatii-kitaya> (дата обращения: 23.04.2021).

¹⁶ Там же.

не хватает стимула и сил брать на себя ответственность за мировые дела, — там она вспоминает о своем статусе развивающейся страны. Прошли времена, когда Пекин видел большую пользу в революционных, а не эволюционных изменениях. Это и понятно: мир и так проходит полосу серьезнейших испытаний, и раскачивать глобальную «лодку» просто неразумно. Иногда создается впечатление, что единственно нужный Пекину вектор реформирования мирового порядка — это встраивание в него особого «гена», отвечающего за невосприимчивость к попыткам усиления сформированной США союзнической системы, нацеленной на сдерживание КНР.

В этом отношении ЭД Китая — еще один инструмент, с помощью которого страна может заявить о себе как о «влиятельной крупной державе»¹⁷. Не имея возможности, да и желания утверждать свое лидерство на мировой арене путем прямого силового давления (Китай не достиг уровня военно-стратегического потенциала, паритетного США), КНР педалирует тезис о взаимозависимости стран мира, которая и диктует необходимость взаимной выгоды в отношениях. Сейчас международные отношения в принципе вступают в эпоху, когда интенсивная стратегическая конкуренция сосуществует с глубокой экономической взаимозависимостью.

В контексте реализации ИПП инновационность ЭД Китая выражается в создании таких доселе невиданных практических механизмов, как АБИИ и Фонд Шелкового пути. Учреждение названных структур, а также ВРЭП и Фонда для инфраструктурных проектов, может свидетельствовать об усилении тенденции к многосторонности ЭД Китая, который ранее предпочитал (и во многом предпочитает до сих пор) развивать экономическое сотрудничество на двусторонней основе. Да, тенденция к многосторонности наблюдается, но больше в случае тех коллективных структур, которые были созданы при непосредственном участии КНР. Что касается интернациональных форматов, учрежденных Западом, то КНР не демонстрирует явной склонности к работе в их рамках.

¹⁷ Этот термин был употреблен в интервью председателя КНР Си Цзиньпина перед его первым государственным визитом в Казахстан. См. подробнее: Китай — крупнейший торговый партнер Казахстана, а Казахстан занимает второе место среди торговых партнеров Китая в регионе СНГ — Председатель КНР Си Цзиньпин // Kazinform. 03.09.2013. Доступ: http://www.inform.kz/ru/kitay-krupneyshiy-torgovyy-partner-kazahstana-a-kazahstan-zanimaet-vtoroe-mesto-sredi-torgovyh-partnerov-kitaya-v-regione-sng-predsdatel-krn-si-czin-pin_a2586319 (дата обращения: 23.04.2021).

Как бы то ни было, проявление тенденции к многосторонности в международных отношениях Китая можно объяснить тем, что энергичное вращение страны в ткань мировой экономики, помимо увеличения его хозяйственного веса, имеет и другое последствие — дальнейший рост зависимости национального хозяйства КНР от экономик других государств. Такова глобализация — объективный мировой процесс, начатый эпохой Великих географических открытий еще в XV–XVII вв. И что бы ни говорили эксперты, обнаружившие тенденцию к деглобализации, она, на наш взгляд, — лишь временное явление, усиленное кризисами последнего десятилетия.

Поощрительная ЭД как инструмент «мягкой силы». Специфика текущего этапа развития ЭД Китая, как представляется, заключается также в том, что в число ее задач вошла и санация международного имиджа КНР, особенно пошатнувшегося в связи с коронавирусной проблемой (см. далее). Эта задача традиционно увязывается с проблематикой «мягкой силы» и приобретает особое звучание для КНР, когда речь заходит о выстраивании отношений со странами глобального Юга.

Так, в латиноамериканской экспертной среде распространено мнение, что Китай благодаря своему бурному развитию, экономической мощи, массивному инвестированию и кредитованию зарубежных стран способен предоставить широкие возможности для бизнеса в развивающихся регионах¹⁸. Расширение экономических связей с КНР имеет и социальное измерение: китайские капиталовложения помогли возродить различные секторы экономики в ряде стран Латинской Америки [González, Constanza, 2017: 18]. Например, сотрудничество с Китаем стало ключевым фактором для Венесуэлы и Эквадора, поскольку китайские корпорации внесли существенный вклад в развитие добывающей промышленности — ведущей экономической отрасли этих стран. В случае Бразилии показательным примером поощрительной ЭД являются многомиллиардные капи-

¹⁸ Araujo H., Cardenal H.P. Latinoamérica mira a China. Pekín ha recorrido la región anunciando inversiones a bombo y platillo // El País. 26.04.2015. Available at: http://elpais.com/elpais/2015/05/26/opinion/1432653248_643966.html (accessed: 23.04.2021); González P. El poder blando de China y sus expresiones en América Latina // Asiared Internet portal. 2015. Available at: http://www.asiared.com/es/downloads2/15_3-s_alejandra_pena.pdf (accessed: 23.04.2021).

таловложения в разведку бразильской подсолевой нефти¹⁹. Банк Китая, имеющий свое представительство в этой стране, обеспечивает благоприятный климат для двусторонней торговли и деятельности компаний-партнеров. В развивающемся мире полагают, что партнерство с Китаем играет «стратегическую роль» и в таких сферах, как телекоммуникации (китайские компании Huawei и ZTE являются ведущими провайдерами и создателями телекоммуникационной инфраструктуры) и логистика (China Shipping, China Overseas Shipping и Hutchison Whampoa начинают играть «жизненно важную роль» [González, Constanza, 2017: 18] во внешней торговле Латинской Америки). Во всех этих начинаниях экономические интересы идут рука об руку с имиджевыми соображениями, служа укреплению потенциала «мягкой силы» КНР в развивающихся странах.

Отличительной чертой ЭД Китая в этой связи можно назвать также особое внимание к установлению и укреплению прямых контактов высших китайских руководителей и лидеров стран-партнеров (практика частых взаимных визитов и прямого общения глав государств и правительств даже получила название «дипломатия лидеров»). Это обстоятельство расценивается и как доказательство доминирования экономических мотивов в международной повестке Китая [Fuchs, 2016: 5]. И действительно, визиты китайских руководителей всегда имеют сильную экономическую мотивацию. В состав делегаций высокого и высшего уровней входят представители бизнес-кругов; на международных встречах руководители КНР регулярно анонсируют намерение оказать помощь другим субъектам МО, во время визитов заключаются многочисленные экономические соглашения.

Еще одним важным политическим, экономико-дипломатическим и «мягкосиловым» инструментом ЭД Китая является *помощь развитию*²⁰ [Luo, Zhang, 2009].

По данным Center for Global Development, КНР еще в начале текущего века стала основным источником иностранной помощи для

¹⁹ Soft power da China no Brasil — China Link Blog de Importação // ChinaLink. Available at: <https://www.chinalinktrading.com/blog/soft-power-da-china-no-brasil> (accessed: 23.04.2021).

²⁰ Jiang T. Railroad diplomacy: Chinese soft power in the Horn of Africa // Journal of International Relations. Blogs. 13.11.2016. Available at: <http://www.sirjournal.org/blogs/2016/11/13/railroad-diplomacy-chinese-soft-power-in-the-horn-of-africa> (accessed: 23.04.2021).

стран Азии, Латинской Америки и Африки²¹. При этом имеется в виду не «официальная помощь развитию» (ОПР), оказываемая по линии Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР), а все виды содействия, трактуемые как «помощь». Это инвестиции, техническое сотрудничество, финансирование проектов и персонала, льготные таможенные тарифы, ссуды, а также льготные кредиты целевого(!) назначения, реструктуризация задолженности и проч.

Китай оказывал немалую безвозмездную помощь Африке и Латинской Америке в 1960-х годах, чтобы утвердиться там в качестве ведущей социалистической державы, в 1970-х годах — чтобы получить поддержку развивающихся стран в признании законного представительства КНР в ООН. А с 1980-х годов (с началом реформ и внешнеэкономической открытости) и вплоть до сегодняшнего дня помощь оказывается с учетом материальных потребностей Пекина по принципу ее «обмена» на сырье, углеводороды и лучшие торгово-экономические условия. За свое экономическое содействие КНР ожидает от стран-контрагентов проведения политики «одного Китая», игнорирования попыток Японии получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН и вообще широкой поддержки позиций КНР на международной арене.

Что касается ОПР, то Китай сравнительно недавно вошел в эту сферу и пока не накопил достаточного опыта. Согласно данным КСР ОЭСР, объем китайской ОПР невелик по сравнению с суммами от «традиционных доноров» и демонстрирует тенденцию к снижению²². Это обстоятельство имеет несколько объяснений. Как представляется, прежде всего оно обусловлено тем, что основная часть помощи развитию, направляемой Китаем, не соответствует критериям определения ОПР, принятым в ОЭСР: она выделяется на реализацию конкретных проектов, которые в первую очередь интересны самой КНР. К тому же основным источником ОПР яв-

²¹ Lancaster C. The Chinese aid system // Center for Global Development. 27.06.2007. Available at: https://www.cgdev.org/sites/default/files/13953_file_Chinese_aid.pdf (accessed: 23.04.2021).

²² Robertson W., Benabdallah L. China pledged to invest \$60 Billion in Africa. Here's what that means // The Washington Post. 07.07.2016. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/01/07/china-pledged-to-invest-60-billion-in-africa-heres-what-that-means/?utm_term=.c44f520b9779 (accessed: 23.04.2021).

ляется правительство Китая, т.е. имиджевая привлекательность страны зиждется на многомиллиардных пакетах инвестиций и иных средствах, выделяемых китайскими властями, которые единолично определяют адресатов и объемы финансового содействия. В то же время США, также реализующие крупные программы помощи, привлекают к процессам ее оказания и корпоративные, и частные каналы. И похоже, что американцы четче отслеживают прохождение помощи, не позволяя ей оседать в карманах местных чиновников.

Китайская финансовая помощь имеет и другие особенности. Например, она зачастую является неотъемлемой частью объемного пакета капиталовложений и торговых сделок. И стоимость китайской рабочей силы, реализующей проекты ОПР, порой тоже засчитывается в качестве помощи.

Еще один вектор китайской ЭД — это *гуманитарная помощь*. В большинстве случаев она предоставляется Китаем на цели преодоления последствий природных бедствий и чрезвычайных ситуаций, нося экстренный характер. Она оказывается по двусторонним каналам и, как правило, на безвозмездной основе [Кашин и др., 2017: 213].

Помимо этого гуманитарная помощь включает содействие в сфере образования и подготовки кадров. Ныне Китай направляет миллионы долларов на финансирование образовательных проектов для зарубежной молодежи, обмен студентами и преподавателями.

Правительство КНР предоставляет зарубежным студентам благоприятные условия обучения, включая стипендии или бесплатное образование среднего технического уровня. Стоимость бытовых услуг и проживания в общежитии значительно ниже, чем в странах Запада. Знание китайского языка позволяет выпускникам надеяться на получение работы в заморских филиалах крупных китайских компаний. Международный рейтинг китайских университетов растет. И всё это — немаловажные причины, по которым Китай стал третьим по значению направлением иностранных студенческих потоков после США и Великобритании [Сафронова, 2018: 261; Sall, 2016].

Китай намерен дать старт и совсем новой образовательной инициативе — подготовке иностранных кадров для инновационных аспектов ИПП. Так, на Форуме «Один пояс — один путь» 2017 г. Си Цзиньпин заявил, что до 2022 г. Пекин пригласит 2500 молодых зарубежных ученых совершить целевые поездки в КНР, предоставит

обучение 5000 иностранных ученых, инженеров и управленцев и создаст 50 совместных исследовательских лабораторий²³.

Однако в целом очевидно, что сейчас сфера экономики — лишь инструмент для достижения политических и стратегических целей КНР. Если раньше, только начав свои масштабные хозяйственные реформы (конец 1970-х — начало 1980-х годов), ЭД Китая была призвана в первую очередь содействовать подъему внутреннего хозяйства, то в настоящий момент, когда страна достигла потенциала, достаточного для международной «экспансии», ее ЭД, как и в первые 25 лет после провозглашения КНР, опять становится инструментом китайских внешнеполитических решений, но на качественно ином уровне.

Наступательные формы экономической дипломатии КНР

В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в последнее время Пекин всё чаще прибегает к экономическому давлению как инструменту реализации своих целей, что, к слову, вступает в явное противоречие с отмеченной выше задачей добиться укрепления международного имиджа КНР.

Наиболее весомой формой наступательной ЭД любого государства являются экономические санкции в отношении «несговорчивых» партнеров. В 1980–1990-х годах Китай не поддерживал использование рестриктивных мер на международном уровне, аргументируя свою позицию необходимостью соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела других стран. При голосовании по соответствующим резолюциям Совета Безопасности ООН Пекин, будучи его постоянным членом, предпочитал воздерживаться. При этом он и не ветировал подобные резолюции, по сути, вообще не участвуя в принятии такого рода решений на многостороннем уровне. Однако с начала XXI в. эта позиция стала постепенно меняться: в СБ ООН КНР наложила вето на ввод экономических санкций в отношении Мьянмы (2007), Зимбабве (2008) и с 2011 г. — на ряд резолюций по Сирии. Вместе с тем в 2006 г. Китай поддержал экономические санкции против Пхеньяна. Ранее Пекин даже под серьезным международным давлением сопротивлялся введению

²³ Си Цзиньпин цзай «и дай — и лу» луньянья фабьяо чжучжи яньцян (цуньвань) [Си Цзиньпин выступил на форуме «Один пояс — один путь» с программной речью (полный текст)] // Finance.Ifeng. 14.05.2017. Доступ: http://finance.ifeng.com/a/20170514/15373505_0.shtml (дата обращения: 23.04.2021).

этих санкций, утверждая, что они ударят по уровню жизни простого населения [Jian, 2012; Macikenaite, 2020: 118], а также опасаясь падения правящего режима в КНДР, дружественного Пекину.

Поддержка Китаем резолюции № 1718 СБ ООН о введении экономических рестрикций против КНДР стала принципиальным свидетельством изменения его позиции по санкционным вопросам. В 2013, 2016 и 2017 гг. характер международных санкций в отношении Северной Кореи постепенно эволюционировал от «простого» эмбарго на поставки оружия до финансовых, инвестиционных и торговых ограничений (в импорте северокорейского угля и в экспорте в КНДР нефти, нефтепродуктов и сырой нефти). Ужесточение позиции Пекина в отношениях с Пхеньяном можно объяснить несостыковками взглядов сторон на возможные размеры китайской финансовой поддержки КНДР, непредсказуемостью поведения Северной Кореи в формате шестисторонних переговоров по проблеме денуклеаризации Корейского полуострова, а также внутрикитайскими политическими разногласиями по поводу интенсивности взаимодействия с Пхеньяном. По-видимому, часть китайского руководства, усматривавшего больший смысл в расширении сотрудничества с Западом, «продавила» решение о более сдержанном курсе в отношениях с режимом-«изгоем»²⁴.

В 2010 г. Китай поддержал резолюцию СБ ООН о введении санкций против Ирана. 9 июня 2010 г. сайт информагентства BBC процитировал высказывание представителя КНР в ООН Чжан Есуя о том, что санкции направлены только на предотвращение распространения ядерного оружия и не нанесут ущерба «нормальной жизни иранского народа»²⁵. С этим не согласились ряд стран, а Бразилия и Турция решительно заявили об антигуманном характере вводимых рестрикций.

Целесообразно привести данные, сведенные международным экспертом В. Мачикенайте [Macikenaite, 2020: 120] и несколько дополненные автором, иллюстрирующие санкционную активность Китая в 1978–2021 гг. (таблица).

Из таблицы видно, что если с 1978 по 2007 г. санкции налагались Китаем только четыре раза, то после они применялись им не менее 15 раз.

²⁴ С 2018 г. отношения между Китаем и Северной Кореей вновь пошли «на поправку», и сейчас КНР вернулась к более умеренному подходу по антисеверо-корейской санкционной политике [Macikenaite, 2020: 119].

²⁵ UN votes for new sanctions on Iran over nuclear issue // BBC. 09.06.2010. Available at: <https://www.bbc.com/news/10276276> (accessed: 23.04.2021).

**Китайские односторонние санкции,
введенные в отношении стран-контрагентов в 1978–2021 гг.**

List of unilateral sanctions imposed by the PRC (1978–2021)

Год	Страна-«мишень»	Причина введения санкций	Содержание санкций
1978	Вьетнам	Ввод вьетнамских войск в Кампучию	Прекращение всей экономической и технической помощи, отзыв из Вьетнама инженерно-технического персонала
1978–1983	Албания	Антикитайская риторика	Прекращение всей экономической и технической помощи
1992–1994	Франция	Продажа вооружений Тайваню	Замораживание импорта из Франции
2003	Северная Корея	Вопросы ядерной безопасности	Кратковременное прекращение поставок трубопроводной нефти с целью побудить Пхеньян присоединиться к первому раунду Шестисторонних переговоров по вопросам безопасности на Корейском полуострове
2007, 2008	Вьетнам	Вопросы суверенитета	Угрозы санкций в отношении British Petroleum и ExxonMobil, если эти ТНК не прекратят совместную деятельность с вьетнамской стороной на спорной территории в Южно-Китайском море по разведке и добыче полезных ископаемых. Под угрозой разрыва всех контактов с КНР ExxonMobil и British Petroleum уступили требованиям Пекина
2009	Франция	Объявленная встреча президента Н. Саркози с Далай-ламой	Требование отложить саммит «ЕС–Китай». Был отложен и саммит «Франция–Китай». Отмена заказа на 150 самолетов Airbus; отмена визитов во Францию двух китайских торговых делегаций

Год	Страна-«мишень»	Причина введения санкций	Содержание санкций
2010	США	Военные поставки Тайваню	Угроза санкций в отношении производителей поставляемого вооружения
2010	Япония	Арест капитана рыболовецкого судна близ островов Сенкаку (Дяоюйдао)	Заморозка китайского экспорта редкоземельных элементов
2010	Норвегия	Ущемление суверенитета КНР (присуждение Нобелевской премии мира китайскому диссиденту — писателю Лю Сяобо)	Отмена визита китайской правительственной делегации по обсуждению вопросов торговли, ограничение импорта норвежского лосося
2012	Великобритания	Вопрос национального суверенитета (встреча премьер-министра Всемирного банка с Далай-ламой)	Приостановка выполнения инвестиционных контрактов
2012–2016	Филиппины	Территориальный спор в Южно-Китайском море (риф Скарборо (Хуаньянь))	Жесткие карантинные меры при импорте филиппинских фруктов; отмена туристических поездов
2013	Литва	Вопрос национального суверенитета (встреча президента Литвы с Далай-ламой)	Приостановка торговых связей на 18 месяцев
2016	Монголия	Вопрос национального суверенитета (визит в страну Далай-ламы)	Временное закрытие пограничного перехода между Китаем и Монголией
2016–2017	Южная Корея	Вопросы безопасности (развертывание ТНААД — Terminal High Altitude Area Defense — противоракетного комплекса подвижного наземного базирования для высотного заатмосферного перехвата ракет средней дальности)	Прекращение туристических визитов в Южную Корею, задержка товаров при прохождении таможни, закрытие в Китае 87 из 99 магазинов южнокорейской Lotte Group

Год	Страна-«мишень»	Причина введения санкций	Содержание санкций
2019 (дважды)	США	Проблемы «торговой войны» Поставка вооружений Тайваню	Угроза занесения в «черный список» нелояльных Пекину контрагентов Конкретные санкции в отношении производителей поставляемого вооружения
2020	Австралия	Призыв к международному сообществу провести независимое расследование происхождения коронавируса	Предупреждение о возможных потребительских бойкотах; введение Китаем 80% тарифа на ввоз австралийского ячменя и вина, серьезное ограничение импорта австралийской говядины; замораживание импорта австралийского угля; предупреждение китайских студентов о рисках обучения в Австралии во время пандемии
2021	США	Эскалация «торговой войны»	Угроза ограничения поставок редкоземельных элементов

Источник: составлено автором на основе [Macikenaite, 2020: 120].

Source: compiled by the author on the basis of [Macikenaite, 2020: 120].

Для обоснования в глазах мировой общественности своей наступательной ЭД Пекин усилил поиск юридических и этико-идеологических основ односторонних санкций. Если сначала он осуждал подобные действия как негуманное наказание невинного населения, хотя сам прибегал к так называемым умным санкциям — мерам, направленным только против властей критикуемой им страны (например, в случае КНДР в 2006 г.)²⁶, то постепенно китайские политологи пришли к выводу о несостоятельности ар-

²⁶ Санкции, примененные против ТНК British Petroleum и ExxonMobil в 2008 г., являются ярким примером так называемых умных санкций, не затрагивающих напрямую интересы рядового населения. British Petroleum, ExxonMobil, американские компании-поставщики вооружений и т.д., не особо озабоченные соображениями политического или идеологического свойства, но более — собственным материальным благополучием, быстро реагируют на требования Пекина.

гумента, что «экономические санкции приводят к гуманитарной катастрофе» [Лю Вэй, 2008: 32]. И более того: «По мере того как Китай усиливает свое международное экономическое влияние, ему следует расширить применение односторонних экономических санкций в целях защиты своих законных международных интересов и достижения собственных внешнеполитических целей <...>. Для того чтобы полностью и эффективно использовать этот внешнеполитический и правовой инструмент [односторонние санкции. — *Е.С.*], Китаю следует также принять поддерживающие его внутренние законы и нормативные акты» [Reilly, 2012: 122; Цзянь Цзисун, 2007: 87].

Всё более активное применение Пекином санкций как экономической меры принудительного характера объясняется несколькими причинами.

Во-первых, это эффективность методов принуждения в том случае, когда от партнеров требуется быстрый пересмотр их политики и/или когда фактор экономической заинтересованности дает сбой (не всегда и не все страны можно «задобрить» льготами и денежно-материальными стимулами).

Во-вторых, стремление явственно показать свое недовольство по конкретному поводу, чтобы побудить контрагента оперативно пересмотреть его поведение и/или не повторять неугодных действий впредь.

В-третьих, «воспитательный» характер санкций, демонстрация с их помощью другим странам, каковы могут быть негативные последствия действий, неугодных Китаю.

В-четвертых, воздействие на общественное мнение внутри страны — демонстрация готовности руководства КНР пойти на решительные меры в деле защиты государственных интересов. Это тем более важно для поддержания имиджа власти как защитника национального достоинства сейчас, когда националистические настроения в Китае растут²⁷ [Лексютина, 2015: 32].

²⁷ Бергер Я.М. Национализм и внешняя политика КНР // Российский совет по международным делам. 29.12.2014. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/natsionalizm-i-vneshnyaya-politika-kr/> (дата обращения: 27.04.2021).

Влияние пандемии COVID-19 на экономическую дипломатию КНР

Новым глобальным вызовом, реакция на который со стороны КНР особенно ярко высветила современные особенности ЭД страны, стала, конечно, пандемия SARS-Cov-2. В контексте проблематики ЭД одной из первых мер помощи в борьбе с пандемией было заявление китайского руководства о готовности освободить ряд государств (в основном африканских) от выплат по беспроцентным государственным займам, срок погашения которых истекал в конце 2020 г. Пекин объявил о намерении работать с мировым сообществом по вопросам дальнейшей приостановки выплат по долгам, а также предоставлять медицинские материалы, командировать в Африку группы экспертов, содействовать закупкам медицинских товаров и проч. Си Цзиньпин заявил, что Китай будет сотрудничать с Черным континентом в деле реализации инициативы в области здравоохранения, принятой на саммите «Китай–Африка» в Пекине (2018), и пообещал, что африканские страны станут одними из первых, кто сможет извлечь пользу от вакцины против COVID-19, разрабатываемой в КНР²⁸.

Особо примечателен тезис Си Цзиньпина о том, что Китай призывает свои финансовые учреждения отреагировать на Инициативу по приостановке обслуживания долга G20 (DSSI)²⁹ и «провести дружественные консультации» со странами-должниками «в соответствии с рыночными принципами» для выработки механизмов коммерческих займов под суверенные гарантии³⁰. В итоге, по утверждению китайской стороны, КНР ответила на все просьбы по приостановке обслуживания долга в рамках DSSI, заняв первое место среди членов G20 по сумме отсроченных выплат³¹.

²⁸ Xi Jinping's speech at Extraordinary China-Africa Summit on Solidarity against COVID-19 (Full text) // Global Times. 17.06.2020. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/1191977.shtml> (accessed: 23.04.2021). См. также: Weekly African Business News Roundup // African Business Magazine (London). 20.06.2020. Available at: <https://africanbusinessmagazine.com> (accessed: 09.08.2020).

²⁹ В апреле Комитет по развитию Всемирного банка и министры финансов G20 одобрили Debt Service Suspension Initiative (DSSI) (Инициативу о приостановке обслуживания долга), чтобы помочь беднейшим странам справиться с серьезными последствиями COVID-19.

³⁰ Xi Jinping's speech at Extraordinary China-Africa Summit...

³¹ Serving the Country and Contributing to the World...

Акцент на рыночных началах при управлении проблемой задолженности выглядит симптоматичным: похоже, что процесс урегулирования Китаем долгов развивающихся стран идет путем длительных переговоров по их реструктуризации и рефинансированию под государственные гарантии. «Простое», полное списание долгов достаточно редко практикуется Пекином. «Китай — негибкий кредитор»³². Он предпочитает решать вопросы задолженности в двустороннем формате, вне рамок соответствующих международных структур. Это видится Пекину более эффективным, быстрым и благоприятным решением: на двустороннем уровне ему легче проводить собственные условия. Поэтому можно сказать, что здесь ЭД Китая проходит особо деликатное испытание.

Пандемия не могла не сказаться и на реализации ИПП. По причине коронавирусного кризиса цены на полезные ископаемые, добываемые в Африке (и не только там), резко упали, и на Китай стали оказывать беспрецедентное давление (не только африканские, но и западные государства) с целью побудить его списать десятки миллиардов долларов долгов, дабы облегчить бедственное положение стран, особо зависимых от торговли сырьем. К тому же жесткое обращение на китайской территории с африканскими иммигрантами во время пандемии (так называемый Гуаньчжоуский инцидент)³³ вызвало беспрецедентные дипломатические осложнения, эхо которых слышно до сих пор.

В итоге власти Нигерии и Танзании даже поставили под сомнение легитимность некоторых китайских проектов, реализуемых на территории этих стран в рамках ИПП [Сафронова, 2020: 40]. В Нигерии несколько депутатов представили местному парламенту специальный документ о жестоком обращении и «расовой дискриминации»

³² Caslin O. Coronavirus: How China plans to restore its image in Africa // The Africa Report. 20.04.2020. Available at: <https://www.theafricareport.com/26426/coronavirus-how-china-plans-to-restore-its-image-in-africa> (accessed: 23.04.2021).

³³ Местные китайские власти сочли африканское направление ведущим источником завоза случаев COVID-19 извне: 76% всех заболевших иностранцев в Гуанчжоу были африканцами. Их насильно выселяли из нанятых жилищ и даже подвергали принудительной изоляции. См. также: Thomas D. China-Africa relations enter new era as easy money dries up // African Business. 25.07.2020. Available at: <https://africanbusinessmagazine.com/region/china/china-africa-relations-enter-new-era-as-easy-money-dries-up> (accessed: 23.04.2021).

в отношении нигерийцев в Китае, который также направлен на ужесточение регулирования статуса китайских граждан в стране [Julienne, 2020: 5].

Несмотря на это, Пекин настаивает на том, что ИПП в условиях коронакризиса демонстрирует немалую жизнеспособность: так, за первые 8 месяцев 2020 г. товарооборот Китая с партнерами по данному проекту достиг 5,86 трлн юаней [примерно 840 млрд долл. — *Е.С.*], и китайские компании направили в эти государства на 30% больше нефинансовых прямых инвестиций, чем в предыдущем году. Кроме того, страны-участницы договорились работать над созданием Шелкового пути здоровья (другой перевод — Медицинский Шелковый путь), добавляя еще один блок к возводимому зданию ИПП³⁴. По утверждению Си Цзиньпина, китайские компании уже запустили совместное производство антиковидных вакцин на территории стран — партнеров по проекту, в том числе в Индонезии, Бразилии, ОАЭ, Малайзии, Пакистане и Турции³⁵.

Так или иначе, уже сейчас можно говорить о появлении нового направления во внешнеполитическом курсе Китая — «антиковидной дипломатии». Она опирается на материальные, экономические и финансовые ресурсы, и потому ее можно отнести к разновидности ЭД.

КНР достаточно оперативно приступила к ее реализации. Уже к концу апреля 2020 г. она направила в 80 стран мира медицинские товары общей стоимостью 1,33 млрд евро (3,86 млрд масок, 37,5 млн средств индивидуальной защиты (СИЗ) и их элементов и 16 тыс. аппаратов искусственной вентиляции легких)³⁶. Причем китайский частный капитал, в отличие от предыдущих лет, активно включился в эту работу. Так, на Африканский континент большая часть помощи была направлена не по правительственной линии (17%), а от частных лиц и бизнес-сообщества (порядка 50%) [Сафронова, 2020: 40].

По словам министра иностранных дел КНР Ван И, к концу 2020 г. китайская сторона организовала более 100 максимально открытых

³⁴ *Serving the Country and Contributing to the World...*

³⁵ Полный текст программной речи председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии открытия ежегодного совещания Боаоского азиатского форума — 2021 // Синьхуа Новости. 20.04.2021. Доступ: http://russian.news.cn/2021-04/20/c_139894347.htm (дата обращения: 23.04.2021).

³⁶ Caslin O. *Op cit.*

экспертных видеоконференций для обмена знаниями с другими странами. Основав доступный для всех стран онлайн-центр, где рассказывается об опыте Китая в борьбе с COVID-19, Пекин опубликовал восемь версий диагностических и терапевтических решений и семь версий протоколов профилактики и контроля заболевания.

К началу 2021 г. была оказана помощь более 150 странам и 9 международным организациям. Китай откомандировал 36 медицинских бригад в 34 особо нуждающиеся в антиковидной помощи страны и поставил более 200 млрд масок, 2 млрд защитных костюмов и 800 млн тестовых комплектов. В связи с пандемией Китай призвал к укреплению глобального управления общественным здравоохранением для совместного создания глобального сообщества здравоохранения³⁷.

Несмотря на успехи внутренней борьбы Китая с инфекцией и его попытки финансовыми и торговыми средствами поправить свой международный имидж, «антиковидная дипломатия» КНР сталкивается с целым рядом серьезных вызовов.

Так, Пекин активно транслирует мировому сообществу мысль о своем абсолютном успехе в борьбе с пандемией, обвиняя Запад в неэффективном управлении коронакризисом. Прокитайские СМИ полны сообщений о том, что пандемия толкает страны Запада к упадку и хаосу, в то время как КНР быстрее всех крупных международных игроков оправляется от ее последствий и поэтому сможет взять контроль над мировой ситуацией в свои руки. И это-де станет отличительной чертой так называемого постковидного мира, которая нравится далеко не всем. США и их союзники в свою очередь обвиняют КНР в утаивании информации об эпидемии на начальных этапах ее возникновения, приуменьшении ее опасности, в частности сокрытии истинного числа пострадавших, в оказании давления на Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) и даже в искусственном создании самого возбудителя. В силу этого обострения информационного противоборства логично ожидать усиления мер, направленных на «сдерживание» Китая на мировой арене.

Коронавирусный кризис бросает мировому сообществу два основных вызова. Во-первых, проверку проходит способность государств

³⁷ Serving the Country and Contributing to the World...

эффективно мобилизовать систему здравоохранения для локализации заболевания и лечения пострадавших (в этой сфере Китай добился несомненного успеха благодаря оперативному управлению ситуацией, включая непопулярные, но действенные меры в отношении населения и иммигрантов). Во-вторых, перед государствами встает задача максимально нивелировать последствия кризиса в социально-экономическом, политическом, дипломатическом и других аспектах. И именно этот второй вызов становится наиболее релевантным для оценки развития мировой ситуации и роли в ней Китая в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе [Julienne, 2020: 1].

В свете второго вызова Китаю важно быстро восстановить свой производственный и внешнеторговый потенциал, чтобы предотвратить массированные потери от сокращения внешнеэкономических связей. Пекин сыграл ключевую роль в поставках в Европу несложных, при этом важных товаров медицинского назначения (главным образом СИЗ), а также товаров широкого потребления. В итоге западные страны оказались в еще большей зависимости от импорта из Поднебесной, поэтому иностранные контрагенты, до сих пор полагавшиеся на китайскую промышленную базу, рынок и цепочки поставок, задумываются о переносе инвестиций и жизненно важных производств из Китая в государства Юго-Восточной Азии, Северной Африки или Европы.

Существуют и другие обстоятельства, не благоприятствующие положению КНР в постковидном мире. Так, высказывается мнение, что пандемия усугубила дефицит международного доверия к Китаю, ибо Пекин ярко продемонстрировал так называемую дипломатию «воина-волка»: китайские дипломаты, защищая позиции КНР, стали массово прибегать к конфронтационной, если не агрессивной манере высказываний в СМИ и социальных сетях, чего не было еще 2–3 года назад.

Кроме того, хотя Китай и продолжает позиционировать себя в качестве ответственной державы, помогающей многим странам мира, он по-прежнему неохотно участвует в многосторонних структурах по борьбе с инфекцией. Например, в мае 2020 г. прошел Саммит глобального реагирования на коронавирус (Coronavirus Global Response Summit). Более 50 глав государств, правительств и

международных организаций приняли участие в онлайн-мероприятии, направленном на сбор средств на разработку антиковидных вакцин. Вместо премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, который должен был участвовать во встрече, Китай направил своего посла в ЕС Чжан Мина, оказавшегося на саммите чиновником самого низкого ранга. Посол не озвучил никаких финансовых обещаний Глобальному реагированию на коронавирус, но подчеркнул, что Китай предпринял собственные усилия для борьбы с инфекцией, например создал специальный правительственный фонд объемом 2 млрд юаней (260 млн евро), инвестировал 1 млрд юаней (130 млн евро) в соответствующие национальные исследования, а также пожертвовал 50 млн долл. ВОЗ. Для сравнения, Германия обязалась выделить 525 млн евро, а Франция — 500 млн евро в дополнение к 1,2 млрд евро, предоставленным инициативе «COVID-19 — Health in common» Французским агентством развития [Julienne, 2020: 3, 4]. Поскольку ни США, ни Россия не участвовали во встрече, Пекин мог воспользоваться возможностью официально «застолбить» свои ведущие позиции в антикоронавирусном сотрудничестве, но предпочел этого не делать.

Есть претензии и к тому, что Китай, претендуя на роль бескорыстного донора, просто торгует антиковидной помощью, поставляя при этом не всегда качественные товары [Roy, 2020: 2].

Имиджу КНР наносит ущерб и рост антикитайских настроений на фоне того, что многие страны — не только США, государства ЕС, Великобритания и Австралия, но даже Иран — настаивают на проведении независимого расследования причин вспышки новой коронавирусной инфекции. 18 мая 2020 г. более 120 государств (примерно 2/3 стран — членов ВОЗ) поддержали это предложение [Julienne, 2020: 4] (среди них была и Россия, но «досталось» от Китая только странам коллективного Запада).

И, наконец, китайские дипломаты, увлекшись в коронавирусных условиях напористой риторикой, не всегда демонстрировали высокое искусство связей с общественностью. В Африке они оказались под огнем жесткой критики после уже упоминавшегося Гуанчжоуского инцидента (апрель 2020 г.). По мнению специалистов, в том числе китайских, глобальные антикитайские настроения, подстегнутые

коронакризисом, достигли самого высокого уровня со времен событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. [Julienne, 2020: 5].

* * *

Подводя итог, можно сказать, что в настоящий момент в рамках активизации своей ЭД Китай задействует всю сеть и весь потенциал классической дипломатии. Если ранее КНР использовала санкции в основном из соображений государственного престижа («тайваньская» и «тибетская» проблемы, нежелательные контакты с Далай-ламой (см. таблицу) и др.), то сейчас перечень оснований для их применения расширяется. В поведении страны четко прослеживается игра экономическими «мускулами» молодого мирового лидера. Потенциальная выгода от финансовой поддержки со стороны КНР и возможность доступа на ее обширный рынок — вот факторы, которые обуславливают эффективность всей китайской дипломатии как в наступательном, так и в поощрительном ключе.

Новое звучание дипломатии КНР придает и статус «ответственной крупной мировой державы», принятый Пекином сравнительно недавно. Китайская дипломатия переходит от дэнсяопиновского принципа *таогуан янхуэй* (скрывать свои возможности и держаться в тени) к «инициативной и предприимчивой» модели; от дипломатии «с оглядкой» на великие державы к дипломатии собственно великой державы. В свете этого наблюдения становится понятно, почему переход к наступательной ЭД стал для Китая не просто возможным, но даже желательным. Пекин, хотя и озабочен своим международным имиджем, всё же демонстрирует значительную независимость от мирового общественного мнения, особенно в его западном сегменте. Что касается развивающегося мира, то здесь Китай более деликатен: он дорожит своим обликом дружественной развивающейся страны, братской для других представителей развивающегося мира. Это и понятно: страны глобального Юга не так часто, как западные государства, имеют силы и возможности противостоять интересам КНР. К тому же именно в развивающемся мире Китай может в полной мере быть не ведомым, а ведущим, что льстит Пекину.

Можно согласиться с мнением, что в реалиях КНР, в отличие от некоторых западных рыночных экономик, ЭД в чистом виде не существует. Это объясняется тесной привязкой хозяйственной и коммерческой деятельности внутри страны (а особенно — за рубежом) к потребностям ее государственной политики. Понятно, что вся китайская внешнеэкономическая деятельность призвана «работать» на модернизацию самой КНР.

Легальная торгово-экономическая активность Китая всегда обслуживает его политические интересы, что полностью соответствует логике «социалистической рыночной экономики» и принципу руководящей роли партийно-идеологических институтов.

Ныне мир проходит этап «смены руководства» — транзита через стадию неустойчивого полицентризма от одного состава «флагманов» биполярности к другому. Во времена перемен особенно важно занимать контролирующие позиции в международных отношениях. КНР, пока не способная составлять конкуренцию Западу в военно-стратегической сфере, ищет новые пути повышения своей мировой роли. И одним из механизмов этого она видит ЭД. Удачное задействование этого инструмента поможет Китаю преодолеть точку бифуркации в нужном ему направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М.: ИД Форум, 2009.
2. Ближковский П., Прантл Й. Глобальное экономическое управление: какие проблемы стоят перед Азией и Европой? // Век глобализации. 2013. № 1. С. 41–46.
3. Капица Л.М. Экономическая дипломатия в условиях глобализации: Учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2010.
4. Кашин В.Б., Королев А.С., Пятачкова А.С. Китайская политика по мощи зарубежным странам: основные принципы и направления // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С. 204–218.
5. Лексютин Я. Экономическая дипломатия Китая в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 24–37.
6. Ли Вэй, Сунь И. Лицzie Чжунго цзинци вайцзю [Анализируя экономическую дипломатию Китая] // Вайцзю пинлунь. 2014. № 4. С. 1–24. (На кит. яз.)

7. Лю Вэй. Гоцзи цзинци чжицай синьтэдянь цзи вого иньгай дуйцэлэю [Новые характеристики международных экономических санкций и меры, которые должна принять наша страна] // Шанву цзинци яньцзю. 2008. № 28. (На кит. яз.)

8. Мардашев А.А. Эффективность, способы и методы китайской экономической дипломатии // Мировое и национальное хозяйство. 2009. № 3–4. С. 15–29.

9. Михеев В.В. Глобализация экономики Китая. М.: Форум, 2003.

10. Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М.: Форум, 2018.

11. Сафронова Е.И. Особенности китайско-африканских отношений во время пандемии // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 30–44. DOI: 10.31857/S013128120012442-7.

12. Сафронова Е.И. Экономическая дипломатия Китая в Северо-Восточной Азии как фактор безопасности ШОС // Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС / Отв. ред. С.Г. Лузянин. М.: Весь мир, 2017. С. 96–115.

13. Сафронова Е.И. Экономическая дипломатия Китая и стратегическая безопасность в АТР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 18. С. 143–157.

14. Соловьева Е.А. Роль экономической дипломатии в китайской парадигме влияния на международные отношения // Университетские чтения. ПГУ, 2017. С. 234–239.

15. Хазбулатов Р.И. Экономическая дипломатия: В 2 ч. М.: Юрайт, 2018–2019.

16. Ху Аньган, Ма Вэй, Янь Илун. «Сычоу чжи лу цзинци дай»: чжаньлюэ нэйхань, динвэй хэ шисянь луцзин [«Экономический пояс Шелкового пути»: стратегическое содержание, место и пути осуществления] // Цюйюй юй чэнши цзинци. 2014. № 5. С. 3–13. (На кит. яз.)

17. Цао Линцюнь. Гуаньюй Чжунго цзюцзюэ цзяжу Баокоцитуань де сикао [Размышления об отказе Китая присоединиться к G8] // Шаньтоу дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэхуэйкэсюэ бань). 2003. Т. 3. С. 10–16. (На кит. яз.)

18. Цвык А.В. Экономическая дипломатия Китая: основные черты // Региональная экономика и управление. 2013. № 1 (33). С. 21–31.

19. Цзянь Цзисун. Гуаньюй дань бянь цзинци чжицайде сифасин юй хэфасинь таньсо [Исследования вопроса о юридических и правовых аспектах односторонних экономических санкций] // Фасюэ. 2007. № 1. (На кит. яз.)

20. Bayne N., Woolcock S. The new economic diplomacy: Decision-making and negotiation in international economic relations. Farnham-Burlington: Ashgate Publishing Ltd., 2011.

21. Fuchs A. China's economic diplomacy and the politics-trade nexus // Discussion Paper Series. University of Heidelberg. 2016. № 609. P. 1–25.

22. González C., Constanza M. Cuba: Puente entre China y América Latina // Revista Asia América Latina. 2017. № 3. P. 11–31.

23. Heath T.R. China's evolving approach to economic diplomacy // Asia Policy. 2016. № 22. P. 157–191. DOI: 10.1353/asp.2016.0020.

24. Jian C. Is China an emerging sanctioning state? 2012. Available at: https://www.researchgate.net/publication/282298631_Is_China_an_Emerging_Sanctioning_State (accessed: 23.04.2021).

25. Julienne M. Economy and diplomacy: China's two challenges in the post-COVID-19 world // Lettre du Centre Asie. 2020. № 82. P. 1–6.

26. Luo J., Zhang X. China's African policy and its soft power // AntePodium. Victoria University of Wellington, 2009.

27. Macikenaite V. China's economic statecraft: The use of economic power in an interdependent world // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2020. № 2. P. 108–126. DOI: 10.1080/24761028.2020.1848381.

28. Reilly J. China's unilateral sanctions // The Washington Quarterly. 2012. № 4 (35). P. 121–133. DOI: 10.1080/0163660X.2012.726428.

29. Roy D. China's pandemic diplomacy. Analysis from the East-West Center // Asia Pacific Issues. 2020. № 144. P. 1–8.

30. Sall O. Chinese soft power in Africa: Case of Senegal // Open Journal of Social Sciences. 2016. № 4. P. 133–142. DOI: 10.4236/jss.2016.411011.

31. Teixeira F., José P. A diplomacia económica num mundo multicêntrico // Percursos & Ideias. 2013. № 5. P. 14–21.

32. Yang Y. China's approach to economic diplomacy // America, China and the struggle for world order / Ed. by G.J. Ikenberry, W. Jisi, Z. Feng. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 161–186.

REFERENCES

1. Berger Ya.M. 2009. *Ekonomicheskaya strategiya Kitaya* [Economic strategy of China]. Moscow, Forum Publ. (In Russ.)

2. Blizhkovskii P., Prantl J. 2013. Global'noe ekonomicheskoe upravlenie: kakie problemy stoyat pered Aziei i Evropoi? [Global economic governance: What problems do Asia and Europe face?]. *Vek globalizatsii*, vol. 11, no. 1, pp. 41–46. (In Russ.)

3. Kapitsa L.M. 2009. *Ekonomicheskaya diplomatiya v usloviyakh globalizatsii* [Economic diplomacy in the context of globalization]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

4. Kashin V.B., Korolev A.S., Pyatachkova A.S. 2017. Kitaiskaya politika pomoshchi zarubezhnyim stranam: osnovnye printsipy i napravleniya [Chinese foreign aid policy: Basic principles and directions]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, no. 22, pp. 204–218. (In Russ.)

5. Leksyutina Ya. 2015. Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya v XXI veke [Economic diplomacy of China in the XXI century]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 2, pp. 24–37. (In Russ.)

6. Li Wei, Xun Yi. 2014. Litszie Chzhungo tszintszi vaitszyao [Understanding economic diplomacy of China]. *Waijiao Pinglun*, no. 4, pp. 1–24. (In Chinese).

7. Liu Wei. 2008. Guoji jingji zhicai xintedian ji woguo yingai duicelue [New characteristics of international economic sanctions, and the countermeasures our country should take]. *Shangwu Jingji Yanjiu*, no. 28. (In Chinese).

8. Mardashev A.A. 2009. Ehhfektivnost', sposoby i metody kitaiskoi ekonomicheskoi diplomatii [Effectiveness, ways and methods of Chinese economic diplomacy]. *Mirovoe i natsional'noe khozyaistvo*, no. 3–4, pp. 15–29. (In Russ.)

9. Mikheev V.V. 2003. *Globalizatsiya ekonomiki Kitaya* [The globalization of China's economy]. Moscow, Forum Publ. (In Russ.)

10. Safronova E.I. 2018. *Kitai i razvivayushchiysya mir: kontseptsii i aktual'naya praktika otnoshenii* [China and the developing world: Concepts and actual practice of relations]. Moscow, Forum Publ. (In Russ.)

11. Safronova E.I. 2020. Osobennosti kitaisko-afrikanskikh otnoshenii vo vremya pandemii [Features of Chinese-African relations during the pandemic]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 5, pp. 30–44. DOI: 10.31857/S013128120012442-7. (In Russ.)

12. Safronova E.I. 2017. Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya v Severo-Vostochnoi Azii kak faktor bezopasnosti ShOS [China's economic diplomacy in Northeast Asia as a security factor of the SCO]. In: Luzyanin S.G. (ed.). *Problemy obespecheniya bezopasnosti na prostranstve ShOS* [Ensuring security in the SCO region]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 96–115. (In Russ.)

13. Safronova E.I. 2013. Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya i strategicheskaya bezopasnost' v ATR [Economic diplomacy of China and strategic security in the Asia-Pacific]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, no. 18, pp. 143–157. (In Russ.)

14. Solov'eva E.A. 2017. Rol' ekonomicheskoi diplomatii v kitaiskoi paradigme vliyaniya na mezhdunarodnye otnosheniya [The role of economic diplomacy in the Chinese paradigm of influence on international relations]. *Universitetskie chteniya. PGU*, pp. 234–239. (In Russ.)

15. Khazbulatov R.I. 2018–2019. *Ekonomicheskaya diplomatiya* [Economic diplomacy]. Moscow, Yurait Publ. (In Russ.)

16. Hu Angang, Ma Wei, Yan Yilong. 2014. ‘Sichou zhi lu jingji dai’: zhanlue neihan, dingwei he shixian lujing [‘The Silk Road Economic Belt’: Strategic significance, role and ways of implementation]. *Quyuy yu chengshi jingji*, no. 5, pp. 3–13. (In Chinese).

17. Cao Lingjun. 2003. Guanyu Zhongguo jujue jiaru Baoguojituan de sikao [Thoughts on China’s refusal to join the G8]. *Shantou Daxue Xuebao (renwen shehuikexue ban)*, vol. 3, pp. 10–16. (In Chinese).

18. Tsvyk A.V. 2013. Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya: osnovnye cherty [Economic diplomacy of the PRC: Main features]. *Regional’naya ekonomika i upravlenie*, vol. 33, no. 1, pp. 21–31. (In Russ.)

19. Jian Jisong. 2007. Guanyu danbian jingji zhicai de ‘sifaxing’ yu ‘hefaxin’ tansuo’ [Investigation into the judicial and legal aspects of unilateral sanctions]. *Faxue*, no. 1. (In Chinese).

20. Bayne N., Woolcock S. 2011. *The new economic diplomacy: Decision-making and negotiation in international economic relations*. Farnham-Burlington, Ashgate Publishing.

21. Fuchs A. 2016. China’s economic diplomacy and the politics-trade nexus. *Discussion Paper Series University of Heidelberg*, no. 609, pp. 1–25.

22. González C., Constanza M. 2017. Cuba: Puente entre China y América Latina. *Revista Asia América Latina*, no. 3, pp. 11–31.

23. Heath T.R. 2016. China’s evolving approach to economic diplomacy. *Asia Policy*, no. 22, pp. 157–191. DOI: 10.1353/asp.2016.0020.

24. Jian C. 2012. Is China an emerging sanctioning state? *Research Gate Internet Portal*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/282298631_Is_China_an_Emerging_Sanctioning_State (accessed: 23.04.2021).

25. Julienne M. 2020. Economy and diplomacy: China’s two challenges in the post-COVID-19 world. *Lettre du Centre Asie*, no. 82, pp. 1–6.

26. Luo J., Zhang X. 2009. China’s African policy and its soft power. *Ante-Podium*. Victoria University of Wellington.

27. Macikenaite V. 2020. China’s economic statecraft: The use of economic power in an interdependent world. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, no. 2, pp. 108–126. DOI: 10.1080/24761028.2020.1848381.

28. Reilly J. 2012. China’s unilateral sanctions. *The Washington Quarterly*, vol. 35, no. 4, pp. 121–133. DOI: 10.1080/0163660X.2012.726428.

29. Roy D. 2020. China’s pandemic diplomacy. Analysis from the East-West Center. *Asia Pacific Issues*, no. 144, pp. 1–8.

30. Sall O. 2016. Chinese soft power in Africa: Case of Senegal. *Open Journal of Social Sciences*, no. 4, pp. 133–142. DOI: 10.4236/jss.2016.411011.

31. Teixeira F., José P. 2013. A diplomacia económica num mundo multicêntrico. *Percursos & Ideias*, no. 5, pp. 14–21.

32. Yang Y. 2015. China's approach to economic diplomacy. In: Ikenberry G.J., Jisi W., Feng Z. (eds.). *America, China, and the struggle for world order*. New York, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137508317_7.

Статья поступила в редакцию 25.04.2021; одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 22.09.2021.

The paper was submitted 25.04.2021; approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 22.09.2021.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-190-224

Научная статья / Research paper

Д.А. Потапов*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КНР НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

В статье предпринимается попытка оценить использование Китаем инвестиционного сотрудничества и национального законодательства, регулирующего прямые иностранные инвестиции, в качестве инструмента продвижения своих экономических и политических интересов и ответа на глобальные вызовы, которые встают перед страной в современных условиях. Для этого автор последовательно рассматривает основные этапы развития инвестиционного законодательства КНР с конца 1970-х годов, а также подробно освещает последние законодательные новации в этой сфере. При этом отличительной особенностью исследования является то, что эволюция инвестиционного регулирования в КНР анализируется в тесной увязке с логикой и динамикой развития международных отношений, изменениями региональной и глобальной роли Китая. Автор заключает, что наравне с нарастанием международной напряженности и конкуренции в различных областях, которое можно рассматривать как проявление тенденции к складыванию нового полицентричного мирового порядка, усиливается необходимость поиска компромиссов, укрепления сотрудничества государств и негосударственных акторов, в том числе через стимулирование привлечения иностранных инвестиций. В то же время повышаются и требования к механизмам контроля прямых иностранных инвестиций. Ярким проявлением этих разнонаправленных тенденций

* *Потапов Даниил Андреевич* — старший лаборант-исследователь сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (e-mail: potapov.pengdan@imemo.ru).

может служить реформа инвестиционного законодательства Китая. При этом особое значение приобретает инвестиционное взаимодействие КНР с Европейским союзом. Последний обладает комплексом инновационных технологических решений и компетенций, представляющих особый интерес для китайского руководства в контексте его усилий по модернизации экономики страны. В статье рассмотрены объемы, динамика и ключевые направления инвестиционных потоков, связывающих Китай со странами ЕС. О важности этого взаимодействия для обеих сторон говорит также тот факт, что после 7 лет переговоров ЕС и Китай разработали двусторонний механизм регулирования — так называемое Всеобъемлющее инвестиционное соглашение. И хотя сейчас его ратификация приостановлена под предлогом нарушения Китаем прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, автор считает, что в будущем это соглашение всё же вступит в силу. К этому, по мнению автора, стороны настоятельно подталкивает сама логика развития формирующегося полицентричного мирового порядка. В этом контексте инвестиционное регулирование выступает не только как средство защиты экономических интересов КНР, но и как инструмент международного позиционирования страны в условиях трансформации системы международных отношений.

Ключевые слова: Китай, инвестиционное регулирование, прямые иностранные инвестиции, Европейский союз, трансформация миропорядка, устойчивость, роботизация, национальная конкурентоспособность.

Для цитирования: Потапов Д.А. Международные аспекты либерализации инвестиционного законодательства КНР на примере отношений с Европейским союзом // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 3. С. 190–224. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-190-224.

Daniil A. Potapov

**INTERNATIONAL ASPECTS
OF INVESTMENT LIBERALIZATION IN THE PRC:
A CASE OF EU-CHINA COOPERATION**

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

The paper examines the role of investment cooperation and national foreign investment regime as a means to promote China's economic and political interests and to respond to new global challenges that the country faces nowadays. To

this end, the author examines the main stages of China's liberalization of the legal regime for foreign investment from the end of the 1970s with a special focus on a new foreign investment law. In doing so the author attempts to link the evolution of investment regulation in the PRC with the dynamics of international relations development and the changing role of China as a regional and global actor. The author emphasizes that a trend towards the emergence of a polycentric world order not only provokes the rise of international tensions but also provides new incentives to promote dialogue and enhance cooperation between states and non-governmental actors, particularly by encouraging foreign investments. At the same time, there is a growing need to improve regulatory mechanisms for direct foreign investments. All these contradictory trends have directly affected China's foreign investment regime reform. In this context the investment cooperation between the PRC and the European Union is of particular importance. The EU possesses a set of innovative technological solutions and competencies that are of particular interest to the Chinese leaders in the context of their efforts to modernize the country's economy. The paper examines the volume, dynamics and key directions of investment flows between China and the EU member-states. The fact that after seven years of difficult negotiations, the EU and China managed to develop a special bilateral regulatory mechanism — EU-China Comprehensive Agreement on Investment — underscores again the importance of this cooperation for both parties. Even though the EU has suspended the ratification of this deal on the pretext of human right violations in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, the author concludes, that in the future this agreement will come into force, since the very logic of the emerging polycentric world order urges for deeper cooperation between the EU and China. In this context, the investment regulation appears not only as a means to protect the Chinese economic interests, but also as an instrument to strengthen China's international positions in the changing global context.

Keywords: China, investment regulation, foreign direct investment, the European Union, transformation of the world order, sustainability, robotics, national competitiveness.

About the author: *Daniil A. Potapov* — Senior Research Assistant at the Sector of International Organizations and Global Political Regulation, Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: potapov.pengdan@imemo.ru).

For citation: Potapov D.A. 2021. International aspects of investment liberalization in the PRC: A case of EU-China cooperation. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 190–224. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-190-224. (In Russ.)

В рамках современной системы международных отношений ЕС и КНР являются одними из ключевых субъектов мировой политики и экономики, влиятельными игроками в борьбе за региональное и глобальное лидерство. Инвестиционное сотрудничество и связанное с ним регулирование прямых иностранных инвестиций (ПИИ) стали важными составляющими их внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности не только как инструменты «мягкой силы», но и как ответы на экономические и технологические вызовы странового, регионального и глобального развития. При этом особенности законодательного регулирования и параметры инвестиционного сотрудничества становятся всё более значимой сферой расширяющегося двустороннего взаимодействия КНР и ЕС. В настоящее время Брюссель и Пекин активно реформируют собственное инвестиционное законодательство, совершенствуя контроль над деятельностью иностранных инвесторов и формируя новые механизмы для защиты своих национальных интересов, в первую очередь в сфере технологий. Вместе с тем экономические интересы обеих сторон и вызовы глобализации требуют поиска компромиссных подходов для обеспечения более широкого и свободного доступа на рынок партнера с учетом интересов в сфере безопасности и обладания критически важными технологиями.

Центральная проблема исследования состоит в том, чтобы оценить использование Китаем инвестиционного сотрудничества и национального законодательства, регулирующего ПИИ, в качестве инструмента продвижения своих экономических и политических интересов и ответа на глобальные вызовы, которые встают перед страной в современных условиях. Для этого в статье рассматриваются основные этапы развития инвестиционного законодательства КНР с конца 1970-х годов в контексте экономической истории страны, трансформации миропорядка и возвышения Китая как регионального и глобального игрока, динамики глобальной экономики новых технологий. Подобная постановка проблемы исследования обуславливает особое внимание к инвестиционному взаимодействию КНР с ЕС, который обладает комплексом инновационных технологических решений и компетенций, представляющих особый интерес для китайского руководства в контексте его усилий по модернизации экономики страны.

Научная новизна исследования в свою очередь обусловлена рядом факторов. Во-первых, в статье предпринимается попытка проанализировать эволюцию и недавние изменения китайского законодательства, регулирующего ПИИ, не только с точки зрения логики экономического развития страны, но и в контексте трансформации внешнеполитической стратегии КНР в целом и ее взаимоотношений с ЕС в частности. Во-вторых, в методологическом плане работа опирается на положения пространственного подхода [Прохоренко, 2015; Европейский союз в глобальном экономическом управлении, 2017], что позволило выявить организационные параметры специфической модели взаимодействия Китая и ЕС как влиятельных глобальных игроков, используя категории транснационального политического пространства и международного региона. Пространственный подход дает возможность в динамике и в различных масштабах изучить институциональные и политические аспекты двустороннего сотрудничества в его инвестиционном измерении и дать прогнозные оценки в контексте трендов мирового развития и трансформации современного миропорядка. В-третьих, исследование базируется на широком круге первоисточников, которые сравнительно редко рассматриваются в комплексе в рамках одной работы: законодательстве КНР и ЕС, решениях и постановлениях органов государственной власти Китая в сфере инвестиционного регулирования, статистических материалах и данных ЕС, КНР и международных организаций (включая ЮНЕСКО, Всемирную торговую организацию (ВТО), Международный валютный фонд, Международную федерацию робототехники), а также на сообщениях СМИ.

Непосредственно по теме исследования имеется ограниченное количество научных публикаций — в основном экспертные оценки и комментарии. Для осмысления тематики инвестиционного сотрудничества ЕС и Китая, специфики модели инвестиционного регулирования КНР и ее динамики большой интерес представляют работы китайского экономиста Чень Чунлаи [Chen, 2015], юриста Джона Вана [Wan, 2019], экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Маркуса Таубе и Мехмета Огютчу [Taube, Ögütçü, 2002]. В России данная проблематика оказывалась главным образом в фокусе внимания юристов и экономистов, которые изучали инвестиционное законодательство Китая, отдельные его особенности и эволюцию [Бадаева, 2018; Новосёлова, 2020], а также

сравнивали его с практиками других стран [Жилкибаев, 2020]. Второй большой пласт составляют работы, посвященные анализу статистики и динамики инвестиционных потоков и особенностей их регулирования в КНР. Ряд авторов сосредоточили внимание непосредственно на изучении инвестиционных потоков из Китая в ЕС и их влияния на страны Евросоюза [Андропова, Соколан, 2018; Сухонос, 2019]. Во многих работах анализируются роль китайских инвестиций в глобальной экономике [см., например: Шелухин, 2016], общая динамика движения китайского капитала. Однако публикации, в которых специально рассматривались бы международно-политические аспекты эволюции инвестиционного законодательства КНР, в частности, регулирующего ПИИ, и влияние этих изменений на внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность Пекина, отсутствуют.

К истории инвестиционного регулирования в Китае

Китайские эксперты выделяют четыре этапа в развитии национального законодательства, регулирующего вложения иностранного капитала¹. Первый этап продлился с 1978 по 1991 г. В рамках политики «реформ и открытости» был начат процесс формирования пакета законодательных мер, регулирующих приток иностранного капитала. Были выработаны и приняты «три закона об иностранных инвестициях» (Вай цзы сань фа): Закон о совместных паевых предприятиях с участием китайского и иностранного капитала (1979)²; Закон о предприятиях с иностранным капиталом (1986)³; Закон о контрактных совместных предприятиях с участием китайского и

¹ Гай гэ кай фан 40 нянь лай ли юн вай цзы фа люй чжи ду дэ бянь цянь юй чжан ван [Развитие и перспективы системы законодательства, регулирующей прямые иностранные инвестиции, в течение 40 лет с момента начала политики реформ и открытости] // Всекитайское собрание народных представителей. 20.02.2019. Доступ: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2019-02/20/content_2071908.htm (дата обращения: 11.02.2021). (На кит. яз.)

² Чжун хуа жень минь гун хэ го чжун вай хэ цзы цзин ин ци е фа [Закон КНР о совместных паевых предприятиях с участием китайского и иностранного капитала] // Всекитайское собрание народных представителей. Доступ: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/09/content_4380.htm (дата обращения: 11.02.2021). (На кит. яз.)

³ Чжун хуа жень минь гун хэ го чжун го вай цзы ци е фа [Закон КНР о предприятиях с иностранным капиталом] // Всекитайское собрание народных представителей. Доступ: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4468.htm (дата обращения: 13.02.2021). (На кит. яз.)

иностранный капитал (1988)⁴. Впоследствии они были дополнены положениями об их применении (Фа ши ши тяо ли), в которых были подробно расписаны требования к структуре компаний, их уставному капиталу, форме инвестирования, а также процедуры создания, регистрации, разрешения споров и многие другие вопросы.

Сначала для иностранных инвесторов были открыты только специальные экономические зоны в некоторых прибрежных городах Китая. В 1986 г. Государственный совет КНР, высший исполнительный орган страны, принял закон о стимулировании привлечения иностранных инвестиций⁵, в рамках которого предусматривались различные стимулирующие меры в сферах налогообложения, импортно-экспортных операций, кредитования и многих других. В течение данного периода был сформирован законодательный базис регулирования ПИИ, однако большая часть городов и секторов экономики по-прежнему оставались закрытыми для иностранных инвесторов. В то же время принятые высшим политическим руководством страны меры позволили начать активно привлекать иностранный капитал в национальную экономику. За этот период среднегодовой объем привлеченных инвестиций составлял 1,79 млрд долл. США, а в 1991 г. достиг суммарного объема 4,37 млрд долл.⁶

Второй этап — с 1992 по 2000 г. — характеризовался стремительным увеличением объема, географии и отраслевого масштаба ПИИ. Сферы, открытые для иностранных инвесторов, активно расширя-

⁴ Чжун хуа жень минь гун хэ го чжун вай хэ цзо цзин ин ци е фа [Закон КНР о контрактных совместных предприятиях с участием китайского и иностранного капитала] // China WikiSource. Доступ: [https://zh.m.wikisource.org/zh-hans/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E4%B8%AD%E5%A4%96%E5%90%88%E4%BD%9C%E7%BB%8F%E8%90%A5%E4%BC%81%E4%B8%9A%E6%B3%95_\(1988%E5%B9%B4\)_\(дата обращения: 13.02.2021\).](https://zh.m.wikisource.org/zh-hans/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E4%B8%AD%E5%A4%96%E5%90%88%E4%BD%9C%E7%BB%8F%E8%90%A5%E4%BC%81%E4%B8%9A%E6%B3%95_(1988%E5%B9%B4)_(дата обращения: 13.02.2021).) (На кит. яз.)

⁵ Гоу ву юань гуань юй цзинь и бу гай шань вай тоу цзы ци е шень чан цзин ин тяо цзянь дэ тун чжи [Директива Госсовета о постепенном совершенствовании условий для предприятий с иностранным капиталом] // Канцелярия Государственного совета КНР. Доступ: http://www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mrlm/201308/t20130827_66288.html (дата обращения: 21.09.2021). (На кит. яз.)

⁶ Гай гэ кай фан 40 нянь лай ли юн вай цзы фа люй чжи ду дэ бьянь цянью юй чжан ван [Развитие и перспективы системы законодательства, регулирующей прямые иностранные инвестиции в течение 40 лет с момента начала политики реформ и открытости] // Всекитайское собрание народных представителей. 20.02.2019. Доступ: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2019-02/20/content_2071908.htm (дата обращения: 11.02.2021). (На кит. яз.)

лись: помимо экспортно ориентированных производств они получили возможность осуществлять капиталовложения в некоторые высокотехнологические отрасли, а также в сектор услуг, который быстро развивался в Китае. Расширился доступ и в географическом измерении: инвесторы смогли вести деятельность в населенных пунктах за ограничительной линией прибрежных городов и даже в глубине страны.

В 1998 г. была принята Программа о мерах дальнейшего расширения политики открытости, повышении уровня притока иностранных инвестиций⁷, в которой постулировалась идея использования иностранного капитала для содействия устойчивому всестороннему социально-экономическому развитию. За этот период среднегодовой объем привлеченных инвестиций составлял более 36 млрд долл. США, а в 2000 г. общий объем ПИИ вырос до 40,7 млрд⁸. В конце 1980-х — первой половине 1990-х годов были приняты законы, направленные на стимулирование притока иностранных инвестиций китайских эмигрантов и жителей Тайваня, Гонконга и Макао. Среди новых документов — Закон о защите инвестиций тайваньских соотечественников⁹, решения Государственного совета КНР о стимулировании инвестиций тайваньских соотечественников, китайских эмигрантов и соотечественников из Гонконга и Макао¹⁰. Это было

⁷ Го ву юань гуань юй цзинь и бу ко да дуй вай лай фан, ти гао ли юн вай цзы шуй пи дэ жо гань и цзянь [Программа Госсовета о мерах дальнейшего расширения политики открытости, повышении уровня притока иностранных инвестиций] // Reformdata. Доступ: <http://www.reformdata.org/1998/0414/4548.shtml> (дата обращения: 13.02.2021). (На кит. яз.)

⁸ Гай гэ кай фан 40 нянь лай ли юн вай цзы фа люй чжи ду дэ бьянь цянь юй чжан ван [Развитие и перспективы системы законодательства, регулирующей прямые иностранные инвестиции в течение 40 лет с момента начала политики реформ и открытости] // Всекитайское собрание народных представителей. 20.02.2019. Доступ: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2019-02/20/content_2071908.htm (дата обращения: 11.02.2021). (На кит. яз.)

⁹ Чжун хуа жень минь гун хэ го тай вань тун бао тоу цзы бао ху фа [Закон КНР о защите инвестиций тайваньских соотечественников] // Всекитайское собрание народных представителей. Доступ: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2000-12/05/content_5004612.htm (дата обращения: 13.02.2021). (На кит. яз.)

¹⁰ Го ву юань гуань юй гу ли хуа цяо хэ сян ган ао мэнь тун бао тоу цзы дэ гуй дин [Регламент Госсовета о поощрении инвестиций китайских эмигрантов и соотечественников из Гонконга и Аомыня] // Law of China. Доступ: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=1294&CGid=> (дата обращения: 13.02.2021). (На кит. яз.)

Четвертый этап начался в 2012 г. и характеризуется всеобъемлющими реформами, которые продолжаются до сих пор. В ноябре 2013 г. были предложены следующие меры по изменению инвестиционного законодательства: объединение регулирования отечественных и иностранных инвестиций, введение «списка исключений»¹⁴ и многие другие. Изначально новые режимы вводились только в свободных экономических зонах, например в Шанхае, Гуандуне и других прибрежных городах. На основании наработанного опыта Постоянный комитет ВСНП в сентябре 2016 г. принял решение о реформировании закона в данных зонах и упрощении процедур административного контроля в отношении предприятий с участием иностранного капитала.

Рассматривая процесс эволюции китайского законодательства, регулирующего ПИИ, стоит выделить внешние и внутренние драйверы. Первые подробнее рассмотрены в следующем параграфе, среди вторых можно в первую очередь назвать проблему внутреннего экономического неравенства китайских провинций, в частности приморских и внутриматериковых, которое особенно обострилось в процессе постепенного открытия Китая в рамках политики «реформ и открытости», так как значительная доля ПИИ стала концентрироваться в приморских зонах, где создавались экспортно ориентированные предприятия [Chen, 2015]. Поскольку существенная часть материалов и компонентов для данных предприятий также импортировалась из-за рубежа, а не поступала из внутренних провинций, «перелива» инвестиций и технологий из приморских в отдаленные территории страны практически не происходило. Тренд на поляризацию между восточными и западными провинциями начал формироваться уже в 1980–1990-х годах, что подтверждают расчеты экспертов ОЭСР об увеличении доли восточных провинций в ВВП страны (с 45% в 1980 г. до 51,3% в 1999 г.) [Taube, Ögütçü, 2002]. Данная проблема в определенной степени повлияла на вектор законодательных реформ, осуществляемых китайским руководством в

¹⁴ Чжун го (шан хай) цзы ю мао и ши янь цюй вай шан тоу цзы чжунь жу тэ бе гуань ли цо ши (фу мянь цин дань) (2013 нянь) [Положения правительства КНР (Шанхая) об особых процедурах регулирования иностранных инвестиций в экспериментальной зоне свободной торговли] // Правительство города Шанхай. Доступ: https://www.shanghai.gov.cn/nw30984/20200820/0001-30984_37036.html (дата обращения: 01.09.2021). (На кит. яз.)

последние годы, и можно предположить, что расширение географии и привлечение инвесторов в западные провинции станут одними из приоритетных задач на ближайшее будущее.

Последние изменения в регулировании ПИИ в Китае

Для анализа недавних изменений в законодательстве КНР, регулирующем иностранные инвестиции, необходимо обозначить развернувшиеся в стране масштабные институциональные и структурные реформы, которые направлены на модернизацию ее экономической и политической систем¹⁵. В первую очередь это реализуемая с 2016 г. реформа государственной собственности. По мнению российского эксперта Н.Н. Вавилова, основные черты данной реформы заключаются в следующем: 1) происходит изменение структуры собственности государственных предприятий в сторону расширения участия частного капитала в них через продажу акций дочерних структур; 2) под частным капиталом теперь подразумевается капитал, привлеченный в результате продажи акций предприятий сотрудникам и китайским частным компаниям, а также иностранным инвесторам; 3) полученные финансовые ресурсы будут направлены в первую очередь на создание совместных проектов с инвестором с привлечением его технологий; 4) под данную реформу также попадают предприятия оборонно-промышленного комплекса, электроэнергетики, нефтяной и газовой отраслей; 5) к декабрю 2018 г. Госсовет утвердил список из 50 крупнейших предприятий, которые участвуют в реформе, а доля крупных госпредприятий со смешанной собственностью превысила 50% [Вавилов, 2021].

Реформа инвестиционного законодательства в этой связи выглядит логичным продолжением реформы собственности и представляется значимым инструментом привлечения иностранного капитала и новых технологий. Однако нельзя сводить ее значение

¹⁵ Истоки этих реформ, как и инвестиционное регулирование, берут свое начало также в событиях конца 1970-х годов, когда решениями пленумов Китайской коммунистической партии были заложены основы разработки и реализации мероприятий по созданию в стране многоукладной экономики, в которой доминирующее положение занимала общественная собственность на средства производства.

только к этому: миноритарные иностранные инвесторы могут способствовать распространению технологий на рынках других странах через сотрудничество между компаниями.

С 1 января 2020 г. в Китае действует новая редакция Закона об иностранных инвестициях (указ правительства КНР № 723)¹⁶. Этот обновленный документ заменил предыдущие законы, регулировавшие иностранные инвестиции, а именно: Закон о совместных предприятиях китайских и иностранных инвесторов, Временное положение о совместном управлении предприятиями с китайским и иностранным капиталом, Положение об иностранных предприятиях в КНР, Положение о совместном предприятии китайских и иностранных инвесторов.

Важно отметить, что Закон об иностранных инвестициях существенно трансформировал национальное законодательство, регулирующее ПИИ, во-первых, объединив разрозненные нормативно-правовые акты в единый документ, во-вторых, предоставив более широкий доступ иностранным инвесторам на китайский рынок. В то же время в новом законодательстве по-прежнему присутствует «список исключений», в котором обозначены ограничения для иностранных инвесторов на национальном рынке по отраслям или специальные требования для инвестиционных операций (табл. 1).

Открытие китайского рынка в основном затронуло финансовый сектор, предоставление коммунальных и лизинговых услуг, добывающие отрасли и строительство атомных электростанций. Технологические инновации в области информационно-коммуникационных технологий, биотехнологий, геномной инженерии и многие другие отрасли всё еще остаются недоступными для иностранных инвесторов. Кроме того, данные сектора и отрасли национальной экономики находятся под дополнительной защитой государства.

¹⁶ Чжун хуа жень минь гун хэ го го ву юань лин ди 723 хао: чжун хуажень минь гун хэ го вай шань тоу цзы фа ши ши тяо ли [Указ № 723 Государственного совета Китайской Народной Республики: имплементация закона КНР, регулирующего прямые иностранные инвестиции] // Центральное правительство КНР. Доступ: http://www.gov.cn/zhengce/content/2019-12/31/content_5465449.htm (дата обращения: 24.01.2021). (На кит. яз.)

Таблица 1. Сравнение «списков исключений» в Законе об иностранных инвестициях в редакциях 2018 и 2020 гг.*

Table 1. Comparison of 'Exception lists' from the 2018 Law on Foreign Investments and as revised in 2020

«Список исключений» 2018 г.	«Список исключений» 2020 г.
<i>Сельское хозяйство</i>	
Во всех предприятиях, связанных с выращиванием зерновых и злаковых культур, контрольный пакет акций должен принадлежать национальным инвесторам	В предприятиях, связанных с выращиванием зерновых, доля национальных инвесторов не должна быть менее 34%. В предприятиях, связанных с выращиванием злаковых культур, контрольный пакет акций остается у китайских инвесторов
Запрещены ПИИ в предприятия, осуществляющие исследования, селекцию и выращивание генетически модифицированных растений и животных	
Запрещены ПИИ в предприятия, занимающиеся рыбной ловлей в акватории Китая	
<i>Добывающая промышленность</i>	
Возможны ограниченное сотрудничество и ограниченный объем ПИИ в предприятиях, занимающихся разведкой и разработкой нефтяных и газовых месторождений	Ограничения сняты
Запрещены ПИИ в предприятия, занимающиеся разведкой и добычей редкоземельных металлов и радиоактивных элементов	
<i>Перерабатывающая промышленность</i>	
В издательствах и типографиях контрольный пакет должен быть у китайской стороны	
Запрещены ПИИ в компании по производству ядерного топлива	Запрет снят
Запрещены ПИИ в предприятия, использующие «секреты китайской медицины» в производстве продукции	
В предприятиях автомобильной промышленности китайский капитал должен составлять не менее 50%. Запрещено участие иностранного капитала в компаниях по производству автомобилей на новых видах энергии (электричество, водород и т.д.). Разрешено создавать на территории страны новые предприятия с участием иностранного капитала, которые будут заниматься разработкой автомобилей с использованием новых видов энергии	

«Список исключений» 2018 г.	«Список исключений» 2020 г.
Запрещены ПИИ в компании по производству оборудования для спутникового телевидения	
Запрещены ПИИ в производство бамбуковой бумаги и предметов каллиграфии	Запрет снят
<i>Энергетика и коммунальные услуги</i>	
При строительстве атомных электростанций и управлении ими китайская сторона должна обладать контрольным пакетом	
При строительстве систем снабжения водой, газом и энергией в городах с населением свыше 500 тыс. человек и управлении этими системами китайская сторона должна обладать контрольным пакетом	Ограничение снято
<i>Розничная торговля</i>	
Запрещены ПИИ в предприятия розничной и оптовой продажи табака и табачных изделий	
<i>Транспортные услуги</i>	
В компаниях, оказывающих транспортные услуги на реках на территории Китая, контрольный пакет должен быть у китайских инвесторов	
В компаниях, оказывающих услуги аренды судов на территории Китая, контрольный пакет должен быть у национальных инвесторов	Ограничение снято
В компаниях в сфере гражданской авиации китайская сторона сохраняет контрольный пакет акций, иностранный инвестор единолично не может владеть более 25% акций, его официальным представителем должен быть китайский гражданин. В компаниях, предоставляющих услуги легкомоторной авиации (авиации общего назначения), необходимо, чтобы официальным представителем иностранных инвесторов был китайский гражданин, существует ограничение доли иностранного капитала	
При строительстве аэропортов гражданского назначения и управлении ими китайская компания должна обладать контрольным пакетом акций. Иностранные компании не допущены к строительству систем управления воздушным движением	
Запрещено участие иностранного капитала в службах почтовой доставки	

«Список исключений» 2018 г.	«Список исключений» 2020 г.
<i>Информационно-телекоммуникационные технологии</i>	
В компаниях, предоставляющих услуги связи, доля иностранного капитала не может превышать 50%. В компаниях, разрабатывающих и создающих аппаратное обеспечение для телекоммуникаций, контрольный пакет должен находиться у китайской стороны	
Запрещено участие иностранного капитала в компаниях, предоставляющих информационно-новостные услуги, аудиовизуальное программное обеспечение, осуществляющих коммерческое распространение произведений искусства и творческих произведений в сети Интернет. В данный перечень не входят те услуги и отрасли, которые КНР открыла для иностранного капитала в рамках своих обязательств при вступлении в ВТО	
<i>Финансовые услуги</i>	
В брокерских, страховых компаниях и компаниях, предоставляющих доступ к операциям со срочными финансовыми инструментами, доля иностранного капитала не может превышать 51%	Ограничение снято
<i>Лизинг и услуги управления, рекламы и иного информационного сопровождения в бизнесе</i>	
Запрещено участие иностранного капитала в компаниях, предоставляющих юридические услуги в Китае (исключение составляют компании, предоставляющие общую информацию о состоянии китайского законодательства)	
Запрещено участие иностранного капитала в компаниях, проводящих социологические опросы	
В компаниях, предоставляющих услуги анализа рынка, в том числе изучения аудитории, контрольный пакет должен находиться у китайской стороны	
<i>Научно-технические разработки и научные исследования</i>	
Запрещено участие иностранного капитала в компаниях, занимающихся исследованием и использованием стволовых клеток человека, диагностикой и лечением с использованием геномной инженерии	
Запрещено участие иностранного капитала в научно-исследовательских организациях по гуманитарным наукам	
Запрещено участие иностранного капитала в исследованиях в сфере гидрологии, геодезии, картографии (в том числе с использованием 3D-моделирования), создания систем навигации и т.д.	

«Список исключений» 2018 г.	«Список исключений» 2020 г.
<i>Управление коммунальной инфраструктурой, водным хозяйством и природными ресурсами</i>	
Запрещено участие иностранного капитала в компаниях, занимающихся защитой окружающей среды и биоразнообразия	Запрет снят
<i>Образование и образовательные услуги</i>	
В учреждениях дошкольного, общего среднего и высшего образования допускается сотрудничество китайских и иностранных кадров, но необходимо, чтобы на руководящих должностях были граждане КНР или не менее половины совета директоров и других руководящих органов были гражданами КНР	
Запрещено участие иностранного капитала в образовательных учреждениях обязательного и религиозного образования	
<i>Здравоохранение</i>	
Ограниченное участие иностранного капитала в учреждениях здравоохранения	
<i>Сфера развлечений, культуры и спорта</i>	
Запрещено участие иностранного капитала в новостных изданиях	
Запрещено участие иностранного капитала в радиостанциях, телеканалах всех уровней, телерадиовещательных компаниях через сеть Интернет и прочих вещательных организациях	
Запрещено участие иностранного капитала в компаниях, занимающихся созданием программ и передач на телевидении	
При строительстве и эксплуатации кинотеатров китайская сторона должна обладать контрольным пакетом акций	Ограничение снято
Запрещено участие иностранного капитала в компаниях, занимающихся кинопроизводством и дистрибуцией кинолент	
В компаниях, занимающихся организацией творческих и сценических выступлений, контрольный пакет должен принадлежать китайской стороне	Ограничение снято
Запрещено участие иностранного капитала в компаниях, занимающихся продажей (аукционами) объектов культуры и искусства, продажами в государственных музеях	

«Список исключений» 2018 г.	«Список исключений» 2020 г.
Запрещено участие иностранного капитала в художественных (творческих) коллективах	

* *Примечание:* перед реформой законодательства в 2020 г. действовала редакция «списка исключений» 2018 г.

Источник: составлено автором на основании приложений к законам, регулирующим ПИИ: «списки исключений» версий 2018 г.¹⁷ и 2020 г.¹⁸

Source: compiled by the author on the basis of the annexes to 2018 Law on Foreign Investments and as revised in 2020.

В Китае согласно ст. 40 Закона об иностранных инвестициях была создана схожая с механизмами анализа и оценки иностранных инвестиций стран Европейского союза система проверки иностранных инвестиций на наличие угроз национальной безопасности¹⁹. Эта система контролирует сделки, которые затрагивают предприятия, связанные с оборонно-промышленным комплексом и смежными с ним сферами деятельности, значимыми для национальной безопасности, включая транспортные услуги, сельское хозяйство, инфраструктуру, энергетику, информационно-коммуникационные технологии, машиностроение, критически важные технологии и многие другие. Органом, ответственным за процедуру анализа и оценки, является созданная Государственным советом КНР Межведомственная комиссия по оценке рисков для национальной безопасности в рамках сделок иностранных инвесторов и отечественных предприятий [Wan, 2019].

Процесс анализа и оценки рисков состоит из трех этапов. Первый этап — извещение: иностранный инвестор лично или соответ-

¹⁷ Вай шань тоу цзы чжунь жу тэ бе цо ши (фу мянь цин дань) (2018 нянь бань) [Специальные меры контроля над иностранными инвестициями (список исключений) (версия 2018)] // Министерство коммерции КНР. Доступ: <http://images.mofcom.gov.cn/wzs/201806/20180628220738627.pdf> (дата обращения: 24.01.2021). (На кит. яз.)

¹⁸ Вай шань тоу цзы чжунь жу тэ бе цо ши (фу мянь цин дань) (2020 нянь бань) [Специальные меры контроля над иностранными инвестициями (список исключений) (версия 2020)] // Центральное правительство КНР. Доступ: http://www.gov.cn/gongbao/content/2020/content_5532623.htm (дата обращения: 24.01.2021). (На кит. яз.)

¹⁹ Чжун хуа жень минь гун хэ го го ву юань лин ди 723 хао: чжун хуажень минь гун хэ го вай шань тоу цзы фа ши ши тяо ли [Указ № 723 Государственного совета Китайской Народной Республики: имплементация закона КНР, регулирующего прямые иностранные инвестиции] // Центральное правительство КНР. Доступ: http://www.gov.cn/zhengce/content/2019-12/31/content_5465449.htm (дата обращения: 24.01.2021). (На кит. яз.)

ствующее министерство, та или иная государственная отраслевая ассоциация либо предприятие отрасли, к которой принадлежит китайская компания — участник инвестиционной трансакции, подает заявление в Государственный комитет по развитию и реформам. Комитет в свою очередь принимает решение о необходимости привлечь к анализу данной трансакции Межведомственную комиссию. Второй этап — собственно процедура анализа, состоящая из двух стадий: на первой Межведомственная комиссия передает информацию о трансакции в соответствующее министерство, которое после 20 рабочих дней принимает решение — одобрить или потребовать проведения более тщательной проверки. На второй стадии проходит более детальная проверка инвестиционной трансакции, длительность которой занимает до 60 рабочих дней. На третьем этапе анализа и оценки рисков Межведомственная комиссия принимает окончательное решение о статусе инвестиционной трансакции. В случае если она представляет угрозу для национальной безопасности, Межведомственная комиссия передает соответствующее заключение в Государственный комитет по развитию и реформам, который останавливает инвестиционную сделку или требует внести поправки в условия трансакции, например изменить долю, получаемую иностранным инвестором, чтобы нивелировать угрозу национальной безопасности КНР.

Глобальный контекст изменений в инвестиционном законодательстве Китая

Важно подчеркнуть, что как недавние изменения, так и весь процесс реформирования инвестиционного законодательства КНР теснейшим образом были связаны с международно-политическим контекстом, положением Китая на мировой арене. Первые правовые реформы инвестиционного регулирования в КНР в конце 1970-х годов были напрямую связаны с изменением места и роли страны в глобальной экономике и мировой политике. Как отмечает академик РАН В.Г. Барановский, «еще в 1960-е годы исходящие из Пекина импульсы ощутимым образом затронули два из трех компонентов международно-политической системы того времени. А в 1970-е годы Китай вносит коррективы в ее биполярную структуру и встает на тот путь, который сегодня приводит его к превращению в один из трех (а может быть, двух) главных центров влияния в современном мире» [Барановский, 2019: 9].

Динамика баланса сил между субъектами международной системы чрезвычайно важна для анализа инвестиционного регулирования на страновом и региональном уровнях, а в перспективе — и на глобальном. Если рассматривать современную систему международных отношений как формирующуюся полицентричную, то в данный момент можно выделить несколько центров силы с потенциалом глобального влияния: США, Китай, Европейский союз, Россию, Индию, Бразилию. С одной стороны, это подталкивает их к конкуренции в различных областях, в том числе в сфере технологий, к соревнованию экономических моделей. С другой стороны, сама формирующаяся полицентричная система требует от государств компромиссов для решения региональных и глобальных проблем. В этом контексте либерализация инвестиционного законодательства может стимулировать сотрудничество государств и негосударственных акторов — бизнес-структур, региональных интеграционных объединений. В то же время для защиты своих интересов государства разрабатывают механизмы контроля иностранных инвестиций. Ярким проявлением этих разнонаправленных тенденций может служить рассмотренная реформа инвестиционного законодательства КНР.

Особенно показательным в этом отношении является вопрос передачи технологий. В современном мире одним из глобальных трендов развития мировой политики становится увеличение значимости технологий как элемента конкурентоспособности, экономического и политического влияния на международной арене. В первую очередь это выражается в концентрации научно-технологических инноваций в узком кругу государств и интеграционных объединений, выступающих в качестве ключевых субъектов международной системы: это прежде всего США, страны ЕС, Китай, Япония. Данный факт можно проиллюстрировать на примере расходов на НИОКР²⁰ 14 стран — мировых лидеров как по величине соответствующих затрат с учетом паритета покупательной способности (ППС), так и по их доле в ВВП, а также по удельному весу в структуре глобальных расходов (табл. 2). В 2018 г. глобальные расходы на НИОКР составили 2,107 трлн долл. США, по данным Congressional Research Service²¹.

²⁰ Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

²¹ Global research and development expenditures: Fact sheet // The Congressional Research Service. 29.04.2020. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R44283.pdf> (accessed: 10.02.2021).

Таблица 2. Расходы стран на НИОКР в 2018 г.
(в абсолютном выражении с учетом ППС в млрд долл. США,
в процентах к ВВП, в % от глобальных расходов)

Table 2. 2018 global research and development expenditures
(in billions of current PPP dollars; as a percentage of GDP;
as a percentage of global expenditure)

Страна	В абсолютном выражении с учетом ППС	В % к ВВП	В % от глобальных расходов
США	581,6	2,84	27,60
Китай	554,3	2,19	26,31
Япония	171,3	3,26	8,13
ФРГ	141,4	3,09	6,71
Республика Корея	98,5	4,81	4,67
Франция	68,4	2,2	3,25
Великобритания	53,1	1,72	2,52
Россия	41,5	0,99	1,97
Италия	36	1,4	1,71
Канада	29	1,57	1,38
Испания	23,6	1,24	1,12
Австралия	22,6	1,87*	1,07
Турция	21,7	0,96*	1,03
Нидерланды	21,5	2,16	1,02

* *Примечание:* данные за 2017 г.

Источник: составлено автором на основании данных Congressional Research Service²² и UNESCO Institute for Statistics²³.

Source: compiled by the author on the basis of materials of the Congressional Research Service and UNESCO Institute for Statistics.

Корреляцию между устойчивостью экономики и технологическим развитием вновь подтвердила пандемия коронавирусной инфекции, начавшаяся в 2020 г. В условиях длительности и масштаба пандемии технологический фактор стал одним из ключевых для

²² Ibidem.

²³ Science, technology and innovation: Gross domestic expenditure on R&D (GERD)// UNESCO Institute for Statistics. Available at: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=74> (accessed: 13.02.2021).

успешной адаптации экономик к негативному влиянию локдаунов, карантинных мероприятий и переводу ряда производственных процессов, а также части услуг в онлайн-формат. Пандемия в свою очередь ускорила тенденции к дальнейшей роботизации и цифровизации экономики.

Важность в этой связи процессов роботизации можно проиллюстрировать следующим примером. По данным Международной федерации робототехники в рамках доклада World Robotics 2020, число промышленных роботов в 2019 г. составило более 2,7 млн единиц, а среднее количество роботов на 10 тыс. работников в сфере промышленности по миру составило 113 единиц. Отдельно стоит подчеркнуть, что большая часть установленных промышленных роботов приходится на США, КНР, ФРГ, Японию, Республику Корея — 73% всех установленных роботов²⁴. По данным Международного валютного фонда за 2020 г.²⁵, сокращение ВВП США составило около 3,4% (при среднем сокращении 4,5% у стран с развитой экономикой), ВВП ФРГ сократилось на 5,4% (средний уровень падения по Европе составил 7,4%, а в Великобритании и Испании превысил 10%); ВВП КНР вырос на 2% на фоне общемирового падения. Говорить о прямой зависимости между устойчивостью данных экономик к вызовам пандемии и количеством промышленных роботов преждевременно, тем не менее можно предположить наличие взаимосвязи между данными явлениями. Несмотря на тенденцию к сокращению числа установок промышленных роботов в 2019 г., которая, возможно, будет углублена недавним кризисом нехватки микрочипов²⁶ в 2020–2021 гг., в среднесрочной перспективе эксперты Международной федерации робототехники прогнозируют дальнейшее расширение этой практики. Опыт Китая, США и других стран, активно модернизирующих промышленность, будет дополнительным стимулом для развития данной отрасли.

²⁴ Executive summary world robotics 2020 industrial robots // The International Federation of Robotics. 24.09.2020. Available at: https://ifr.org/img/worldrobotics/Executive_Summary_WR_2020_Industrial_Robots_1.pdf (accessed: 01.08.2021).

²⁵ World economic outlook update // The International Monetary Fund. 2021. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update> (accessed: 01.08.2021).

²⁶ Wu D., Kim S., King I. Why the world is short of computer chips, and why it matters // The Bloomberg. 18.02.2021. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-17/the-world-is-short-of-computer-chips-here-s-why-quicktake> (accessed: 01.08.2021).

По оценкам экспертов в рамках доклада Digital Transformation Market Size & Trends Report 2021–2028²⁷, рост данного рынка технологических услуг, связанный с цифровой трансформацией (облачные вычисления, аналитика больших данных, интернет вещей и многие другие), в указанный период может составить более 20% в год. По мнению исследователей, опыт предприятий, осуществивших цифровизацию процессов для адаптации к новым условиям в связи с пандемией коронавируса, будет в значительной степени стимулировать интерес к данным технологиям. Важно подчеркнуть, что услугами этого сектора пользуются не только частные компании, но и государства для оказания социальной помощи и оптимизации процессов управления. Соответственно можно предположить, что такие темпы цифровой трансформации свидетельствуют об изменении восприятия важности цифровизации как предпринимателями, так и государственными структурами, а значит, инвестиционная активность в данном секторе будет возрастать.

ПИИ связаны с научно-технологическим развитием как минимум в трех аспектах. Во-первых, инвестиции — это один из источников финансирования компаний, расширения объемов и сфер деятельности, развития и реструктуризации, что особенно важно для ресурсоемких высокотехнологичных отраслей. Во-вторых, ПИИ могут использоваться в качестве инструмента получения контроля над интеллектуальной собственностью и нематериальными активами. В-третьих, инвестиционная деятельность связана с распространением технологий и технологических стандартов, которые могут быть составляющей инвестиционной сделки.

Как следствие, в настоящее время формируется тенденция к усилению взаимосвязи инвестиционных процессов и их контроля с развитием технологий. С одной стороны, современные информационные системы упрощают процедуру контроля, позволяют быстро собирать и обрабатывать необходимые данные для анализа и оценки инвестиционных сделок. С другой стороны, государства и другие субъекты экономики и политики становятся всё более зависимы от новейших технологий, с помощью которых они могут адаптироваться к условиям быстро меняющегося мира и появлению новых больших вызовов, а также обеспечить растущие запросы общества.

²⁷ Digital transformation market size & trends report, 2021–2028 // Grand View Research. 2021. Available at: <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/digital-transformation-market> (accessed: 01.08.2021).

В этой связи регулирование иностранных инвестиционных потоков, особенно в технологические отрасли, необходимо для обеспечения национальной безопасности или коллективной безопасности таких субъектов, как региональные интеграционные объединения.

Другим важным трендом является повышение значения региональных и трансрегиональных структур в регулировании инвестиционных потоков. В последнее десятилетие экономическое сотрудничество и внешняя торговля всё больше развиваются через договоры о свободной торговле на двустороннем, региональном и межрегиональном уровнях. Об этом свидетельствует рост числа региональных торговых соглашений в мире (рисунок).

Данные ВТО о региональных торговых соглашениях (РТС) в мире с 1948 по 2020 г.

(общее число и количество соглашений по годам вступления в силу)

WTO data on regional trade agreements from 1948 to 2020 (cumulative number and number per year)

Источник: WTO Regional Trade Agreements Database²⁸.

Source: WTO Regional Trade Agreements Database.

Помимо торговых соглашений создаются трансрегиональные проекты, например китайская инициатива «Пояс и путь», японский проект по созданию качественной инфраструктуры, стратегия Европейского союза по соединению Европы и Азии — формированию

²⁸ RTA tracker // Regional Trade Agreements Database WTO. Available at: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (accessed: 14.02.2021).

транспортной, энергетической и цифровой сети взаимодействия. Важной составляющей таких конкурирующих инициатив влиятельных глобальных игроков является инвестиционное сотрудничество по финансированию заложенных в них инфраструктурных и транспортных проектов.

Описанные тенденции нашли отражение в двойственности открытия китайской экономики для иностранных инвесторов в рамках реформы законодательства. С одной стороны, финансовый сектор, некоторые отрасли промышленности, транспортный сектор стали более открытыми, что коррелирует с развитием торговых и экономических связей с помощью трансрегиональных проектов и региональных торговых соглашений. С другой стороны, для наращивания и сохранения превосходства в научно-технологическом развитии высоконаукоемкие отрасли и сектора, связанные с передовыми технологиями (например, биотехнологии, аддитивные технологии), остались недоступны для иностранного капитала. Помимо этого из-за повышения значимости технологий для национальной безопасности китайское правительство создало и совершенствует механизм оценки и контроля иностранных инвестиций, а также учредило ответственный орган — Межведомственную комиссию по оценке рисков для национальной безопасности в рамках сделок иностранных инвесторов и отечественных предприятий.

Инвестиционное сотрудничество Европейского союза и КНР: преференциальный режим для ЕС

Одним из приоритетных партнеров для КНР в плане внешнеэкономического и инвестиционного сотрудничества является Европейский союз. Взаимоотношения с ним имеют и важнейшее политическое измерение с точки зрения противостояния давлению со стороны Соединенных Штатов, американской идее «разъединения» двух крупнейших экономик мира. Значение этих связей наиболее ярко иллюстрируют объем накопленных ПИИ и направления их потоков в 2019 г. (табл. 3.) По данным Евростата, среди стран Европейского союза на три крупнейшие экономики (ФРГ, Франция, Италия) приходится около 40% общего объема накопленных инвестиций в КНР. Китайский капитал в основном сконцентрирован в Нидерландах и Люксембурге (до 73% общего объема).

Таблица 3. Объем накопленных ПИИ и их потоки между КНР (включая Гонконг) и странами ЕС-27 (на примере 9 крупнейших партнеров) в 2019 г., млрд евро

Table 3. 2019 Direct investment positions and flows between the European Union 27 countries (with details on the 9 major partners) and the PRC (including Hong Kong), in billions of euros

Партнер	Объем ПИИ в Китае	Объем ПИИ в Гонконге	Суммарно	Партнер	Объем ПИИ из Китая	Объем ПИИ из Гонконга	Суммарно
ЕС-27	198,74	163,02	361,76	ЕС-27	69,29	185,82	255,11
ФРГ	83,25	8,19	91,44	Нидерланды	23,2	82,41	105,61
Люксембург	7,61	77,20	84,81	Люксембург	8,36	72,14	80,5
Нидерланды	35,86	43,96	79,82	ФРГ	4,28	6,25	10,53
Франция	28,78	8,88	37,66	Швеция	8,41	0,202	8,612
Италия	10,38	3,63	14,01	Франция	2,6	5,93	8,53
Швеция	11,32	2,53	13,85	Испания	2,58	1,84	4,42
Дания	4,56	3,69	8,25	Бельгия	0,786	3,63	4,416
Испания	3,32	1,75	5,07	Дания	0,126	1,24	1,366
Бельгия	2,24	2,60	4,84	Италия	0,86	0,192	1,052
Партнер	Отток в Китай	Отток в Гонконг	Суммарно	Партнер	Приток из Китая	Приток из Гонконга	Суммарно
ЕС-27	3,79	81,47	85,26	ЕС-27	15,4	34,82	50,22
Люксембург	-1,87	53,74	51,87	Нидерланды	5,35	39,25	44,6
Нидерланды	4,27	21,76	26,03	ФРГ	1,29	0,39	1,68
ФРГ	3,37	1,92	5,29	Франция	0,44	0,65	1,09

Партнер	Отток в Китай	Отток в Гонконг	Суммарно	Партнер	Приток из Китая	Приток из Гонконга	Суммарно
Швеция	0,52	1,92	2,44	Швеция	1,07	-0,145	0,925
Дания	0,26	0,37	0,63	Испания	0,095	0,092	0,187
Испания	0,12	0,156	0,28	Италия	0,062	0,043	0,105
Бельгия	0,27	-0,77	-0,50	Дания	0,021	0,001	0,022
Франция	0,14	-1,28	-1,14	Бельгия	0,52	-0,56	-0,04
Италия	0,02	-0,081	-0,06	Люксембург	0,076	-7,09	-7,014

Источник: составлено автором на основе данных EUROSTAT²⁹.

Source: compiled by the author on the basis of the EUROSTAT.

Помимо национального законодательства КНР, государств — членов Европейского союза, наднационального законодательства ЕС, регулирующего иностранные инвестиции, ЕС и Китай разработали двусторонний механизм регулирования — так называемое Всеобъемлющее инвестиционное соглашение. Переговоры о нем длились 7 лет — с 2013 г., в декабре 2020 г. они были завершены и стороны достигли консенсуса по первичным условиям будущего договора³⁰. Наиболее важной составляющей соглашения стали обязательства со стороны Китая по расширению доступа для инвесторов из ЕС (табл. 4).

²⁹ EU direct investment positions, breakdown by country and economic activity // EUROSTAT. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/bop_fdi6_pos (accessed: 22.08.2021); EU direct investment flows, breakdown by partner country and economic activity // EUROSTAT. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/bop_fdi6_flow (accessed: 22.08.2021).

³⁰ Потопов Д.А. Завершение переговоров ЕС и КНР по всеобъемлющему инвестиционному соглашению // ИМЭМО РАН. 08.01.2021. Available at: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/zavershenie-peregovorov-es-i-kr-po-vseobaemlyushtemu-investitsionnomu-soglasheniyu> (дата обращения: 06.01.2021).

Таблица 4. Основные обязательства Китая в рамках будущего Всеобъемлющего инвестиционного соглашения с Европейским союзом

Table 4. China's commitments made under the EU–China Comprehensive Agreement on Investment

Сектор	Обязательства
Обрабатывающая промышленность	Значительное расширение доступа для иностранных инвесторов в производящие отрасли (с учетом того, что более половины инвестиций из ЕС идут в эти сектора) в целях обеспечения аналогичных с рынком ЕС условий для иностранных инвесторов
Автомобильная промышленность	Снятие требования об обязательном создании совместного предприятия для работы на китайском рынке
Международные морские перевозки	Разрешение инвесторам из ЕС осуществлять капиталовложения в предприятия, связанные с обработкой, хранением и отправкой морских грузов, для предоставления компаниям из ЕС возможности организовывать мультимодальные перевозки ³¹
Строительные услуги	Обязательство Китая снять ограничения, введенные им при присоединении к ГАТС ³² в рамках ВТО
Наем специалистов инвесторами из ЕС	Разрешение инвесторам из ЕС беспрепятственно приглашать менеджеров и специалистов из ЕС для работы в совместных и дочерних компаниях в Китае. Такие специалисты смогут работать в стране до 3 лет без предварительного тестирования, на них не будут распространяться квоты на работников из-за рубежа
Услуги в сфере экологии и природопользования	Снятие требования об обязательном создании совместного предприятия для предоставления ряда услуг в области экологии и природопользования
Услуги, связанные с авиатранспортом	Предоставление возможности инвесторам из ЕС осуществлять капиталовложения в сектор услуг, связанных с авианавигацией, а также организацией и продажей авиабилетов; отмена требования к размеру минимального капитала в сфере операционного и финансового лизинга авиатехники
Разработка биотехнологий	Обязательство не вводить новые ограничения в отношении инвесторов из ЕС в сфере разработки биотехнологий
Сектор бизнес-услуг	Отмена требования о создании совместных предприятий для работы на рынке аренды, покупки и продажи недвижимости, ремонта транспорта, рекламных услуг, консалтинга и др.

Сектор	Обязательства
Телекоммуникация и облачные вычисления	Снятие запрета на инвестиции из ЕС в облачные вычисления, на приобретение до 50% акционерного капитала компаний сектора
Здравоохранение (частные клиники)	Открытие доступа на рынок здравоохранения (частных клиник) в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Гуанчжоу и Шэньчжэне, отмена требования об обязательном создании совместного предприятия
Финансовые услуги	Дальнейшая либерализация финансового сектора, отмена требования об обязательном создании совместных предприятий, увеличение разрешенной доли инвесторов из ЕС в компаниях данного сектора
Компьютерные услуги	Открытие доступа на рынок компьютерных услуг для инвесторов из ЕС, применение к ним принципа «технологической нейтральности»

Источник: составлено автором на базе основных элементов инвестиционного соглашения ЕС и Китая³¹.

Source: compiled by the author on the basis of the key provisions of the EU–China Comprehensive Agreement on Investment.

Помимо открытия собственного рынка для инвесторов из ЕС Китай взял на себя обязательства по раскрытию информации о государственных субсидиях, а также по повышению стандартов в области охраны труда в соответствии с нормами конвенций Международной организации труда³². Для разрешения споров стороны будут использовать модель урегулирования межгосударственных споров *state-to-state dispute settlement*³³, а не традиционную для этих случаев модель международного урегулирования споров между иностранными инвесторами и государствами, принимающими инвестиции [Рачков, 2016]. В соглашение также войдут положения

³¹ Key elements of the EU–China Comprehensive Agreement on Investment // The European Commission. 30.12.2020. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2542 (accessed: 06.01.2021).

³² ILO conventions ratifications for China // International Labour Organization. Available at: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:11200:0::NO::P11200_COUNTRY_ID:103404 (accessed: 21.09.2021).

³³ State–state dispute settlement in investment treaties // International Institute for Sustainable Development. 2014. Available at: <https://www.iisd.org/system/files/publications/best-practices-state-state-dispute-settlement-investment-treaties.pdf> (accessed: 06.01.2021).

об обеспечении защиты прав интеллектуальной собственности, на чем настоял Европейский союз.

КНР постепенно открывает свой внутренний рынок для иностранного капитала, в то же время создав механизм оценки и контроля иностранных инвестиций. Наиболее широкий доступ получат именно инвесторы из ЕС после подписания Всеобъемлющего инвестиционного соглашения. Можно предположить, что это стало в том числе реакцией на усиление контроля над инвестиционной деятельностью нерезидентов в странах Евросоюза. После подписания соглашения Китай сможет повысить уровень доверия к национальным инвесторам в процессе прохождения механизмов контроля иностранных инвестиций в государствах — членах ЕС.

20 мая 2021 г. Европарламент принял решение³⁴ приостановить ратификацию Всеобъемлющего инвестиционного соглашения с Китаем. Поводом стали политические трения по вопросам прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и последовавший обмен санкциями между ЕС и КНР. Несмотря на это, в долгосрочной перспективе наиболее вероятны возобновление ратификации данного соглашения и ее завершение. Формирующаяся полицентричная система международных отношений обуславливает необходимость компромиссов между крупнейшими экономическими и политическими акторами, каковыми являются Европейский союз и Китай. Эта необходимость подкрепляется растущей взаимосвязью между странами ЕС и КНР во многих сферах, в первую очередь в торговле и производстве, а также особенностью современного технологического развития, характеризующегося двумя параллельными тенденциями. С одной стороны, происходит концентрация значительной доли НИОКР в узком кругу акторов. С другой стороны, сложность современных исследований определяет актуальность сотрудничества не только на уровне отдельных стран, но также на региональном и даже глобальном уровнях. Всё это настоятельно требует если не сотрудничества, то как минимум стабильного взаимодействия между ЕС и КНР. Помимо этого инвестиционное сотрудничество между ними может стать основой для решения ряда технологических вызовов,

³⁴ MEPs refuse any agreement with China whilst sanctions are in place // European Parliament. 20.05.2021. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210517IPR04123/meps-refuse-any-agreement-with-china-whilst-sanctions-are-in-place> (accessed: 06.01.2021).

с которыми страны уже столкнулись во время пандемии COVID-19 и с которыми могут столкнуться в будущем.

* * *

Эволюция китайского инвестиционного законодательства с самого начала его формирования до настоящего времени характеризовалась рядом специфических черт. Во-первых, традиционно предусматривается апробирование нововведений в специальных экономических зонах и только затем происходит их распространение на другие территории страны. Во-вторых, несмотря на устойчивую тенденцию к либерализации, которую можно наблюдать на протяжении всех четырех выделенных в статье этапов развития законодательства в данной конкретной сфере, отдельные отрасли национальной экономики всё еще недоступны или частично закрыты для иностранного капитала. В-третьих, на современном этапе параллельно с либерализацией разворачивается процесс расширения механизмов контроля над ПИИ, который можно трактовать как протекционистскую меру, основанную на зарубежном опыте.

Последняя тенденция характерна не только для КНР, но и в целом для многих стран мира, в том числе государств — членов Европейского союза. Можно предположить, что это связано с повышением роли технологий и инноваций как компонентов экономического влияния в рамках системы международных отношений. С учетом концентрации НИОКР в узком кругу государств и интеграционных объединений необходимость защиты критически важных технологий и собственного технологического превосходства будет становиться всё более актуальной, поэтому механизмы контроля над ПИИ станут неотъемлемой частью инвестиционного регулирования. Однако это не означает, что процесс дальнейшей либерализации инвестиционного законодательства КНР будет остановлен. Современные разработки требуют значительных финансовых ресурсов, происходят на стыке нескольких наук и дисциплин, поэтому страны, претендующие на региональное и глобальное лидерство в технологическом развитии, не могут осуществлять их изолированно и будут вынуждены сотрудничать друг с другом.

Процесс либерализации национального законодательства КНР в сфере инвестиционного регулирования, если исходить из современной политической конъюнктуры, будет содействовать дальнейшему

расширению экономического и технологического влияния Китая, укреплению его регионального и глобального лидерства. В первую очередь подобная либерализация будет способствовать привлечению ПИИ для развития научно-технологических разработок в Китае и созданию совместных с другими странами научно-исследовательских центров. Можно предположить, что будущее Всеобъемлющее инвестиционное соглашение между Евросоюзом и КНР будет способствовать расширению возможностей для инвестиционного сотрудничества в сфере научно-технических разработок с участием иных государств и негосударственных акторов. Однако необходимо учитывать, что это сотрудничество зависит от общей динамики взаимоотношений ЕС и Китая, не только в экономическом, но и в политическом измерении, а также от условий международной среды, в частности позиции США по данному вопросу и масштабов американо-китайского противостояния.

Выявленные тенденции, изученные с использованием пространственного подхода, позволяют сделать вывод о формировании новых институциональных и политических аспектов трансрегионального сотрудничества Европейского союза и Китая, а в перспективе — и более масштабного пространства межрегионального взаимодействия в Большой Евразии, субъектами которого выступают ЕС и КНР. Во-первых, появляются институты, регулирующие функционирование и взаимоотношения участников (инвесторов, компаний, национальных ведомств, государств). Так, механизмы оценки ПИИ и контроля над ними станут непосредственными регуляторами инвестиционных операций, а Всеобъемлющее соглашение об инвестиционном сотрудничестве должно способствовать созданию общих правил и гармонизации законодательства. Во-вторых, развивающееся на наших глазах пространство двустороннего инвестиционного взаимодействия расширяется и по количеству открываемых Китаем отраслей экономики, и по числу новых участников. Этому содействуют либерализация инвестиционного законодательства КНР, расширение и углубление ее экономического и внешнеторгового сотрудничества с ЕС.

Отдельно стоит выделить проблему адаптивности экономик, с которой столкнулись Китай и страны Европейского союза во время пандемии коронавируса. Цифровизация и роботизация производ-

ства могут повысить их приспособляемость к резким изменениям внешних условий, но они требуют значительных капиталовложений и имплементации технологий. Соответственно расширение инвестиционного сотрудничества может стать важной составляющей решения проблемы повышения устойчивости и адаптивности экономик стран и регионов в посткоронавирусном мире. Несмотря на разногласия и конфликты интересов, для решения данной проблемы ЕС и КНР, вероятно, будут вынуждены и имеют намерения активно взаимодействовать.

Китай усиленно продвигает свою глобальную инициативу «Пояс и путь», в рамках которой планирует реализовать инфраструктурные проекты во многих регионах мира. Несмотря на то что в этих проектах значительную первостепенную роль играют китайские компании, предприятия и бизнес-структуры других стран, используя инструмент ПИИ, могут не только принимать в них участие, но и получать возможность лоббирования своих интересов в КНР в процессе расширения своего присутствия на ее чрезвычайно емком внутреннем рынке. Такая возможность должна позитивно отразиться на привлекательности этой китайской инициативы для других стран и будет способствовать расширению их сотрудничества с КНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андропова И.В., Соколан Д.С. Прямые иностранные инвестиции Китая в страны ЕС // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2018. № 4 (51). С. 67–78.
2. Бадаева Н.В. Развитие гражданского законодательства о вещных правах и собственности как основа инвестиций в Китае // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-grazhdanskogo-zakonodatelstva-o-veschnyh-pravah-i-sobstvennosti-kak-osnova-investitsiy-v-kitae> (дата обращения: 26.08.2021).
3. Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 7–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23.
4. Вавилов Н.Н. Китайская власть. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021.

5. Европейский союз в глобальном экономическом управлении / Отв. ред. М.В. Стрежнева // М.: ИМЭМО РАН, 2017. DOI: 10.20542/978-5-9535-0491-1.

6. Жилкибаев С.Н. Правовой режим иностранных инвестиций в России и Китае: правовые уроки двух моделей переходной экономики // Юридическая наука. 2020. № 11. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-inostrannyh-investitsiy-v-rossii-i-kitae-pravovye-uroki-dvuh-modeley-perehodnoy-ekonomiki> (дата обращения: 26.08.2021).

7. Новоселова Л.В. Привлечение иностранных инвестиций в китайскую экономику: новейшие законообеспеченные подходы // Российский экономический журнал. 2020. № 4. С. 88–102. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-4-88-102.

8. Прохоренко И.Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2015.

9. Рачков И.В. Реформа международноправового урегулирования споров между иностранными инвесторами и государствами // Международное правосудие. 2016. № 3. С. 118–136.

10. Сухонос Ю.С. Прямые иностранные инвестиции Китая и их влияние на страны ЕС // Бизнес-информ. 2019. № 12 (503). С. 51–56. DOI: 10.32983/2222-4459-2019-12-51-56.

11. Шелухин А.А. Китайские инвестиции в глобальной экономике // Международная экономика. 2016. № 8. С. 29–38.

12. Chen C. The impact of coastal FDI on inland economic growth in China // China's domestic transformation in a global context / Ed. by L. Song, R. Garnaut, C. Fang, L. Johnston. ANU Press, 2015. P. 339–360. Available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt16wd0dw.19> (accessed: 02.08.2021).

13. Taube M., Ögütçü M. Main issues on foreign investment in China's regional development: Prospects and policy challenges // Foreign direct investment in China: Challenges and prospects for regional development. OECD, 2002. Available at: <https://www.oecd.org/development/investmentfordevelopment/1939560.pdf> (accessed: 02.08.2021).

14. Wan J. *Zhong guo de wai shang tou zi guo jia an quan shen cha ji zhi* [China mechanism of assessment of security risks involved by foreign investments] // Lexology. 2019. Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=b5683d45-2e97-41ca-b956-694cdd6626be> (accessed: 24.01.2021). (In Chinese).

REFERENCES

1. Andronova I.V., Sokolan D.S. 2018. Pryamyie inostrannyye investitsii Kitaya v strany ES [Foreign direct investment of China in EU]. *Vestnik Tikhoookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (51), pp. 67–78. (In Russ.)

2. Badaeva N.V. 2018. Razvitie grazhdanskogo zakonodatel'stva o veshchnykh pravakh i sobstvennosti kak osnova investitsii v Kitae [Development of the civil legislation on the real rights and property as a basis of investments in China]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*, no. 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-grazhdanskogo-zakonodatelstva-o-veschnykh-pravah-i-sobstvennosti-kak-osnova-investitsiy-v-kitae> (accessed: 26.08.2021). (In Russ.)

3. Baranovskii V.G. 2019. Novyi miroponyadok: preodolenie starogo ili ego transformatsiya? [New international order: Overcoming or transforming the existing pattern?]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 5, pp. 7–23. (In Russ.)

4. Vavilov N.N. 2021. *Kitaiskaya vlast'* [Chinese political power]. Moscow, MKM Scientific Press. (In Russ.)

5. Strezhneva M. (ed.). 2017. *Evropeiskii soyuz v global'nom ekonomicheskom upravlenii* [European Union in global economic governance]. Moscow, IMEMO RAN Publ. DOI: 10.20542/978-5-9535-0491-1. (In Russ.)

6. Zhilkibaev S.N. 2020. Pravovoi rezhim inostrannykh investitsii v Rossii i Kitae: pravovye uroki dvukh modelei perekhodnoi ekonomiki [Legal regime of foreign investment in Russia and China: Legal lessons of two models of transition economy]. *Yuridicheskaya nauka*, no. 11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-inostrannykh-investitsiy-v-rossii-i-kitae-pravovye-uroki-dvuh-modeley-perekhodnoy-ekonomiki> (accessed: 26.08.2021). (In Russ.)

7. Novoselova L.V. 2020. Privlechenie inostrannykh investitsii v kitaiskuyu ekonomiku: noveishie zakonoobespechennye podkhody [Attracting foreign investment to the chinese economy: The latest secured approaches law]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 88–102. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-4-88-102. (In Russ.)

8. Prokhorenko I.L. 2015. *Prostranstvennyi podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Spatial approach in international relations studies]. Moscow, IMEMO Publ. (In Russ.)

9. Rachkov I.V. 2016. Reforma mezhdunarodnopravovogo uregulirovaniya sporov mezhdru inostrannymi investorami i gosudarstvami [Reforming international resolution of disputes between foreign investors and host states]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 3 (19), pp. 118–136. (In Russ.)

10. Sukhonos Yu.S. 2019. Pryamye inostrannye investitsii Kitaya i ikh vliyanie na strany ES [China's foreign direct investments and their influence on the EU countries]. *Biznes-inform*, no. 12 (503), pp. 51–56. DOI: 10.32983/2222-4459-2019-12-51-56. (In Russ.)

11. Shelukhin A.A. 2016. Kitaiskie investitsii v global'noi ekonomike [Chinese investment in the global economy]. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, no. 8, pp. 29–38. (In Russ.)

12. Chen C. 2015. The impact of coastal FDI on inland economic growth in China. In: Song L., Garnaut R., Fang C., Johnston L. (eds.). *China's domestic transformation in a global context*. ANU Press, pp. 339–360. Available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt16wd0dw.19> (accessed: 02.08.2021).

13. Taube M., Ögütçü M. 2002. Main issues on foreign investment in China's regional development: Prospects and policy challenges. *Foreign direct investment in China: Challenges and prospects for regional development*. OECD. Available at: <https://www.oecd.org/development/investmentfordevelopment/1939560.pdf> (accessed: 02.08.2021).

14. Wan J. 2019. Zhong guo de wai shan tou zi guo jia an quan shen cha ji zhi [China mechanism of assessment of security risks involved by foreign investments]. *Lexology*. Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=b5683d45-2e97-41ca-b956-694cdd6626be> (accessed: 24.01.2021). (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 05.08.2021; одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The paper was submitted 05.08.2021; approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 29.09.2021.